

UNIwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach
Instytut Filologii Polskiej i Lingwistyki Stosowanej
Międzynarodowy Komitet Słowistów
Komisja Słowotwórstwa

**Aktualne problemy
komparatystyki słowiańskiej:
teoria i metodologia
badań lingwistycznych**

Redakcja naukowa
Elena Koriakowcewa

Siedlce 2010

Recenzenci: prof. zw. dr hab. Krystyna Kleszczowa, Uniwersytet Śląski
prof. dr hab. Ludwig Selimski, Uniwersytet Śląski
prof. zw. dr hab. Jadwiga Stawnicka, Uniwersytet Śląski

Komitet Wydawniczy:

Zofia Chyra-Rolicz (przewodnicząca), Stanisław Jaczyński, Mirosław Jakubiak, Iwona Kiersztyn, Marek Kucharski, Ryszard Mojak, Ryszard Rosa, Janina Skrzyczyńska, Stanisław Socha, Janusz Toruński, Izabela Trzpil, Janusz Uchmański, Hanna Wadas-Woźny, Andrzej Wiśniewski, Krystyna Wojtczuk, Kazimierz Żegnałek

Kolegium Redakcyjne:

mgr Ewa Bańkowska (Kierownik Działu Nauki Uniwersytetu Przyrodniczo-Humanistycznego w Siedlcach), Doc. PhD Ivana Bozděchová (Uniwersytet Karola, Praga, Czechy), PhDr. Jaroslava Celerová, CSc. (Uniwersytet Jana Evangelisty Purkyně w Ústí nad Labem, Czechy), Doc. Dr Aleksander W. Pietrow (Taurydski Uniwersytet Państwowy im. W.I. Wernadzkiego w Symferopolu, Ukraina), Prof. dr hab. Irena Stramljič-Breznik (Uniwersytet w Mariboru, Słowenia), mgr Anna Suprun (Kierownik Wydawnictwa Uniwersytetu Przyrodniczo-Humanistycznego w Siedlcach)

Żaden fragment tej publikacji nie może być reprodukowany, umieszczany w systemach przechowywania informacji lub przekazywany w jakiegokolwiek formie – elektronicznej, mechanicznej, fotokopii czy innych reprodukcji – bez zgody posiadacza praw autorskich.

© Copyright by Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach,
Siedlce 2010

ISBN 978-83-7051-605-5

Wydawnictwo Uniwersytetu Przyrodniczo-Humanistycznego w Siedlcach
08-110 Siedlce, ul. Bema 1, tel. (025) 643 15 20
e-mail: wydawnictwo@uph.edu.pl
www.wydawnictwo.uph.edu.pl

Wyd. I. Format B-5.
Ark. wyd. 17,5. Ark. druk. 16,0.

Łamanie: Zofia Chudek (Wydawnictwo UHP)

Druk: ELPIL, Siedlce

Spis treści

Wstęp	5
--------------------	---

I. Problemy teoretyczno-metodologiczne badań porównawczych języków słowiańskich

Galina P. Nieszczymento - Сопоставительное изучение славянских языков и его значимость для прогнозирования развития языковой системы	13
--	----

Ingeborg Ohnheiser - Предмет и методы сопоставительного изучения словообразования: традиция и новация	51
---	----

Gennadij A. Nikolajew - Историко-сопоставительное славянское словообразование	73
---	----

Aleksander Łukaszaniec - О некоторых аспектах сопоставительного изучения словообразования в близкородственных языках	81
--	----

Elena I. Koriakowcewa - Об интегрирующей роли общеславянского фонда интернациональных морфем	89
--	----

Cwetanka Awramowa - Формира ли се нов начин за образуване на думи в славянските езици?	103
--	-----

II. Konfrontatywne studia leksykalno-semantyczne

Jaroslava Celerová - Problematika rusko-české homonymie a paronymie	117
--	-----

Natalia Demianenko - Ментальна характеристика людини у польській, українській та російській фразеології	123
---	-----

Inna U. Kalita - Семантична стратифікація ‘блага’ ва ўсходнеславянскіх мовах	131
--	-----

Gulzuchra K. Kasimowa, Olga S. Żestkova - О методологии анализа однотипных лексико-семантических групп в неблизкородственных языках (на материале русских и английских существительных, мотивированных глаголами созидания и разрушения)	141
--	-----

Anna I. Bowsunowskaja, Natalia G. Nikolajewa - Югозападнорусское и польское влияние в языкотворчестве грекофилов	153
Larisa W. Racyburskaja, Anastazja A. Timofiejewa - Интернациональные словообразовательные элементы в текстах русских и чешских СМИ	159
Jadwiga Stawnicka - Przekład rosyjskich <i>Aktionsarten</i> na język polski. Wybrane zagadnienia	171

III. VARIA

Natalia Avina - Проявление аналитизма в русском языке в условиях этнокультурного взаимодействия	181
Katarzyna Czarnecka - Problemy słowotwórstwa południowokresowego na tle polszczyzny ogólnej (na przykładzie rzeczowników ekspresywnych)	191
Nadieżda K. Onipenko - Концепция коммуникативной грамматики и ее место в современной русистике	203
Aleksander W. Pietrow - Вербализация концепта <i>любить</i> словообразовательными средствами (на материале композитов русского языка)	223
Tatiana W. Popowa - Современная массовая коммуникация: типологическая оценка креолизации языковых средств	235
Jelena G. Sobolewa - Содержательные категории рекламного текста как основа для сопоставительных исследований (на материале русской рекламы)	243
Informacja o autorach i recenzentach tomu	253

WSTĘP

Prezentowany tom powstał w ramach projektu naukowego „Słowiańskie słowotwórstwo porównawcze”, zainicjowanego przez Komisję Słowotwórstwa przy Międzynarodowym Komitecie Sławistów na jej konferencji w Sofii w roku 2007. W prace nad tym projektem włączyła się Pracownia Lingwistyki Porównawczej Instytutu Filologii Polskiej Akademii Podlaskiej, która w dniu 27 lutego 2009 roku zorganizowała międzynarodowe seminarium internetowe nt. „Przejawy internacjonalizacji w językach słowiańskich”. W seminarium wzięli udział wybitni naukowcy z 9 krajów europejskich, a także badaczy z uczelni, które są partnerami Akademii Podlaskiej w ramach LLP/ERASMUS: z Uniwersytetu w Mariborze i z Uniwersytetu Karola w Pradze. Efektem tego przedsięwzięcia naukowego jest opublikowany przez Wydawnictwo AP już w połowie 2009 roku tom pt. „Przejawy internacjonalizacji w językach słowiańskich”, pod red. E. Koriakowcewej, wysoko oceniony w kraju i za granicą.

Zainteresowanie środowisk sławistycznych tematem „Słowiańskie słowotwórstwo porównawcze” stało się impulsem do kolejnej międzynarodowej dyskusji naukowej nt. „Aktualne problemy komparatystyki słowiańskiej: teoria i metodologia badań lingwistycznych”, która i tym razem była zainicjowana przez Pracownię Lingwistyki Porównawczej Instytutu Filologii Polskiej Akademii Podlaskiej. W dyskusji tej wzięli udział partnerzy IFP AP w ramach LLP/ERASMUS z Uniwersytetu Jana Evangelisty Purkyně (Ústí nad Labem, Czechy), członkowie Komisji Słowotwórstwa przy MKS z Austrii, Białorusi, Bułgarii, Polski i Rosji, a także językoznawcy z dziewięciu Uniwersytetów: Kazańskiego, Kijowskiego, Moskiewskiego, Niżegorodzkiego, Pienzeńskiego, Śląskiego, Taurydzkiego, Uralskiego i Wileńskiego, z którymi Pracownię Lingwistyki Porównawczej IFP AP łączą więzi współpracy naukowej.

Przedstawiana Czytelnikom książka *Aktualne problemy komparatystyki słowiańskiej: teoria i metodologia badań lingwistycznych* – będąca pokłosiem wspomnianej międzynarodowej dyskusji naukowej – stanowi kolejny krok w realizacji podejmowanych dotychczas zadań naukowej współpracy Komisji Słowotwórstwa przy MKS z ośrodkami sławistycznymi różnych krajów.¹ Zamie-

¹ Efektem dotychczasowej pracy Komisji Słowotwórstwa przy MKS są publikacje: – *Neue Wege der slavistischen Wortbildungsforschung*. 2. Tagung der Internationalen Kommission für Slavische Wortbildung, Magdeburg, 09-11.10.1997. Herausgegeben von Renate Belentschikow (Hrsg.). Frankfurt am Main 1999; – *Wortbildung interaktiv im Sprachsystem – interdisziplinär als Forschungsgegenstand*. Словообразование в его отношениях к другим сферам языка. Materi-

szzone w tomie studia prezentują rezultaty badań teoretyczno-metodologicznych, jak i analizy materiałowe z zakresu poszczególnych języków lub przeprowadzone w aspekcie porównawczym.

Całość otwiera studium **Galiny P. Neszczimienko** (z Instytutu Słowianoznawstwa RAN, Moskwa, Rosja) zatytułowane *Сопоставительное изучение славянских языков и его значимость для прогнозирования развития языковой системы*. Autorka w obszerny sposób przedstawia metodykę i metodologię badań porównawczych w zakresie słowotwórstwa języków słowiańskich, skupiając uwagę na znaczeniu tego typu badań dla naukowego prognozowania rozwoju systemu językowego.

Ingeborg Ohnheiser (reprezentująca Institut für Slawistik w Innsbruck, Austria) w artykule *Предмет и методы сопоставительного изучения словообразования: традиция и новация* rozważa kwestie dotyczące metodologicznych aspektów istotnych dla słowotwórczych studiów porównawczych. Autorka omawia dorobek poszczególnych szkół, potem dokonuje przeglądu osiągnięć czasów najnowszych (przełomu XX/XXI ww.). Pokazuje, jak paradygmat naukowy ukierunkowuje uwagę derywatologów, intensyfikując bądź hamując, a nawet niwelując zainteresowanie słowotwórstwem porównawczym.

Artykuł **Aleksandra A. Łukaszańca** (z Instytutu Języka Białoruskiego i Literatury NAN, Mińsk, Białorusi) pt. *О некоторых аспектах сопостав-*

alien der 3. Konferenz der Kommission für Slawische Wortbildung beim Internationalen Slawistenkomitee, Innsbruck, 27.09-02.10.1999. Herausgegeben von Ingeborg Ohnheiser. Innsbruck 2000; – *Słowotwórstwo a inne sposoby nominacji*. Materiały z 4 konferencji Komisji Słowotwórstwa przy Międzynarodowym Komitecie Slawistów. Katowice 27–29 września 2000 r. Red. Krystyna Kleszczowa, Ludwig Selimski. Katowice 2001; – *Slawische Wortbildung: Semantik und Kombinatorik* (Materialien der 5. Internationale Konferenz der Kommission für Slawische Wortbildung beim Internationalen Slawistenkomitee. Lutherstand Wittenberg, 20.-25. September 2001), Herausgegeben von Swetlana Mengel, LIT-Verlag, Münster–Hamburg–Berlin–London, 2002; – *Праблемы тэорыі і гісторыі славянскага словаўтварэння*. Даклады Шостаі Міжнароднай канферэнцыі Камісіі па славянскаму словаўтварэнню пры Міжнародным камітэце славістаў. Мінск/Беларусь 2-6 сакавіка 2003 г.). Рэд. А.А. Лукашанец, З.А. Харытончык. Мінск, 2004. – *Функцыянальныя аспекты словаўтварэння*. Даклады Міжнароднай IX навуковай канферэнцыі Камісіі па славянскаму словаўтварэнню пры Міжнародным камітэце славістаў. Мінск/Беларусь 9-14 кастрычніка 2006. Рэд. А.А. Лукашанец, З.А. Харытончык. Мінск, 2006. – *Sprachliche Kategorien und die Slawische Wortbildung*. 8. Tagung der Internationalen Kommission für Slawische Wortbildung, Berlin, 13-18.11.2005. Herausgegeben von Hanna Burchardt und Alicja Nagórko. Hildesheim – Zürich - New York 2007. – *Динаміка та стабільність лексичних і словотвірних систем слов'янських мов*. Доповіді: Тематичний блок на XIV Міжнародний з'їзд славістів, 10.09-16.09.2008. Охрид, Республіка Македонія. Ред. Є.А. Карпіловська. Київ, Український комітет славістів etc., 2008. – *Словообразуване и лексикология*. Доклади от Десета международна конференция на Комисията по славянско словообразуване при Международния комитет на славистите. София, 1-6 октомври 2007 г. Ред. В. Радева, Ц. Аврамова, Ю. Балтова. Университетско издателство «Св. Климент Охридски». София, 2009.

ительного изучения словообразования в близкородственных языках jest ciekawą propozycją opisu leksyki blisko spokrewnionych języków. Autor uwzględnia podobieństwa i różnice w zakresie części rdzennych i części afiksalnych porównywanych jednostek, biorąc pod uwagę uwarunkowania historyczne i socjalne.

W swojej wypowiedzi nt. *Историко-сопоставительное славянское словообразование* **Gennadij A. Nikołajew** (z Państwowego Uniwersytetu w Kazaniu, Rosja) proponuje badanie w zakresie systemu słowotwórczego wzajemnych wpływów między językami słowiańskimi (np. polskiego na rosyjski, rosyjskiego na polski). W tym kontekście Autor rozpatruje niezwykle ważny problem wpływu języka starocerkiewnego na derywację języków słowiańskich.

W studium pt. *Об интегрирующей роли общеславянского фонда интернациональных морфем* **Elena Koriakowcewa** (z Uniwersytetu Przyrodniczo-Humanistycznego w Siedlcach, Polska) omawia kwestie dotyczące wpływu na rozwój języków słowiańskich zjawisk uznawanych za przejawy globalizacji współczesnego życia społecznego, gospodarczego i kulturalnego. Autorka bada typy integracyjnych procesów świadczących o internacjonalizacji tych języków, m.in. właściwe im stopnie przyswajania anglo-amerykanizmów, sposoby ich adaptacji do struktury poszczególnych języków słowiańskich.

Przedmiotem rozważań **Cwetanki Awramowej** (z Uniwersytetu im. św. Klemensa Ohrydzkiego, Sofia, Bułgaria) zaprezentowanych w artykule pt. *Формира ли се нов начин за образуване на думи в славянските езици?* są spotykane w wielu wyrazach produktywne elementy internacjonalne określane jako *afiksoidy* – cząstki te są wprawdzie podobne do morfemów słowotwórczych, ale za takie nie mogą być uznawane (i to nie w jednym języku słowiańskim). Autorka dąży do ustalenia statusu tych elementów w systemie słowotwórczym oraz bada istotę procesów sprzyjających powstawaniu wyrazów hybrydalnych z internacjonalnymi afiksoidami.

Tematem pracy *Problematyka rusko-czeskiej homonimii i paronimii* autorstwa **Jaroslavy Celerovej** (z Uniwersytetu Jana Evangelisty Purkyně, Ústí nad Labem, Czechy) są przyczyny pojawienia się międzyjęzykowej homonimii i paronimi. Uwaga badaczki koncentruje się przede wszystkim na zapobieganiu interferencji przy nauczaniu języka rosyjskiego – przez osvajanie wyrazów obcego języka w takich połączeniach wyrazowych, które nie mogą wywoływać mylnych asocjacji.

W artykule *Ментальна характеристика людини у польській, українській та російській фразеології* autorstwa **Natalii Demianenko** (z Państwowego Uniwersytetu im. T.G. Szewczenki w Kijowie, Ukraina) znajdujemy porównanie frazeologizmów we wspomnianych w tytule trzech językach. Badane są struktury zawierające jednostki odnoszące się do różnych aspektów mentalnej charakterystyki człowieka. Ze zrozumiałych względów znaczną uwagę Autorka

poświęca problemowi definiowania pojęcia „mentalność” oraz składających się na nie cech istotnych cech wewnętrznej charakterystyki człowieka.

Ina U. Kalita (z Uniwersytetu Jana Ewangelisty Purkyně, Ústí nad Labem, Czechy) w artykule pt. *Семантическая стратификация 'блага' в южнорусских языках* zastanawia się nad losami zapożyczeń cerkiewnosłowiańskich na tle obserwowanej dziś internacjonalizacji. Poruszany problem jest ważny i ciekawy, ponieważ jest to próba spojrzenia na cerkiewnosłowiańszczyznę z jednej strony jako na przejaw rusyfikacji języka białoruskiego, z drugiej zaś - jako na opóźniony, wtórny wpływ języka starocerkiewnosłowiańskiego na tenże język.

Gulzuchra K. Kasimowa i Olga S. Żestkowa (z Państwowego Uniwersytetu Pedagogicznego w Pienzie, Rosja) w pracy zatytułowanej *О методологии анализа однотипных лексико-семантических групп в неблизкородственных языках* omawiają zagadnienia słowotwórczo-semantyczne dotyczące derywatów rzeczownikowych motywowanych przez czasowniki konstruktywne i destruktywne w języku rosyjskim i angielskim; praca przynosi też liczne konkluzje na temat relacji semantycznych między podstawą werbalną a derywatem.

Anna I. Bovsunovskaja i Natalia G. Nikolajewa (z Państwowego Uniwersytetu w Kazaniu, Rosja) w artykule pt. *Югозападнорусское и польское влияние в языкотворчестве грекофилов* piszą o trzecim wpływie południowosłowiańskim na kształtowanie się rosyjskiego języka literackiego, który łączą z mocno zaznaczającym się w tym samym czasie (w XVII wieku) wpływem greki bizantyjskiej z jednej strony, z drugiej zaś – oddziaływaniem języka łacińskiego, polskiego i ukraińskiego.

Larysa W. Racyburskaja i Anastazja A. Timofiejewa (z Państwowego Uniwersytetu im. N.I. Łobaczewskiego w Niżnym Nowgorodzie, Rosja) w pracy pt. *Интернациональные словообразовательные элементы в текстах русских и чешских СМИ* analizują miejsce i rolę zapożyczeń anglo-amerkańskich w systemie słowotwórczym języka rosyjskiego i czeskiego, wskazując na udział zapożyczanych podstaw i afiksów w tworzeniu nowych formacji.

W artykule pt. *Przekład rosyjskich Aktionsarten na język polski. Wybrane zagadnienia* **Jadwiga Stawnicka** (z Uniwersytetu Śląskiego, Katowice, Polska) skupiła uwagę na podobieństwach i różnicach o charakterze kwantytatywnym i kwalitatywnym rodzajów akcji. Zdaniem badaczki, w ponad 50% tłumacz nie ma dokładnego odpowiednika werbalnego w swoim języku, w związku z czym ucieka się do ekwiwalentu opisowego – wyrażonego czasownikiem nie należącym do rodzaju akcji (czasami rolę ekwiwalentu pełni nawet związek frazeologiczny).

W studium *Проявление аналитизма в русском языке в условиях этнокультурного взаимодействия* **Natalia Avina** (z Uniwersytetu Pedagogiczne-

go w Wilnie, Litwa) omawia tendencję do analityzmu, jaką daje się zaobserwować w sytuacji etniczno-kulturalnej interakcji rosyjsko-litewskiej. Przedmiotem analizy są cechy charakterystyczne regionalnych innowacji (zapożyczeń), uwarunkowanych wpływem rosyjsko-litewskim. Badany materiał stanowią teksty wybrane z litewskiej prasy, a także wypowiedzi rosyjskich mieszkańców Wilna.

Zróżnicowanie dialektalne w relacji do polszczyzny ogólnej to problem, jaki podjęła **Katarzyna Czarnecka** (z Pracowni Polszczyzny Kresowej Instytutu Języka Polskiego PAN w Krakowie) w artykule pt. *Problemy słowotwórstwa południowokresowego na tle polszczyzny ogólnej (na przykładzie rzeczowników ekspresywnych)*. W rozważaniach wykorzystano 1197 formacji ekspresywnych (deminutywów, hipokorystyków, nazw istot młodych i ekspresywnych pejoratywów). Materiał pochodzący z różnorodnych źródeł (m.in. nagrań zgromadzonych w Pracowni Polszczyzny Kresowej IJP PAN oraz słowników gwarowych) Autorka poddaje analizie, w której zwraca uwagę na budowę formacji słowotwórczych oraz na stosunek do nich użytkowników języka.

Nadieżda K. Onipenko (z Moskiewskiego Uniwersytetu Państwowego im. M.W. Łomonosowa, Rosja) w swojej wypowiedzi nt. *Концепция коммуникативной грамматики и ее место в современной русистике* przedstawia poszczególne etapy badań nad gramatyką komunikacyjną oraz ich podstawowe założenia metodologiczne, wyraźnie zaznaczając, że w rusycystyce XXI wieku istnieją trzy kierunki, wykorzystujące termin *funkcjonalny*: teoria gramatyki funkcjonalnej, gramatyka funkcjonalno-komunikacyjna i teoria składni funkcjonalno-komunikacyjnej.

Celem artykułu *Вербализация концепта ЛЮБИТЬ словообразовательными средствами (на материале композитов русского языка)* autorstwa **A.W. Pietrowa** (z Taurydzkiego Uniwersytetu Państwowego im. W.I. Wernadzkiego w Symferopolu, Ukraina) jest określenie roli *compositów* z podstawami rodzimymi i zapożyczonymi w realizacji konceptu *ЛЮБИТЬ*. Wykorzystano internetowe programy poszukujące, a także słowniki neologizmów.

Tatiana W. Popowa (z Uralskiego Technicznego Uniwersytetu Państwowego-UPI im. Pierwszego Prezydenta Rosji Borisa N. Jelcyna, Jekaterynburg, Rosja) w pracy pt. *Современная массовая коммуникация: типологическая оценка креолизации языковых средств* porusza problem tworzenia hybryd tekstowych (kreolizacji tekstu), charakteryzujących się specyfiką werbalno-ikoniczną. Autorka pisze o tzw. *grafoderywatach* i sposobach ich tworzenia, podkreślając, iż kreolizacja tekstów i środków językowych jest uniwersalną tendencją rozwoju języków XXI wieku i komunikacji współczesnej.

Z kolei **Jelena G. Sobolewa** (z Uralskiego Uniwersytetu Państwowego im. A.M. Gorkiego, Jekaterynburg, Rosja) w wypowiedzi *Содержательные категории рекламного текста как основа для сопоставительных исследо-*

ваний (на материале русской рекламы) podkreśla, że szczegółowe badania kategorii znaczeniowych tekstu reklamowego bynajmniej nie zostały zakończone, a tego typu analizy mają wielkie znaczenie, ponieważ dają możliwość opisanego mechanizmów organizacji dominujących znaczeń oraz sposobów ich przedstawiania się w języku.

Tom zbiorowy pt. *Aktualne problemy komparatystyki słowiańskiej: teoria i metodologia badań lingwistycznych*, który ma na celu zainspirowanie dalszej dyskusji na temat metodologii opisu porównawczego języków słowiańskich, może być ciekawą pozycją tak dla sławistów (od lat badających rozwój słowotwórstwa i analizujących leksykę w synchronii i diachronii), jak dla młodych językoznawców, dla których wybór orientacji badawczej jest problemem otwartym.

Kończąc, pragnę podkreślić, że niniejsza publikacja mogła się ukazać dzięki życzliwemu wsparciu władz Uniwersytetu Przyrodniczo-Humanistycznego w Siedlcach (byłej Akademii Podlaskiej), mianowicie Prorektora ds. Nauki, prof. dra hab. Kazimierza Jankowskiego, Prorektora ds. Promocji, prof. dr hab. Tamary Zacharuk i Dziekana Wydziału Humanistycznego, prof. dra hab. Jerzego Kunikowskiego, którym winna jestem szczególną wdzięczność.

Serdecznie dziękuję Recenzentom: Profesor Krystynie Kleszczowej, Profesor Jadwidze Stawnickiej i Profesorowi Ludwigowi Selimskiemu za ich uwagi i sugestie wniesione do prac zamieszczonych w tomie – pomogły one w nadaniu publikacji ostatecznego kształtu.

Elena Koriakowcewa

I.

**Problemy
teoretyczno-metodologiczne
badań porównawczych
języków słowiańskich**

Галина П. Нецименко

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ И ЕГО ЗНАЧИМОСТЬ ДЛЯ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЫ¹

Прием сравнения/сопоставления является универсальной исследовательской процедурой, успешно применяемой во многих научных дисциплинах, в том числе и в лингвистике². Целесообразность ее включения в научный аппарат языкознания подтверждена убедительными результатами, полученными как при эмпирическом описании языкового материала, так и при его теоретическом осмыслении и обобщении. Красноречивым подтверждением этого стали, в частности, достижения сравнительно-исторического языкознания, в котором выстраивание *диахронной* ретроспекции позволило успешно решить важнейшие проблемы генезиса языков.

О возможности использования метода сравнения в сфере не только диахронного, но и *синхронного* изучения, а также об открывающихся в связи с этим новых исследовательских перспективах было публично заявлено уже в Тезисах Пражского лингвистического кружка (1929 г.): “До настоящего времени сравнительное изучение славянских языков ограничивалось одними генетическими проблемами, в частности поисками общего прототипа. А между тем сравнительный метод должен быть использован гораздо шире; он позволяет вскрыть закономерности структуры лингвистических систем и их эволюции. Ценный материал для такого рода сравнения мы находим не только в неродственных или отдаленно родственных языках, различных по

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 08-04-00050а “Актуальные этноязыковые и этнокультурные проблемы современности”.

² Ср.: “Один из шагов, которые должна предпринять любая наука, если она хочет ясно осмыслить потенциальные возможности своего научного метода, заключается в том, чтобы, не ограничиваясь простым описанием изучаемых объектов, перейти к их сравнению и классификации” (Гринберг 1963: 60).

своей структуре, но и в языках одной семьи, например, в славянских, обнаруживающих в ходе своей эволюции наряду с многочисленными и существенными соответствиями также и резкие различия [...]. Сравнительное изучение эволюции славянских языков постепенно разрушает представление о случайном и эпизодическом характере конвергирующей и дивергирующей эволюции, которая проявляется на протяжении истории этих языков. Оно обнаруживает законы единства конвергирующих и дивергирующих явлений (пучок явлений). Таким образом, эволюция славянских языков создает свою типологию, то есть группирует ряд взаимообусловленных явлений в одно целое” (Пражский лингвистический кружок 1967: 18–19).

Обращаем внимание читателя на то, что в цитируемом фрагменте Тезисов отчетливо проводится мысль о значимости сравнительного изучения *близкородственных* – и конкретно – *славянских* языков.

По мнению одного из основателей ПЛК В. Матезиуса, высказанному им в статье “Функциональная лингвистика”, лингвистика последнего двадцатилетия, находясь на рубеже двух эпох, переживает состояние тревожного поиска, когда вера в традиционные методы уже угасает, а новые ценности формируются лишь постепенно, причем с немалыми трудностями. Развивая далее эту мысль, В. Матезиус пишет, что „научный прогресс может осуществляться двумя путями: либо через применение на новом материале и при решении новых проблем уже апробированных методов, либо через использование методов новых, позволяющих не только увидеть в новом свете старые проблемы, но и извлечь новые выводы из уже имеющегося материала” (ср.: Mathesius 1929: 27. Перевод наш. – Г.Н.).

По словам В. Матезиуса, в своем стремлении обнаружить глубинные исторические корни наблюдаемых в языке явлений младограмматики прибегают лишь к историческому методу. Следуя этой максиме, они высокомерно отвергают методы “неисторические”, т.е. синхронные, считая их сугубо описательными. Как пишет В. Матезиус, “новейшая лингвистика пришла к выводу, что, наряду с историческим, или же диахронным подходом, столь же правомерен в научном отношении и подход не исторический, т.е. синхронный, рассматривающий данный язык данного периода безотносительно к его предшествующим стадиям. Только через анализ всего комплекса одновременно сосуществующих языковых явлений, можно постичь их синхронную взаимосвязь, превращающую эти явления в языковую систему” (Ibid.: 27. Перевод наш. – Г.Н.).

Продолжая сравнение двух лингвистических школ, новейшей и исторической, В. Матезиус уточняет: “Историческая школа исходила из того, что чем древнее исследуемый период, тем большую ценность он собой представляет, так как обнажает глубинные исторические корни более поздних периодов. Новая лингвистическая школа, напротив, провозглашает,

что только современный язык может нам дать полную, чуждую всякого искусственного упрощения картину языковой системы [...]. Заслугой исторической школы является создание весьма эффективного инструмента познания – сравнительного метода. Этот инструмент, впрочем, ею использовался с одним весьма существенным ограничением: с его помощью, хотя и сравнивались родственные языки, однако делалось это лишь с той целью, чтобы выявить общий первоисточник наблюдаемых в них явлений. Новейшая лингвистика привлекает к сравнению как родственные, так и неродственные языки, поскольку для нее не существенно, восходят ли они к общему первоисточнику или же нет. Ее цель заключается в углубленном языковом анализе, в лучшем проникновении в суть языковой структуры, которая при сравнении различных языков видится более выпукло” (Ibid.: 27–28. Перевод наш. – Г.Н.).

Нельзя не отметить, что в лингвистической литературе иногда высказывается мнение, что “пражцы”, ратуя за применение синхронного подхода к языковому материалу, выступали *против* подхода исторического, т.е. диахронного. Убедиться в ошибочности подобного суждения не составляет труда, особенно если внимательно проанализировать работы ученых ПЛК. Касается этого вопроса и Б. Трнка в книге “Kapitoly z funkční jazykovědy”, изданной посмертно в Праге в 1990 г. В главе XII – “Синхрония и диахрония”, восходящей к докладу, произнесенному в 1980 г., он пишет: “Пражский лингвистический кружок никогда не отрывал диахронной функциональной лингвистики от синхронной, с самого начала он доказывал, что язык, даже в своем историческом развитии, не перестает быть системой и структурой. Уже первые работы, опубликованные членами Пражского лингвистического кружка в „Travaux du Cercle linguistique de Prague“, а также в журнале „Časopis pro moderní filologii“, были посвящены изучению конкретных проблем исторического развития языков. При этом наблюдаемые изменения рассматривались не как изолированные факты, а в аспекте их отношения к языковой системе, причем как предшествующей данным изменениям, так и возникающей после них. Данный структурный подход может применяться как в отношении языков неродственных, так и языков, состоящих в отдаленном генетическом родстве. Опирируя при сопоставлении двумя языковыми системами, Пражский лингвистический кружок способствовал углублению и расширению диапазона лингвистического сравнения, включая в него новый, уже не генетический тип. В этом случае речь идет о выявлении не только структурного сходства (противопоставления), но и различия (контраста) между этими системами. Это позволило Пражскому лингвистическому кружку внести свой вклад в сохранение преемственности между лингвистикой XIX и XX столетий” (Trnka 1990: 105. Перевод наш. – Г.Н.).

Намечая возможные пути дальнейшего развития сравнительных исследований, ученые, принадлежащие к кругу ПЛК, не только разработали теоретико-методологическую концепцию системно-функционального сопоставления. Демонстрируя широкие перспективы нового научного направления, они уделяли большое внимание и практическим описаниям различных аспектов строения и функционирования языковой системы. Чрезвычайно важным представляется также то, что в число языков, привлекаемых для системно-функционального сопоставительного анализа, “пражцы” впервые в лингвистической науке включили *близкородственные* и, в частности, *славянские* языки. И действительно, как показало развитие науки, именно на материале славянских языков применение сопоставительного метода не только нашло благодатную почву, но и оказалось наиболее эффективным.

И, тем не менее, невзирая на наличие казалось бы всех необходимых предпосылок, сопоставительное изучение *близкородственных* языков длительное время продолжало оставаться недооцененным научным событием. Осознание его значимости для разработки теоретико-методологических проблем языкознания, выявления закономерностей строения и функционирования языковых систем, их глубинной организации, наконец, для прогнозирования направленности языкового развития приходило лишь постепенно, причем нередко с большим опозданием.

Положение не могло не усугублять и наличие довольно заметного разрыв между уровнем и степенью продвинутой теоретических изысканий в этой области и качеством практических описаний. В какой-то мере это было обусловлено тем, что структурная близость родственных языков порождала у некоторых исследователей необоснованные иллюзии в отношении легкой выполнимости подобных сопоставлений: искомая цель, казалось бы, лежала на поверхности. Это приводило к непропорциональному возрастанию потока описательных работ, в которых формальное сравнение инвентаря языковых средств становилось лишь самоцелью, оно проводилось на случайных основаниях, без заранее продуманной программы и методики исследования³. Научная эффективность и информативная отдача подобных описаний были в лучшем случае невелики. Хуже, однако, было то, что это оборачивалось для сопоставительного изучения близкородственных языков “репутационными потерями”, поскольку оно начинало рассматриваться как некая вспомогательная дисциплина сугубо прикладного характера, которая, не поднимаясь до уровня высоких обобщений, ограничивалась лишь

³ Ср. в этой связи высказывание Б. Трнки: “Для того, чтобы подобное сравнение языков – и это необходимо еще раз подчеркнуть – было в научном отношении осмысленным, необходимо проводить его на основе системных и структурных показателей, а отнюдь не атомизированных или же в функциональном отношении не значимых сходств и различий” (Trnka 1990: 105).

эмпирической каталогизацией случайных сходств и различий. Преодолеть этот стереотип восприятия оказалось не так легко.

Можно назвать и другие причины, мешавшие по достоинству оценить значимость сопоставительного изучения близкородственных языков. Так, на период 60-х годов прошлого века пришелся пик всеобщего увлечения типологическими штудиями, ориентированными по большей части на создание типологических классификаций *генетически не родственных* языков, у которых дифференциальные признаки, выраженные более рельефно, контрастно⁴, фиксируются уже на поверхностном уровне языковой системы (в рамках антиномии “да–нет”). На этом столь эффектным фоне близкородственные и, в частности славянские, языки, с их столь очевидной похожестью друг на друга, как объект исследования утрачивают свою привлекательность. При этом нередко не учитывается, что любая типологическая классификация может быть признана действительно научным построением лишь при условии, если ей предшествует детальный системно-функциональный анализ⁵, предполагающий глубокое погружение в языковую материю.

У *близкородственных* языков сходные и отличительные черты также могут отмечаться на поверхностном уровне языковой системы, однако делать на этом основании какие-либо “скоропалительные” выводы и поспешные обобщения весьма опасно, так как чаще всего это лишь “верхушка айсберга”⁶.

⁴ Очевидно, именно по этой причине был введен в научный оборот термин “контрастивная лингвистика”.

⁵ Один из выдающихся представителей современной типологической лингвистики В. Скаличка, характеризуя типологию как один из самых древних и вместе с тем наименее разработанных разделов языкознания, писал по поводу так называемой “характерологической” типологии, т.е. типологии, ориентированной на выделение черт языка, резко отличающих его от других языков, следующее: “Этот метод имеет один существенный недостаток: он не обладает прочной теоретической базой, которая позволила бы ему оценивать различные явления не в зависимости от их своеобразия, а в соответствии с их ролью в общей системе языка, оценивать их на основе точных и определенных критериев” (Скаличка 1963: 28). Напомним также, что В. Скаличка подчеркивал, что “типология нуждается прежде всего в кропотливой теоретической и описательной работе. Нельзя сохранять старый, непродуманный принцип схематической классификации целых языков. В последующих трудах нужно положительно оценивать заботливое и точное исследование отдельных явлений, особенно с количественной стороны. Обогащенные подобными эмпирическими наблюдениями, мы можем изучать связи явлений и с большей уверенностью устанавливать тенденции развития” (Скаличка 1963: 35).

⁶ Напомним о сложностях, возникающих при освоении близкородственных языков, и, в частности, о так называемых “ложных друзьях переводчика”, когда внешне абсолютно идентичные по своему звуковому и графическому строю лексемы могут иметь совершенно иную семантику (ср. хотя бы чешск. *barák* ‘обычный дом, в том числе и многоэтажный’, *čerstvý* ‘свежий’, *chalupa* ‘сельский дом’, *pitomec* ‘дурак, идиот’, *pozor* ‘осторожно, внимание’, *sladký* ‘пресный’, *zapamatovat (si)* ‘запомнить’, *zapomenout* ‘забыть’ и русск. *барак*, *черствый*, *халупа*, *питомец*, *позор*, *сладкий*, *запоматовать*, *запомнить* и мн.др.).

Более исчерпывающая, а главное, более достоверная информация о *системно-функциональной* обусловленности тех или иных явлений, как правило, находится на *глубинном* уровне. В этом случае необходимо как бы раздвинуть поверхностный слой языковой материи, отвлечься от проявлений формального сходства и частных характеристик и сосредоточить внимание на *глубинных* системно-функциональных закономерностях. Именно они в конечном итоге и составляют основной предмет сопоставительного изучения близкородственных языков (ср.: Нецмиренко, Гайдукова 1994: 94). Для его успешного осуществления необходима тщательная предварительная обработка языкового материала, проводимая на основе единой программы, единого понятийно-терминологического аппарата, по возможности – гомогенного корпуса языковых фактов (Нецмиренко 1983).

Сопоставительное изучение близкородственных (в данном случае – славянских) языков вступает в фазу своего расцвета во второй половине XX в., когда оно приобретает статус самостоятельной научной дисциплины с четко очерченным предметом изучения, а также методикой исследования. Именно в этот период оно находит все больше приверженцев в различных странах Славии (в том числе и за ее пределами). Подтверждением этого является как возникновение региональных сопоставительных научных школ, так и расширение публикаторской деятельности. Приведем лишь выборочно некоторые работы чешских исследователей: “Morfologie slovesného vidu v ruštině” (V. Barnetová, Praha, 1970); “Substantivní derivace (v ruštině a češtině)” (Vl. Straková, Praha, 1973); “Status tzv. kmenotvorných přípon slovesných v slovanských jazycích, zvláště v ruštině” (Z. Skoumalová, Praha, 1975) и мн.др. Известность получили и такие фундаментальные труды, как “Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология” (I–II) А.В. Исаченко (Исаченко 1954; Исаченко 1960), “Русская грамматика” (1–2), написанная коллективом чешских авторов (Русская грамматика 1979) и т.д.⁷

Перед сопоставительным изучением славянских языков второй половины XX в. стоял ряд важных теоретико-методологических задач, без решения которых было невозможно поднять уровень практических описаний языкового материала, о чем говорилось выше. Так, в частности, было необходимо четко обозначить предмет и цели данного лингвистического направления на фоне других отраслей сравнительного языкознания (ср., например, Barnet 1974), рассмотреть вопрос о функциональной эквивалентности сопоставляемых явлений (Barnetová, Barnet 1962; Barnet 1974; Барнет 1983; Широкова 1978)⁸ и т.д.

⁷ В этом же ряду следует назвать посмертно вышедший синтетический труд выдающегося чешского русиста О. Лешки (Leška 2003).

⁸ Ср. у В. Матезиуса: “Относительную значимость языкового факта в грамматической системе данного языка можно определить только путем выявления его функции в рамках

Реальностью этого времени стало и расширение круга лингвистических дисциплин, применяющих в своих исследованиях сопоставительный системно-функциональный подход. Яркой иллюстрацией этого является, в частности, словообразование. Несомненные достижения в разработке теоретико-методологических основ этой науки (напомним в этой связи труды советских, чехословацких и польских языковедов) позволили приступить к решению новых задач – сопоставительному изучению славянского словообразования. Так, вскоре после выхода капитального труда М. Докулила “*Tvoření slov v češtině. Teorie odvozování slov*”, d. 1 (Dokulil 1962), ставшего поворотным моментом в развитии современной дериватологии, появляется и его программная статья “*Ke koncepci porovnávací charakteristiky slovanských jazyků v oblasti “tvoření slov”*”, в которой он пишет: “Учет при характеристике словообразовательной системы основных (иерархически упорядоченных) понятий, таких, как способ словообразования, словообразовательный класс и словообразовательный образец, или же – ономаσιологическая категория, словообразовательная категория и словообразовательный тип – мы считаем основным и неотъемлемым компонентом характеристики словообразовательной системы любого языка и, следовательно, также важнейшей основой сравнительной характеристики родственных языков” (Dokulil 1963: 97. Перевод наш. – Г.Н.)

Характерной особенностью сопоставительного изучения славянских языков на рубеже столетий стало объединение усилий представителей различных национальных лингвистических школ для совместного решения важнейших теоретико-методологических проблем. Это способствовало не только эффективному использованию научного потенциала ученых, но и более плодотворной реализации характерных для тех или иных деривационных школ подходов и методов.

Важным событием в этом отношении стал международный симпозиум “Сопоставительное изучение славянского словообразования”, организованный Институтом славяноведения и балканистики АН СССР в рамках сотрудничества ученых социалистических стран (Москва, декабрь 1984 г.)⁹. В его работе приняли участие около 150 ученых, в том числе 30 зарубежных (из НРБ, ГДР, ПНР, ЧССР, СФРЮ, США). На симпозиуме рассматривались актуальные проблемы теории и методологии сопоставительного изучения славянского словообразования, решался широкий круг проблем, связанных с выработкой рабочей модели сопоставления, единого понятийно-

всей системы; она отчетливо выступает на фоне удачно подобранного сравнительного материала других языков” (Матезиус 1967: 227).

⁹ Сюда же примыкает и коллективный труд “Сопоставительное изучение русского языка с чешским и другими славянскими языками” (Москва, 1983), включающий исследования советских и чехословацких ученых.

-терминологического аппарата, использованием при сопоставительном изучении различных методов лингвистического описания (системно-функционального, статистического, лингвогеографического, методов порождающей грамматики и пр.). Особое внимание уделялось определению методики и принципов сопоставительного изучения родственных и неродственных языков, различных форм существования национального языка, в частности, литературного языка и диалектов. Отмечалась целесообразность использования сопоставительного метода при межъязыковой и внутриязыковой конфронтации.

Являясь участником и организатором этого научного мероприятия, отчетливо помню царившую на нем атмосферу творческого единения и энтузиазма. Это отразилось и в решениях, принятых на заключительном заседании симпозиума. Так, было признано целесообразным дальнейшее развертывание сопоставительных исследований как одного из приоритетных направлений современной лингвистики, занимающейся системным анализом. Поддержку получила идея координации научных исследований в данной области в международных масштабах, создания при МКС специальной комиссии по сопоставительному изучению славянского словообразования и т.д.

Мы намеренно уделили столь большое внимание данному симпозиуму, поскольку именно он положил начало многолетнему сотрудничеству ученых разных стран, прежде всего славянских, при решении важнейших проблем сопоставительного изучения славянских языков. Упомянем в этой связи выход комплекса коллективных монографий: “Сопоставительное изучение славянского словообразования” (Москва, 1987); “Теоретические и методологические проблемы сопоставительного изучения славянских языков” – последний труд состоит из двух частей: первая, посвященная общим вопросам, а также проблемам синтаксиса, вышла в Польше в 1991 г.¹⁰ (*Problemy teoretyczno-metodologiczne* 1991); вторая, рассматривающая остальные уровни языковой системы, опубликована в России в 1994 г. (*Теоретические и методологические проблемы* 1994). Очередным этапом сотрудничества стала разработка сопоставительного изучения инновационных процессов в славянских языках (*Konfrontační studium inovačních procesů ve slovanských jazycích* 1999).

Важно подчеркнуть, что в процессе работы над данной международной программой сформировался дееспособный авторский коллектив, некоторые

¹⁰ Нельзя не отметить самоотверженности польских коллег (и, прежде всего, З.Э. Рудник-Карватовой), которые, невзирая на все трудности, провели в декабре 1988 г. в Яблонне под Варшавой международный симпозиум “Теоретические и методологические проблемы сопоставительного изучения славянских языков”.

его члены продолжили в дальнейшем сопоставительное изучение славянских языков¹¹.

* * *

Метод системно-функционального сопоставления близкородственных языков является мощным исследовательским инструментом, умелое владение которым дает уникальную возможность для выявления и углубленного изучения закономерностей строения и функционирования языковых систем, для установления сходств и различий между ними, а также выведения на этой основе общезыковых универсалий.

Обязательным условием достижения этих целей является соблюдение ряда правил, а именно:

- объектом сравнения должны быть действительно *сопоставимые* языковые факты;

- объект исследования должен быть *четко* и *единообразно* определен;

- сопоставляемые объекты должны быть *адекватно* описаны в соответствии с единой программой, на основе единого понятийно-терминологического аппарата, а также, по возможности, гомогенного корпуса языковых фактов;

- исследуемый объект должен быть рассмотрен не как некое хаотичное множество, а как внутренне упорядоченная *система*;

- при сопоставлении систем друг с другом особое внимание должно быть обращено на параметры, наиболее существенные для их строения и функционирования, поскольку именно они впоследствии могут быть использованы в качестве основания для сравнения (*tertium comparationis*) при межъязыковом сопоставлении. На этой же основе могут быть выведены и общезыковые универсалии.

Представленная выше программа описания в определенном смысле слова является “программой максимум”. Она отражает реальную сложность и многоаспектность сопоставительного изучения близкородственных языков. Затраченные на ее реализацию усилия в конечном итоге компенсируются полученными результатами, позволяющими выявить такие закономерности строения и функционирования языковой системы, которые при использовании других методов анализа остаются скрытыми от глаз исследователя. Данное обстоятельство дает нам основание оценивать теоретико-методологический аппарат сопоставительного системно-функционального изучения близкородственных языков как новый виток

¹¹ Назовем в этой связи такие труды, как: *Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich*, 2000; *Komparacja współczesnych języków słowiańskich. Słowotwórstwo. Nominacja*, 2003; *Współczesna komunikacja językowa*, 2008 и т.д.

в совершенствовании теории и научной методологии языкознания вообще и сопоставительного языкознания в особенности.

Процедура анализа и методические приемы, используемые при сопоставительном изучении, могут применяться при решении широкого спектра теоретических и практических задач, что позволяет говорить об их несомненной *универсальности*¹².

Приведенный выше перечень аспектов не является исчерпывающим, поскольку в зависимости от специфики материала, которым оперирует исследователь, а также конкретных целей, которые он ставит перед собой, в него могут вводиться дополнительные специализированные параметры. Так, например, при выполнении сопоставительного словообразовательного описания важно руководствоваться едиными принципами идентификации дериватов в словарном составе языка, соблюдать технологию деривационного анализа и синтеза. Особую значимость имеет корректное использование единых правил словообразовательной сегментации структуры слова¹³. Не менее важным является и единообразное использование унифицированного набора критериев определения степени продуктивности средств и схем словопроизводства и т. п.

Поскольку, как уже говорилось, объектом сопоставления являются не разрозненные языковые факты, а целостные *системы*, принципиальное значение имеет установление правил их *организации* и *функционирования*. Данная задача, несомненно, принадлежит к числу наиболее сложных теоретических проблем системного анализа.

Говоря об организации системы, мы имеем в виду в первую очередь ее *структуру*, т.е. набор системообразующих подсистем¹⁴, а также их внутреннюю аранжировку с учетом дифференциации на *центральные* и *периферийные*.

Не менее важным является и *функциональный* ракурс. На наш взгляд, здесь могут быть выделены два аспекта: *внешнее* и *внутреннее* функционирование системы. Под внешним функционированием системы мы

¹² Универсальность сопоставительного метода пытались продемонстрировать авторы серии коллективных монографий, выполняемых в рамках международной целевой программы, в особенности это касается таких названных выше трудов, как *Сопоставительное изучение словообразования славянских языков* 1987; *Problemy teoretyczno-metodologiczne badań konfrontatywnych języków słowiańskich* 1991; *Теоретические и методологические проблемы сопоставительного изучения славянских языков* 1994.

¹³ По нашим наблюдениям, именно последнее является одним из наиболее уязвимых мест ряда сопоставительных описаний. Так, нередко приходится сталкиваться с тем, что при вычленении деривационных формантов исследователи нарушают (или же не соблюдают по незнанию) правила словообразовательной сегментации. Это приводит к расхождениям в инвентаре аффиксов, что практически делает невозможным их сопоставительный анализ.

¹⁴ В словообразовательной системе, например, системообразующими компонентами являются словообразовательные типы.

имеем в виду ее взаимодействие либо со *смежными* системами¹⁵, либо с системами *идентичными*, представленными в составе этнического языка в целом. В последнем случае на первый план выдвигается, например, вопрос потенциального взаимодействия, интерференции норм различных экзистенциональных форм (идиомов), в частности, усиления влияния разговорного языка на современный речевой узус публичной коммуникации. К сфере внутреннего функционирования относится изучение направленности и конкретных проявлений внутрисистемной динамики, например, “миграции” системообразующих подсистем между центром и периферией системы¹⁶.

Следует подчеркнуть, что под сопоставительным изучением обычно имеется в виду сопоставление *межъязыковое*. Между тем, не менее важную роль играет *внутриязыковое* сопоставление, которое может быть как *синхронным*, так и *диахронным*. Без выполнения этой, на наш взгляд, совершенно обязательной фазы сопоставления, провести корректное межъязыковое сопоставление практически невозможно.

Ниже будут рассмотрены фазы сопоставительного изучения близкородственных языков (ср. Нешименко 1983):

- внутриязыковое сопоставление как синхронное, так и диахронное;
- межъязыковое (как правило, синхронное) сопоставление.

Подобное расположение фаз представляется нам оптимальным: межъязыковая фаза, завершающая процедуру сопоставления, базируется на релевантных признаках, выявленных при внутриязыковом сопоставлении. Нельзя не отметить, что после выполнения завершающей фазы сопоставления иногда возникает необходимость вновь вернуться к начальной фазе с тем, чтобы с учетом новых данных и более широкого языкового контекста скорректировать свое первоначальное представление об исследуемых феноменах.

Данные фазы тесно взаимосвязаны друг с другом, логически вытекают одна из другой. Наличие зон пересечения может затруднять проведение жесткой пограничной линии между ними.

Каждый исследовательский этап (т.е. фаза) основывается на соблюдении *идентичных* методических принципов системного анализа, однако круг решаемых задач нередко может различаться.

Важно подчеркнуть, что предварительное внутриязыковое сопоставление, выполняемое на материале какого-то одного языка, является наиболее эффективным и надежным способом определения состава показателей, входящих в *tertium comparationis* межъязыкового сопоставления.

¹⁵ Мы имеем в виду отток части лексики (в результате переосмысления семантики) в другие категории, к примеру, деминутивов со стертым значением уменьшительности в *nomina instrumenti* и т.п.

¹⁶ Очевидно, здесь же могут быть рассмотрены и проявления *системной* и *функциональной* эквивалентности.

Причем, если при синхронном внутриязыковом сопоставлении исследователь как бы контурно намечает состав признаков, то в ходе диахронного сопоставления он проводит селекцию этих признаков, акцентируя *релевантные* закономерности данной системы. Таким образом, в нашем понимании *tertium comparationis* является неким конструктом, набором основных параметров, существенных для строения и функционирования исследуемой языковой системы. Использование этого конструкта открывает широкие возможности для постижения межъязыковых и внутриязыковых взаимосвязей и тенденций, учитываемых впоследствии при языковой типологии.

А. Фаза внутриязыкового синхронно-диахронного сопоставления

Оговоримся сразу, что было бы ошибкой рассматривать внутриязыковое сопоставление лишь как некую рабочую фазу межъязыкового сопоставления. Характерное для него сочетание синхронного и диахронного подходов позволяет получить ценнейшие сведения о закономерностях строения и функционирования изучаемой системы, ее динамике в истории языка. Все эти данные имеют самостоятельное научное значение, поскольку на их основе можно выстроить как историческую ретроспективу языковых процессов, так и прогнозировать их последующую эволюцию. Мало того, наблюдая за синхронным варьированием языковых средств, удастся выявить пульсирующие точки языковой системы, своеобразные очаги напряжения (см. ниже), которые впоследствии могут стать источниками эволюционной иррадиации.

Иными словами, при внутриязыковом сопоставлении исследователь имеет возможность, рассматривая настоящее, сопоставить его с предшествующим этапом, а также в какой-то мере заглянуть в будущее.

Специфика методического подхода, используемого при *внутриязыковом синхронном* сопоставлении, заключается в *пространственном, горизонтальном* соположении сравниваемых языковых феноменов, в том числе *пространственно* совмещенных форм существования языка.

При внутриязыковом *диахронном* сопоставлении синхронные срезы одного и того же языка выстраиваются на *временной, вертикальной* оси, позволяя наблюдать его *историческую динамику*. Хронологический интервал между отдельными синхронными срезами не является данным раз и навсегда, во многом он определяется меняющейся скоростью языкового развития. Так, например, ныне под влиянием действия как собственно языковых, так и экстралингвистических факторов этот темп, несомненно, *ускоряется*, что приводит к более дробному шкалированию временной оси. Таким образом, при внутриязыковом *диахронном* сопоставлении прослеживается

историческая динамика сменяющих друг друга языковых состояний. Именно этот путь облегчает выявление некоторых *внутриязыковых универсалий*.

Как при синхронном, так и диахронном внутриязыковом сопоставлении в задачи исследователя входит установление направленности *языковой динамики*. Так, при *синхронном* сопоставлении, не удовлетворяясь плоскостным, статичным образом языковой системы, он стремится “нащупать” движение языковой материи или, по крайней мере, его симптомы, оставаясь в рамках одного и того же временного измерения. В этом случае в поле его зрения находится так называемая “синхронная динамика”. Введение в научный оборот лингвистики этого понятия является одним из важнейших достижений ПЛК, позволяющих “перебросить мостик” между синхронным и диахронным подходом.

Отсутствие временной перспективы, впрочем, может в какой-то мере компенсироваться посредством синхронного соположения разных форм существования, входящих в состав широко понимаемого социолингвистического контекста этнического языка. Конкретно речь идет о таких языковых идиомах, как, например, литературный язык, все разновидности разговорного языка, т.е. языка повседневного непринужденного общения, включая и диалекты, различающихся, помимо прочего, скоростью своей динамики. Отметим в этой связи значимость изучения специфики детской речи. Как известно, дети обладают развитым языковым чутьем, обостренным ощущением языковой аналогии, поэтому в их речи нередко встречаются слова и формы слов, отвергаемые действующей кодификацией. Сказанное отнюдь не означает, что имеющиеся расхождения с кодификацией противоречат естественным закономерностям языковой системы.

Важно подчеркнуть, что учет широкого социолингвистического контекста позволяет исследователю выйти за рамки одной формы существования этнического языка и установить *диапазон возможностей* языковой системы в целом. Именно поэтому, оценивая потенциал того или иного этнического языка, принципиально неверно исходить лишь из литературного, регулируемого кодификацией, узуса, игнорируя при этом узус непринужденной повседневной речи. Это могло бы привести к поспешным, типологически ошибочным выводам, обедняющим реальную картину языковой системы, ее внутренних резервных возможностей (к этому мы еще вернемся ниже). Заметим в этой связи, что некоторые из выявленных потенциалов являются уже практически реализованными, т.е. это *активные звенья* языковой системы; другие, напротив, временно приглушены, образно говоря, “спят”. До определенного времени эти “спящие точки” лишь сигнализируют о существовании скрытых резервов эволюции языковой системы, однако при наличии благоприятных условий, например, при изменении кодификационных предписаний, характера действующего

вербального стандарта, норм речевого этикета они могут активизироваться. Именно это мы и наблюдаем в настоящее время, когда под возрастающим влиянием нормы разговорного узуса расширяется словопроизводство парных феминативов, деминутивов и множества других словообразовательно-номинационных категорий. Так или иначе, факт существования подобных “спящих”, до поры до времени не активизированных звеньев, должен учитываться при лингвистическом прогнозировании.

Ниже мы кратко проиллюстрируем перспективы использования метода *внутриязыкового* сопоставления при решении ряда важных теоретических проблем¹⁷.

1. **Проблема структурирования языковой системы** (вычленение центра и периферии; дистрибуция словообразовательных типов между центром и периферией; внутрисистемная миграция словообразовательных типов между центром и периферией).

Данная проблема нами детально рассматривалась в целом ряде публикаций и, прежде всего, в монографическом описании словообразовательной категории деминутивных существительных в истории чешского литературного языка XIII–XX вв. (Нещименко 1980). В чешском языке упоминаемая категория отличается множественной репрезентацией производящих основ, соединяющихся с деминутивными суффиксами *регулярно*, практически *парадигматически*. Исследование проводилось методом диахронного сопоставления трех синхронных срезов в истории чешского литературного языка: древнечешского, чешского языка эпохи возрождения (последняя четверть XVIII–середина XIX в.), а также современного чешского языка.

К анализу привлекался огромный, самостоятельно собранный фактический материал, отражающий первичные деминутивы¹⁸, образованные от 5.000 производящих основ (срез “С” современного чешского языка), 2.700 основ (срез “В” эпохи чешского Возрождения), 1.270 основ (срез “Д” древнечешского языка). Добавим к этому, что у одной и той же основы могут регистрироваться синонимичные суффиксы, в результате чего численность обследуемого лексического пласта еще более возрастает. Так, можно проследить, как в истории чешского литературного языка во всех родовых категориях постепенно формируется, уплотняется ее *компактный* центр: из изначально *трехформантного* он преобразуется в *двухформантный*,

¹⁷ Как правило, мы будем ориентироваться на деривационные системы.

¹⁸ Имеются еще и вторичные деминутивы, фиксирующие *нагнетание* деминутивного признака. Некоторые из них по мере потускнения или утраты семантической выразительности у соответствующих первичных деминутивов занимают их место в деривационной цепочке.

состоящий из суффиксов с *консонантным* и *вокальным* зачином. Находясь в отношении дополнительной дистрибуции, эти форманты оптимально обеспечивают основные структурные позиции, восполняя в случае необходимости комбинаторную “ущербность” друг друга¹⁹. Наиболее сильные позиции, как правило, имеет суффикс *-Øk-*, доминирующий не только в данной словообразовательной категории, но и практически (за некоторыми исключениями) в субстантивном словообразовании вообще. Именно он имеет наиболее широкие деривационные связи, в репертуаре его производящих основ широко представлены заимствованные лексемы, как правило отсутствующие у других аффиксов, а также производные слова. Широко используется данный формант и при создании новообразований.

Примечательно, что возрастание деривационной активности одного из формантов, как правило, компенсируется ее убыванием у потенциальных “конкурентов”, т.е., в сущности, действует закон сохранения “деривационной энергии”.

Как показал анализ материала, состав центра системы регулируется действием *трех правил*, которые ниже будут кратко прокомментированы:

- правило *комбинаторной достаточности*: в состав центра словообразовательной категории входят форманты, набор которых по своей комбинаторике *достаточен* для обеспечения основного инвентаря производящих основ;

- правило *притягивания противоположностей*: основы с *консонантной* контактной зоной обычно тяготеют к формантам, имеющим *вокальный* зачин и наоборот;

- правило *избыточности*: из состава суффиксального центра со временем вытесняются суффиксы, дистрибутивные параметры которых совпадают с дистрибутивными параметрами более продуктивных суффиксов.

Так, из состава формантов постепенно были вытеснены *-Øс-*форманты, поскольку их комбинаторика совпала с комбинаторикой более продуктивного суффикса *-Øk-*. И напротив, комбинаторная специализация суффикса с вокальным зачином *-ik-* помогла ему “удержаться” в составе центра деминутивов м.р., невзирая на наличие в нем более продуктивного консонантного суффикса *-Øk-*. Суффиксы с разными комбинаторными параметрами, например, *-Øk-* и *-ičØk-* “уживаются” друг с другом в центральной зоне деминутивов ж.р. Что касается среднего рода, то здесь произошла перестройка центра: вперед “вырвался” суффикс *-ičØk-*, несколько потеснивший своего партнера с консонантным зачином *-Øk-*. Невзирая на произошедшую перестановку, центр остается двухформантным, поскольку оба суффикса по своей комбинаторике дополняют друг друга.

¹⁹ В монографии (Нещименко 1986) широко использовались графико-статистические методы.

Как следует из имеющегося у нас материала, в различных словообразовательных категориях численно преобладают производящие основы с *вокальными* контактными зонами, поэтому наиболее “востребованными” (в соответствии с правилом притягивания противоположностей) являются суффиксы *консонантного* типа (чаще всего суффикс *-Ok-*).

В целом, однако, как подтверждается материалом, для словообразовательной категории оптимальным является *двухформантный* центр, включающий по одному вокальному и одному консонантному суффиксу. Взаимодополняя друг друга в комбинаторном отношении, они в совокупности покрывают возможный набор структурных позиций, т.е. восполняют комбинаторную “ущербность” друг друга (правило комбинаторной достаточности) (см.: Нешименко 1980; Нешименко, Гайдукова 1994). Так, неудобство присоединения консонантного форманта *-Ok-* к основам со скоплением согласных в контактной зоне (односложная лексема *mistr*) делает необходимым привлечение для образования феминатива вокальных суффиксов *-ová* (*mistrová*) или же *-yně* (*mistryně*); ср. также: *rotmistr – rotmistryně* (ср. в контексте: *v hodnosti rotmistryně*. Rudé právo, 1982). Аналогичным образом распределяются структурные позиции между деминутивными суффиксами *-Ok-* и *-ik-*, где вокальный суф. *-ik-* (в отличие от суф. *-Ok-*) присоединяется к основам с консонантным строением контактной зоны: *akt – aktík, cent – centík, flirt – flirtík, svetr – svetrík* и т.п., которые фиксируются как в словарях, так и в экскерпциях²⁰.

Выявленные нами правила формирования суффиксального центра словообразовательной категории можно считать *универсальными*. Это подтверждает и их апробация на материале семи словообразовательных категорий (*nomina agentis, nomina actoris, nomina atributiva, nomina loci, nomina mota, nomina deminutiva et meliorativa, nomina essendi*) в различных славянских языках (чешский, русский, болгарский, сербский и хорватский, проводилось также сравнение с польским и словацким). Иными словами, данные, полученные нами при внутриязыковом сопоставлении, нашли свое подтверждение при сопоставлении межъязыковым (Нешименко, Гайдукова 1994).

Отбирая словообразовательные категории для анализа, мы стремились к тому, чтобы их состав был не только широк и разнообразен, но и чтобы они относились к *магистральным* путям создания *активно востребуемых*

²⁰ При установлении дистрибутивных параметров производящих основ и суффиксов особенно себя оправдало введение понятия “контактная зона” основы, включающей конечную и, что особенно важно, *предконечную* фонемы основы. Именно манифестация предконечной фонемы вокалом или же консонантом оказывает решающее влияние на комбинаторику производящей основы. Подобным образом, но в зависимости от манифестации *зачина*, т.е. начальной фонемы, дифференцируются и суффиксы.

номинаций. Это способствует интенсивному обновлению лексического состава, его высокой фреквенции в речи, *ускорению* протекания ряда важных языковых процессов. Примечательна следующая взаимосвязь: чем менее востребуемой является та или иная категория, тем она более “заторможена”, тем медленнее в ней протекает селекция формантов, их разграничение по степени продуктивности. И наоборот, у активно востребуемых номинационных категорий процесс размежевания аффиксов ускоряется, становится более динамичным. Из сказанного логически вытекает, что для большей достоверности получаемых результатов необходимо прибегать к диахронному сопоставлению различных синхронных срезов (подробнее см.: Неццименко, Гайдучова 1994).

Что касается периферии системы, то она во многом формируется за счет оттока избыточных с точки зрения языковой экономии формантов, дублирующих структурные параметры наиболее продуктивных аффиксов. Жесткая демаркационная линия между центром и периферией отсутствует, поэтому в системе постоянно происходит *встречное*, т.е. *противонаправленное* движение, причем как *центробежное*, так и *центростремительное*. При *центробежном* движении центр освобождается от избыточных формантов, вытесняемых на периферию системы. При движении *центростремительном* некоторые словообразовательные средства, находящиеся на периферии, по мере их активизации смещаются в направлении к центру, т.е. осуществляется *центростремительное* движение²¹. Описанная “миграция” хорошо прослеживается на приведенных диаграммах.

Уточним также, что, разграничивая центральную и периферийную зоны системы, мы далеки от мысли рассматривать периферию как нечто второстепенное. На самом деле это довольно обширная, многослойная, весьма подвижная и значимая зона системы. В отличие от центра, имеющего компактную, уплотненную структуру, на периферии не действуют строгие нормативные регламентации. Это открывает большой простор для языкового экспериментирования, появления окказиональных, экспрессивно окрашенных образований. Периферия также более открыта для контактного взаимодействия, влияния других языковых систем, в том числе экзистенциальных форм, иных языков и пр.

Как мы старались показать, процесс дифференциации системы на центр и периферию – а, как мы уже говорили выше, это одна из сложнейших и вместе с тем чрезвычайно важных проблем системного анализа

²¹ Иллюстрацией центростремительного движения является, например, активизация многофонемного суффикса *-ičOk-* у деминутивов ж.р. и особенно суф *-ičOk-* у деминутивов ср.р. (см. диаграммы). Во многом это обусловлено яркостью и насыщенностью экспрессивной окраски, привносимой данными аффиксами в производное слово.

– регулируется действием достаточно строгих закономерностей. Их выявление может осуществляться в рамках синхронного рассмотрения языкового материала, однако окончательный вердикт может быть вынесен на основе результатов диахронного внутриязыкового сопоставления. Что касается *скорости* поляризации языковых средств между центром и периферией, то она в известной степени зависит от экстралингвистических факторов, например, от социальной потребности в тех или иных номинациях, их частотности в общеречевом потоке и т.д. Важную роль играет и специфика конкретной исторической ситуации, в рамках которой формируется тот или иной социальный заказ. Отметим также, что наблюдения, сделанные в ходе диахронного сопоставления срезов истории чешского литературного языка, получили подтверждение в других славянских языках, т.е. у нас есть основания говорить об универсалии, действующей в ареале славянских языков.

2. Проблема языковой конкуренции как одного из важнейших проявлений языковой экономики

Конкуренция принадлежит к числу наиболее своеобразных и наиболее интересных языковых явлений. Предпосылкой для его возникновения служит образование в некоторых точках языковой системы в рамках *одного и того же* синхронного среза более или менее множественных очагов скопления *изофункциональных* языковых средств. Уточним, что, говоря это, мы имеем в виду лишь такие изофункциональные обозначения, которые, отличаясь по своему внешнему оформлению, *полностью идентичны* в семантическом и стилистическом отношении, т.е. они могут свободно заменять друг друга в тексте без ущерба для заключенной в нем смысловой и стилистической информации. Иными словами, речь идет о *языковой асимметрии*, когда совмещенные во времени *дублиеты* соотносятся с *одним и тем же* фрагментом плана содержания.

С точки зрения языковой экономики сосуществование в одной и той же синхронной плоскости функционально не разграниченных дублетных обозначений – факт нежелательный, избыточный, поэтому логически предсказуемым завершением процесса конкуренции будет вытеснение из употребления либо разграничение сфер функционирования соответствующих дублетов.

Для исследователя изучение подобных феноменов представляет большой интерес, поскольку со значительной степенью вероятности можно предполагать, что именно в этих точках рождаются импульсы эволюции языковой материи. В связи с этим чрезвычайно важно проследить, каким образом и с помощью каких языковых средств снимается напряжение, возникающее в языковой системе.

Проявления конкуренции можно наблюдать на различных уровнях языковой системы, однако нас, прежде всего, будет интересовать конкуренция *словообразовательная*, когда у *одних и тех же* производящих основ синхронно пересекаются *изофункциональные* деривационные форманты. Данный факт с очевидностью говорит о том, что адекватное комбинаторное решение в этих точках системы до сих пор или не найдено²², или же находится в стадии поиска.

Наличие очагов конкуренции – явление кратковременное. Это состояние неустойчивого, т.е. подвижного равновесия, завершающееся либо вытеснением из употребления, либо переосмыслением одного из конкурентов. Вариантным решением этой ситуации является вытеснение конкурента на периферию системы (Нещименко 1999).

Изучение очагов аккумуляции изофункциональных языковых манифестаций позволяет диагностировать те звенья системы, в которых следует ожидать динамические подвижки, поэтому их своевременная и тщательная локализация и по возможности эксплицитная интерпретация чрезвычайно существенны для диагностирования направленности языкового развития, установления очагов динамической иррадиации. При внутриязыковом синхронном и диахронном сопоставлении можно проследить все этапы конкуренции, начиная от их возникновения и вплоть до завершения. Причем если возникновение конкурентных отношений фиксируется в рамках *синхронного* сопоставления, то последующие этапы процесса доступны наблюдению лишь при *диахронном* внутриязыковом сопоставлении. Добавим к сказанному, что феномен конкуренции является одним из наиболее действенных критериев установления системной продуктивности формантов (Нещименко 1960).

Как показывает материал, конкурентные отношения регулируются действием правила *избыточности*, в соответствии с которым из состава репертуара формантов категории вытесняются аффиксы, структурные параметры которых совпадают с дистрибуцией более продуктивных аффиксов.

Анализ материала наглядно показывает, что на ранних этапах существования литературного языка, когда его норма еще не совсем устоялась, кодификация обычно не имеет строго регламентирующего характера, она допускает более широкий набор изофункциональных вариантов, т.е. применяется как бы метод “проб и ошибок”. Наглядной иллюстрацией этого служат словари чешского литературного языка эпохи национального Возрождения и, в частности, словарь Й. Юнгманна (*Slovník česko-německý*. I-V. Praha 1835–1839), который во многом носит

²² Ср. Диалог двух журналистов: *диджейка* или *диджейша*. *Не знаю, как сказать*. Эхо Москвы, 2003 (подчеркнуто нами. – Г.Н.). В данном случае речь идет, несомненно, о новом очаге конкуренции, возникающем в современном русском литературном языке.

рекомендательный, а не предписательный характер. В данном словаре, отражающем основные принципы предложенной Й. Юнгманом и его единомышленниками языковой программы, реестр варьирующих обозначений с одним и тем же понятийным содержанием и деривационным значением особенно велик. Он включает заимствования (заимствоваться могут не только отдельные лексемы, но и словообразовательные форманты) из близкородственных языков, диалектов чешского языка, новообразования и т.п.

По мере укрепления литературной нормы происходит отбор возможных допущений за счет потеснения менее перспективных вариантов. Так, в чешском языке XIX, отчасти также XX в. феминативы от *nomina agentis* на *-tel* могли образовываться путем присоединения конкурирующих суффиксов *-ka* и *-kyně*. И действительно, в словаре Й. Юнгманна практически у каждого существительного на *-tel* приведены дублетные дериваты с суффиксами *-ka* и *-kyně* (*učitel – učitelka, učitelkyně* и пр.). В более поздних словарях дериваты с *-kyně* либо не приводятся вообще, либо помечаются как устаревшие. В современном чешском языке конкуренция этих формантов в данной структурной позиции практически полностью завершилась вытеснением дериватов с суф. *-kyně*: они либо полностью отсутствуют в словарях, либо сопровождаются ограничительными пометами.

Для изучения хода конкурентной борьбы необходим большой языковой материал. Так, при рассмотрении конкуренции суффиксов *-Øk(a) / -kyn(ě) / -yn(ě)* в литературном чешском языке нами было обследовано 160 случаев конкуренции феминативов, из них в 127 была зафиксирована сильная позиция *-Øk(a)*, в 10 – *-kyn(ě)* или же *-yn(ě)*; в 23 – исход борьбы остался неясен (Нещименко 1960). У суффиксов *-Øk-* и *-ik-* (*nomina deminutiva* м.р.) было проанализировано 245 случаев конкуренции данных формантов, из которых в 122 более конкурентоспособным оказался суф. *-Øk-*; в 78, напротив, сильнее был *-ik-*, в 45 – процесс остался незавершенным и пр. (Нещименко 1980).

3. Проблема смены деривационной мотивации в аспекте внутренней перестройки словообразовательной системы

Указанный феномен наблюдается на разных уровнях словообразовательной системы – в нашем случае речь шла об уровне способа словообразования и словообразовательной категории.

Предметом нашего внимания является формирование относительно нового способа образования прилагательных со значением ослабленного признака в чешском языке, осуществляемого посредством окаймляющих, префиксально-суффиксальных формантов. Использование данных морфем для образования прилагательных со значением ослабленного признака в славянском словообразовании – факт уникальный: подобные дериваты

имеются лишь в чешском и словацком языках; в остальных славянских языках в указанной ситуации отмечаются лишь префиксальные или же суффиксальные морфемы.

Опорной базой для формирования префиксально-суффиксального способа образования прилагательных данной семантики стали адъективированные причастия со значением неполноты проявления признака – гибридная категория, сочетающая, наряду с некоторыми девербативными особенностями, черты, приобретенные ими по мере адъективации. С течением времени словопроизводственная связь с глаголами со значением неполной степени проявления действия ослабела, образования типа *načernalý*, *nahluchlý* перестали соотноситься непосредственно с глаголами *načernat* ‘poněkud zčernat’, *nahluchnout* ‘ztratit částečně sluch’. Включение причастий в русло адъективного словопроизводства повлекло за собой установление структурно-семантической связи с прилагательными типа *černý*, *hluchý*. Это позволило осмыслить значение ослабленного признака как самостоятельное словообразовательное значение, возникающее в результате структурного преобразования производящего прилагательного. Иными словами, исконная глагольная мотивировка была вытеснена адъективной, значение процессуальности, результативности либо отошло на второй план, либо перестало ощущаться вообще, уступив место значению статичного признака (Нещименко 1972).

Примечательно, что конкуренция префиксально-суффиксальных и префиксальных дериватов в истории чешского литературного языка завершилась в данном фрагменте словообразовательной системы чешского языка угасанием словообразовательной активности чисто префиксального способа словопроизводства. Так, уже к середине XIX в. деривационные возможности префиксов в этой словообразовательной категории оказались полностью исчерпанными, наметилось существенное сужение сферы употребления ранее образованных дериватов, ставших принадлежностью книжной, в достаточной степени архаизованной речи – неслучайно они были нами зафиксированы исключительно в авторской речи и практически не встретились в речи литературных персонажей.

Анализ словаря Й. Юнгманна позволяет заключить, что в период чешского Возрождения префиксально-суффиксальный способ образования прилагательных со значением ослабленного признака переживал пору своего становления. Примечательно, что грамматики конца XVIII – первой половины XIX в., как правило, не рассматривают префиксально-суффиксальное словообразование как самостоятельный способ словопроизводства. Примечательна и относительно высокая численность приводимых префиксальных дериватов со значением ослабленного признака – 230, префиксально-суффиксальных – 120. Красноречив и характер отсылочного аппарата, а также иллюстративного материала: если

префиксальные дериваты нередко сопровождаются отсылками к словарям XVI–XVII вв., иллюстрируются примерами, относящимися к тому же самому периоду, то у префиксально-суффиксальных образований подобные отсылки и примеры встречаются лишь в исключительных случаях – как правило, они иллюстрируются эксерпциями из современной Й. Юнгманну литературы, зачастую специального характера. Важно отметить, что многие префиксально-суффиксальные образования сопровождаются пометой *Us.*, т.е. характеризуются как узуальные. Что касается словарей современного чешского языка, то словари фиксируют значительное возрастание численности префиксально-суффиксальных дериватов (более 260), тогда как префиксальных дериватов всего лишь около 35. Иными словами, речь идет об *обратной* динамике. Немногочисленные префиксальные образования, приводимые в словаре „Příruční slovník jazyka českého“ (Praha 1937–1957), как правило, снабжены ограничительными пометами (**nábělavý* ‘trochu bělavý’; †*náčerný* ‘načernalý, černavý’; †*náčervený* ‘načervenalý’ и др.) (Нещименко 1968).

Таким образом, есть все основания утверждать, что в современном чешском литературном языке в результате прошедшей конкуренции образование прилагательных со значением ослабленного признака осуществляется посредством наиболее продуктивных префиксально-суффиксальных формантов. Что касается суффиксального словопроизводства, то оно представлено единственным продуктивным словообразовательным типом с суф. *-av-*, имеющим четкую структурную и семантическую специализацию: почти исключительно цветовые обозначения: *bělavý, červenavý* и пр.

Чрезвычайно показательны данные межъязыкового сопоставления. Так, в русском литературном языке использование префиксации для образования прилагательных со значением ослабленной степени признака (ср.: *примрачный, прикосый, прирый* и пр.) к середине XIX в. полностью себя изжило (Земская 1964). Репертуар словообразовательных формантов, употребляемых при образовании интересующих нас прилагательных в восточнославянских языках, достаточно ограничен: здесь не используются ни префиксальные, ни префиксально-суффиксальные морфемы. Продуктивным является лишь суффиксальная деривация: в русском – прежде всего *-оват-/еват-* (*красноватый, синеватый*); в русском, украинском и белорусском представлен суф. *-ав-/яв-*: *моложавый, чернявый* (русс.); *бляднавы, гаркавы* (белорус.); *білявий, чорнявий* (укр.).

В польском языке наибольшей продуктивностью отличается суффиксальное словопроизводство (доминирует суф. *-aw-*): *białawy, bladawy, błękitnawy*. В противоположность восточнославянским языкам в польском используется и префиксальное словопроизводство (ср.: *przygłupi, przysłony, przytwardy* и пр.), однако, на наш взгляд, здесь все же имеются приметы

постепенного уменьшения продуктивности данного способа словообразования, поскольку у ряда префиксальных производных отмечается значение интенсификации признака, т.е. снижается семантическая рельефность лексем с *przu-*.

В южнославянских языках прилагательные со значением ослабленного признака образуются главным образом посредством префиксального и суффиксального способов словообразования; ср. (болг.) *-кав-* (*синкав, зеленикав, червеникав* и пр.). Продуктивным является и суф. *-оват-* /*-еват-*: *слабоват, глуповат, синеват* (суф. *-ав-* непродуктивен). Довольно широко используется префикс *въз-*: *възжълт, въззелен* и т.д. В сербском языке также преимущественно используются суффиксальный и префиксальный способы словообразования: суф. *-каст-, -икаст-, -ичаст-* (*модрикаст, плаветникаст, беличаст* и т.д.), суф. *-ав-* здесь непродуктивен. Активно употребляются и префиксы *на-, о-, по-, при-* (*наглух, нажут, окрѣтак, поодобар* и под.).

Варьирование словопроизводственной мотивировки отмечается также у словообразовательной категории *nomina agentis*, в которой, помимо собственно агентивных обозначений (с выраженной глагольностью), имеется блок дериватов (многие из них являются профессиональными обозначениями) с выраженной субстантивной мотивировкой, т.е. с глагольностью ослабленной или даже нивелированной; ср. подполе с выраженной глагольностью: *поливать* > *поливальщик*; *доносить* > *доноситель*; с другой стороны, подполе с варьирующейся глагольно-субстантивной мотивацией: *поливать*//*полив*, *поливка* > *полищик*; *доносить*//*донос* > *доносчик*; *спасать*//*спасение* > *спасатель* и т.п. Наличие субстантивной мотивировки, особенно у профессиональных обозначений типа *полищик* и пр., облегчает втягивание “профессионального” блока из *nomina agentis* в состав более перспективной и мощной в номинационном отношении категории *nomina actoris* (имеется лишь субстантивная мотивация).

В результате происходящих подвижек постепенно формируется тенденция к “перепрофилированию” *nomina agentis*. Судя по семантике новообразований, данная категория все больше начинает пополняться экспрессивными (с выраженной глагольной мотивацией) обозначениями; ср. русск. *потакатель, кропатель, ухаживатель, очернитель, выступатель* и пр. (Нещименко, Гайдукова 1994). Нечто подобное можно заметить и в современном чешском языке; ср. эксцерпции из информационных порталов чешского интернета: *Ti na něj během předvolebního mítinku v Kolíně začali házet vajíčka a rajčata. A trefili se, poznamenává zpravodajský server iHNed.cz, který na incident upozornil. „Udělalí jsme to, protože Paroubek lže a my už jsme se nemohli dívat na to, jak to lidi poslouchají a ještě si berou balónky,“ řekl serveru Lukáš Botka, jeden z vrhačů. www. zpravy.ihned.cz; Vrhači vajec ve věku 20 a 21 let tak zopakovali situaci z Kolína. Tam minulou středu na Paroubka létala*

vajíčka a rajčata. Jedno vejce ho zasáhlo. V Plzni se to podle agentury Mediafax nepodařilo. www.aktualne.cz; 14. 05. 17:10; Po dvou týdnech házení vejci chtějí atentátníci vrátit průběh předvolebních mítinků Jiřího Paroubka do normálu. Právě v Kolíně, kde poprvé 15. května zaútočili, ukončili **vrhači** svou aktivitu položením plata vajec před tamní radnicí. Ibid. (речь идет об участниках предвыборного митинга, забрасывавших оратора яйцами); Jeruzalém - Na závěr své týdenní návštěvy Blízkého východu papež Benedikt XVI. ještě jednou odsoudil holokaust a ty, kdo jej popírají, a vyzval k usmíření Izraelců a Palestinců; Papež odsoudil před Izraelci holokaust i jeho **popírače**. [www. Aktuálně. cz.](http://www.aktualne.cz); Jag | Je to sprostý lhář a **slibovač** nemožného. Ibid.; „Nebyl jsem ale **sběračem** stranických funkcí a nikdy jsem tuto ambici neměl,” obhajoval se na serveru Füle. Lidové noviny. 2009 и т.п.

Таким образом, в рамках синхронной динамики, буквально “на наших глазах”, намечается перестройка рельефа словообразовательной категории *nomina agentis*, обусловленная появлением у нее специфической семантической специализации. Наблюдаемый “дрейф” блока профессиональных агентивных номинаций, его “втягивание” в состав более однородной и перспективной категории *nomina actoris* весьма симптоматичен. Оценить, какую перспективу будут иметь эти динамические подвижки, окажется возможным лишь при увеличении временного диапазона наблюдений, получения новых лексических материалов.

Б. Фаза межъязыкового сопоставления

Как уже отмечалось, для эффективности *межъязыкового сопоставления* важно, чтобы оно основывалось на *релевантных системных закономерностях*, выявленных в ходе *внутриязыкового сопоставления*. Из этого следует, что наиболее рационально, чтобы этот этап сопоставления завершал исследовательскую процедуру, так как в этом случае можно будет не только апробировать сделанные обобщения и выводы, но и, если понадобится, внести некоторые коррективы (именно к этому мы и прибегали несколько выше). Было бы ошибочно, однако, сводить значимость межъязыкового сопоставления лишь к контрольным, “экспертным” функциям. Данный вид лингвистического анализа имеет самостоятельное значение, он чрезвычайно перспективен в научном отношении.

Одно из важнейших преимуществ межъязыкового сопоставления, на наш взгляд, состоит в том, что в аппарат исследования вводится *фактор времени*, т.е. учет *скорости протекания идентичных процессов в близкородственных языках*.

1. *Различие скорости протекания идентичных процессов в близкородственных языках*

Как показали проводимые нами многолетние исследования, темп развертывания идентичных тенденций и процессов в близкородственных языках *разнится*. Это дает исследователю уникальную возможность *одновременно*, т.е. в одной синхронной плоскости, наблюдать *разные* фазы развертывания языковых процессов (Нещименко 1983: 49), т.е. фиксировать совмещенную в пространстве и времени диахронию. В силу сказанного исследователь имеет возможность не только *зафиксировать* фазы развития, но и *прогнозировать* направленность эволюции для тех языков, в которых тот или иной процесс по каким-то причинам протекает более медленно.

Таким образом, невзирая на принципиальное сходство словообразовательных систем славянских языков, а также историческую преемственность словопроизводственных традиций, наблюдаемая в них картина может различаться по *масштабности* и *темпу* развертывания процессов. Сказанное наглядно иллюстрирует эволюция деминутивных суффиксов с консонантом „C“ („Ц“).

Так, например, в чешском языке деминутивы с суффиксами -*Ос-*, -*ic-* были архаичны уже в древнечешском языке (ср.: *sestřice*, *rybice*, *hvězdice*, *hlavice* и т.д.), т.е. суффиксы с данным деривационным значением довольно рано утратили свою продуктивность. Несколько медленнее этот процесс проходил в русском языке, хотя и здесь производные данного вида и значения занимают периферийное положение в деривационной системе. Факты конкуренции деминутивных суффиксов -*Ок-* и -*Оц-* отмечались уже в истории русского языка; ср.: *рыбка*, *речка*, *ручка*, вытеснившие деминутивы *рыбища*, *речища*, *ручища*. Симптомы снижения продуктивности „Ц“-суффикса можно наблюдать у деминутивов в болгарском языке, несмотря на бытующее мнение о том, что именно южнославянские языки являются зоной предпочтительного использования „Ц“-формантов. Кстати говоря, результаты *диахронного* внутриязыкового сопоставления, проводившегося нами на материале чешского языка, навели нас в свое время на мысль о вероятном снижении активности суффикса с компонентом “Ц” в болгарском. Это подтверждалось, в частности, такими фактами, как отсутствие в составе зарегистрированных у них производящих основ производных и заимствованных лексем, новообразований (Нещименко 1983). Заметим, что некоторые болгарские исследователи деминутивов ранее высказывали иную точку зрения. Очень взвешенную и документированную оценку продуктивности данных формантов дает в своей монографии В. Радева (Радева 2007). В сербском и хорватском языках позиции „Ц“-суффиксов (например, -*ец-*, -*иц-*) продолжают оставаться прочными, хотя

определенные симптомы снижения их продуктивности в сербском языке все же имеются (Нещименко, Гайдукова 1994).

2. Типологическая близость славянских языков и развитие в них конвергентных тенденций

В развитии близкородственных языков отмечаются как *конвергентные*, так и *дивергентные* процессы, причем, как показал сопоставительный анализ, в современных славянских языках происходит *усиление* целого ряда конвергентных тенденций, что на практике проявляется в *ускоренном* и *однонаправленном* развитии данных языков. Удивляться этому, впрочем, не приходится, поскольку действие комплекса сходных экстралингвистических факторов не может не вызывать в типологически близких славянских языках сходную или же во всяком случае близкую языковую рефлексия.

Назовем эти факторы:

- изменение нормативной основы литературного языка, ставшее особенно очевидным во второй половине XX в. Тексты художественной литературы утрачивают роль эталонного, нормотворческого фактора, уступив место текстам СМИ, главным образом, *устным*. В результате этого узус репрезентативного языкового употребления становится открытым для включений из узуса повседневного, непринужденного, в том числе профессионального общения, сленгов и пр.;

- усиление значимости публичной коммуникации, ее воздействия на внутриэтническую и межэтническую интеграцию, на существующий вербальный узус. Изменение норм речевого этикета и речевого поведения особенно заметно в сфере публичной коммуникации. Подтверждением этого служит возрастание *экспрессивности* общения, в том числе и в современных СМИ, что свидетельствует о прагматической заинтересованности в обратной связи с адресатом, о стремлении привлечь его на свою сторону, установить с ним коммуникативный контакт;

- ослабление кодификационных запретов и средств речевого контроля в ареале *регулируемого* речевого поведения (Нещименко 1999а; Нещименко 2003 и другие, более ранние работы). В силу последнего ограничители, корректировавшие и лимитировавшие развитие некоторых тенденций в литературном языке, утратили свое воздействие, открывая простор влиянию живой разговорной стихии, выравнивающей некоторые из ранее существовавших различий;

- совпадение универсальных экстралингвистических факторов, предъявляющих языку вполне конкретный информационно-коммуникативный “заказ”;

- существенное возрастание *объема*, а также *скорости* прохождения информационного потока по каналам коммуникативной связи. Данное

обстоятельство создает предпосылки для проявления языковой экономии, в соответствии с которой отдается предпочтение использованию компактных, семантически емких номинаций.

Таким образом, начиная со второй половины XX в., активизируются новые социолингвистические и коммуникативные факторы, влияние которых, судя по всему, будет *долговременным*.

Особенно значимым является происходящее изменение речевого стандарта публичного общения в направлении “массовизации”, “устнизации”, усреднения узуса. Во многом это обусловлено приоритетным положением устных СМИ, характеризующихся повышенной коммуникативной интерференцией, большей толерантностью в отношении к узусу повседневному, непринужденному общению.

Именно узус устных медийных средств становится ныне, хотим мы того или нет, эталоном вербальной культуры, нормообразующим фактором в узусе публичного общения (см.: Нешименко 1999а; Нешименко 2001; Нешименко 2003 и т.д.). В свете этих изменений переоценка действующих кодификационных предписаний становится неизбежной.

Как проявление языковой рефлексии на действие названных выше факторов можно рассматривать увеличение стилистического варьирования суффиксальных формантов, востребованным становится весь спектр оценочной лексики, в том числе деминутивов, градационных прилагательных и наречий и т.д. (Нешименко 2003а). Наличие экспрессивного фона, а нередко и разговорного шлейфа, отмечается у целого ряда новообразований, относимых, например, к абстрактным существительным. Активно идет процесс окачества относительных прилагательных и наречий и пр.

Особую значимость приобретает создание в русле тенденции языковой экономии компактных номинаций, в том числе универбов, позволяющих заменить громоздкие описательные конструкции более компактными обозначениями (Нешименко 2003б).

Влиянием тенденции языковой экономии, возможно, обуславливается довольно стремительное расширение границ деминутивного и феминативного словообразования, например, в русском или же польском языках. Несмотря на то, что активизация этих процессов в чешском языке является более значительной, есть все основания говорить о движении *в одном и том же направлении*.

Таким образом, очевидным является снятие или же ослабление более ранних ограничений, накладываемых на реализацию целого ряда словообразовательных моделей. Это стимулирует формирование новых деривационных взаимосвязей, возрастание продуктивности как традиционных, так и новых схем и способов словопроизводства. Активизируется использование возможностей семантического словообразо-

вания, ограничивающего чрезмерное разрастание корпуса вербальных единиц и т.п.

Скорость нивелировки проявлений дивергентности может быть весьма впечатляющей. Так, в докладе, произнесенном в Праге на симпозиуме зарубежных богемистов в конце 80-х годов, нами были представлены некоторые результаты сопоставительного анализа отличительных особенностей русского и чешского языков, зафиксированных в практике перевода. Печатная версия этого доклада вышла в 1990 г. (Něščimenková 1990). Возвратившись к этим наблюдениям уже в начале 2000-х годов, мы обнаружили, что многие из приводимых в нем отличий чешского публичного узуса от русского к этому времени уже сгладились. Данное обстоятельство, несомненно, свидетельствует о том, что узус публичной коммуникации является наиболее динамичной сферой *регулируемого* речевого поведения.

Сказанное касается, в частности, активизации использования универбов, относительных прилагательных с окачественным значением, препозитивной постановки определения, расширения частотности и сферы употребления наречий, некоторых разрядов глагольного словообразования и т.п. Попытаемся проиллюстрировать сказанное.

Там, где в узусе чешской публичной речи отмечается препозиционная постановка согласованного определения (*проявление синтетизма*), в адекватном русском тексте фиксируется постпозиционное несогласованное определение (чаще всего существительное с предлогом), т.е. проявление аналитизма; ср.: *hektarové výnosy* – *урожайность с гектара*; *sklizňové ztráty* – *потери при уборке урожая*; *bezztrátová přeprava* – *перевозки без потерь*; *vícezdrojové financování* – *финансирование из нескольких источников* и пр. Ср. новейшие примеры из чешского Интернета: *Mezi ekonomy dokonce převládá názor, že na růstové programy si Češi půjčovat nemusí.* Aktuálně.cz. 04.05.09; *Cena [...] za barel se s [...] odezněním nervóznější atmosféry na finančních trzích dostane opět do růstového trendu.* Aktuálně.cz. 14.05.09; *Muži v tmavých brýlích, kteří po vajíčkových atacích hlídají Paroubkovo bezpečí.* Aktuálně.cz. 14.05.09; *Moskevská radnice však akci oficiálně nepovolila a opakovaně dala najevo, že je připravena vyslat na aktivisty pořádkové síly.* Aktuálně.cz. 21.05.2009; *Kandidátka na německou prezidentku nadbíhá krajní levici.* Aktuálně.cz. 21.05.2009; *Konec salámového boje, špekáčky budou česko-slovenské* Aktuálně.cz 28.05.09; *Podle lidskoprávních organizací se zločinů a útoků na civilisty dopouštěly obě strany.* Aktuálně.cz 22.09.09; *chránit všechny alianční členy.* Aktuálně.cz 11.10.09.

За последнее десятилетие образование компактных окачественных относительных прилагательных в русском языке (возможно, под влиянием разговорной речи) значительно активизировалось. Это подтверждается большим количеством примеров, из которых мы приводим лишь малую толику: *затменные стекла*. Новая газета 1999 ('стекла, необходимые для наблюдения солнечного затмения'); *белодомовские чиновники молчали*.

Московский комсомолец 1999; *маячная информация*. Маяк 1999; *фанерные концерты*. Новая газета 1999 ('концерты, идущие под "фанеру", т.е. фонограмму'); *фонограммные артисты*. Новая газета 1999; *в самые безмедальные годы*. Эхо Москвы 2000; *бутырочная действительность*. Там же 2001; *это такая ошущенческая штучка*. Эхо Москвы 2006; *Мы расплачиваемся за советские освоенческие подходы*. Эхо Москвы 2008; *Разоруженческие процессы*. ТВ 2008; *наступает пробочное время* (пробки на транспорте). Русская служба новостей 2009; *Огламуренный дилетант*. Там же 2009; *вести масочный режим; соблюдать масочный режим*. Там же 2009 (совет врача во время эпидемии свиного гриппа). Примечательно, что тенденция адъективации, чрезвычайно продуктивная в современном русском языке, распространяется и на прилагательные, образованные от абстрактных существительных.

Стремление к большой компактности средств выражения стимулирует активизацию образования и использования наречий в медийных текстах на русском языке. Та же тенденция наблюдается и в ряде славянских языков; ср.: чеш. *prezident byl ústavně odvolán*. Netopýr-TV 1999; *Přibývá programově řízených obráběcích strojů*. Rudé právo 1981; *sošně se vzdálil*. Kmen 1988; *aby se průvodcovsky osvědčila*. RV 2001; *perestrojkově naivní film* и пр.; *Stejně jako ministerstvo chtějí akademici odbourat papírově náročné akreditace každého jednotlivého oboru*. Aktuálně cz. 15.05.09; ср. русск.: *осматривать помещочно и поящично*. Новая газета 1999; *Куда более обаятельного и тем паче фактурно близкого миллионам*. Там же 2001; *Это был бы жест, электорально вредный*. Там же 1999; *Я отвечу на этот вопрос притчево*. ТВ-РТР 2000; *Это был старик, поведенчески странный*. Новая газета 2000; *По решению Президиума прямая трансляция отменяется, президиумно нам перекрыли клапан информации*. Огонек 1989; *Импровизировать поступочно*. ТВ-Кинопанорама, 2000; *Приборно доказать*. ТВ, 1989; *Телевизор прямо евростандартно украсил ваш крепкий очаг*. Новая газета 2001; *Население рыночно притянулось в Москву*. Эхо Москвы 2001. Количество подобных образований в русском и чешском языках стремительно нарастает, большинство из них зафиксировано в нашей электронной картотеке.

В этом же русле можно рассматривать и проявления конкретизации значения абстрактных существительных, характеризующие повышенной экспрессивностью; ср.: *V uvolněné atmosféře se Fischer přiznal, že cítí břemeno velké odpovědnosti, ale také se "těší" [...] zda raději míru těšení neměl Fischer vymezit*. Aktuálně.cz..11.04.09; *odmítáme jakékoli formy zpoplatnění studia*. www.zpravy.idnes.cz 15.05.09.; *Havlova kritika národovětví a protievropanství*. Právo 20.04.09.²³; ср. русск.: *вокзальность бытия, его перекресточность* (2003); *жизненные необходимости* (2000); *делить детей и стариков по*

²³ Все приводимые тексты взяты из чешского Интернета. Воспроизводимые примеры отражают лишь малую толику имеющегося у нас материала.

горбоносости и черноволосости (1999); крошечность человечества! (2009). Ср. также случаи образования относительных прилагательных от абстрактных существительных: отношенческие вещи (2009); размысленческие паузы (2001); ощущенческая итучка (2006) и пр. Сказанное особенно примечательно, так как обычно образование абстрактного существительного или же, к примеру, существительного с модификационным значением замыкает деривационную цепочку, препятствуя ее дальнейшему разворачиванию²⁴.

Сюда же примыкают и десубстантивные глаголы со значением результативности действия, которые, на наш взгляд, также можно рассматривать как проявление языковой экономии. В чешском языке данная тенденция подтверждается не только множеством языковых фактов, но и имеет давнюю традицию, поэтому мы ограничимся лишь несколькими иллюстративными примерами, для которых в русском языке адекватные компактные обозначения отсутствуют; ср.: *zprovoznit* ‘сделать проезжим, напр. улицу’; *zprůchodnit* ‘сделать проходным, устроить проход’; *zchutnit* ‘сделать вкусным, улучшить вкус’; *zviditelnit* ‘сделать видимым’; *odzrnit (papriku)* ‘вынуть зернышки (из перца)’ и пр.; ср. также *tunelovat* (peníze z banky) ‘делая тоннель (образно говоря) в банке, т.е. выкрасть деньги из банка; увести деньги из банка’ (и производное *tunelář*); *internetovat* ‘работать в Интернете’ (два последних примера зафиксированы в картотеке Института чешского языка Чешской АН) и пр. Приведем для ясности лишь один контекст: *Předčasné volby měly především zprůhlednit rozložení politických sil*. газета Metro. 1998 (заметим, что данная газета распространяется буквально “с колес”, поэтому возможности языкового редактирования публикуемых текстов являются весьма ограниченными. Сказанное распространяется и на многие тексты из Интернета).

В русском языке данная тенденция активизировалась, главным образом, в новейшее время; ср.: **банкротить** банки. Эхо Москвы 1999; **челночить** в Китае. Маяк 1995; власти **секретят** эти материалы. Новая газета 1999; Ты все **абсурдируешь**. Там же 2001; в армии изобретательно **садируют**. Там же 1999; заводы **пиратируют** своих же заказчиков. Там же 2000; договорились друг друга не **пиратить**. Там же 2000; Задача “**очистнить**”, если так можно выразиться, все процессы в обществе. Огонек 1989; Мы тебя **отрейтингуем**. Эхо Москвы 2002; Как можно быстрее **отелевизионить** Москву (после пожара в Останкино в 2000 г. – Г.Н.). Московский комсомолец 2000; Мы слишком **занаукообразили** проблему. ТВ 1999; Два года назад уже “**жюрил**”. Новая газета 2000; Устроили заседание в Думе. По поводу – можно **эфирить** или нет. Там же 2001; ваша команда **мониторит**, как это сейчас модно говорить. Эхо Москвы 2000;

²⁴ По поводу разворачивания деривационных цепочек см.: (Нещименко 1970; Нещименко 1980).

в Швеции большинство *велосипедит* по городу с утра до вечера. Комсомольская правда 1999; *Еще когда главбухшила* в конторе. Новая газета 2001; *Зачем оппозиция кошмарит*²⁵ режим? ТВЦ 2003 и мн.др. Состав этой лексики постоянно пополняется за счет притока новообразований из разговорного узуса.

Об усилении конвергентности развития славянских языков свидетельствует и повышение фреквенции и расширение словопроизводственной базы у деминутивных существительных, а также парных феминативов в современном русском языке, что особенно заметно в языке СМИ. Это связано с общими процессами, развивающимися в современной речевой культуре. Мы имеем в виду действие таких факторов, как существенное изменение речевого стандарта в сфере массовой коммуникации (Нещименко 2001), сопровождаемое значительным изменением нормы литературного языка, снижением строгости кодификационных запретов. В узусе публичной коммуникации это проявляется, помимо прочего, в усиливающемся влиянии на него разговорного узуса, что наблюдается практически во всех языках современных этносов. Этому сопутствует общее возрастание экспрессивности речи, что стимулирует образование и употребление деминутивных существительных, прилагательных, а также наречий. Говоря о возрастании проявлений языковой экономии в славянских языках, необходимо учитывать, что они обладают системными предпосылками для реализации этой тенденции. Мы имеем в виду прежде всего богатство инвентаря словообразовательных аффиксов. Особенно активно деривация применяется в чешском языке, поэтому не случайно адекватный чешский текст практически всегда короче русского.

В качестве одного из проявлений тенденции языковой экономии можно рассматривать и упоминавшееся выше расширение масштабов деминутивного и феминного словообразования в русском языке (приведем всего лишь один пример компактности номинации: описательная номинация *женщина-снайпер* и более компактный дериват *снайперша*). Разумеется, масштабы как деминутивной, так и феминной деривации в русском языке трудно сравнить с чешским, тем не менее есть все основания говорить о сходстве тенденций или же во всяком случае о движении в одном и том же направлении. Ярким примером действия тенденции языковой экономии являются универбы, активно проникающие в узус СМИ во всех славянских языках.

Таким образом, наличие комплекса сходных факторов предопределяет и сходство их языковой реализации в близкородственных языках. В этой

²⁵ Кстати говоря, употребление данного глагола связывают с приходом к власти Д.А. Медведева, т.е. с его речевым узусом. На деле же он появился, судя по нашим материалам, раньше.

связи не приходится удивляться тому, что зона *конвергентного развития славянских языков продолжает расширяться*.

Далее приводится краткий перечень языковых процессов, выявлению которых способствовало применение сопоставительного метода:

- усиление тенденции окачества относительных прилагательных;
- активизация образования и расширение сферы использования наречий, образованных от относительных прилагательных;
- конкретизация семантики абстрактных существительных;
- бóльшая регулярность образования и расширение сферы употребления парных феминативов, что отмечается в том числе и в русском, и отчасти польском узусе, т.е. там, где это ранее строго лимитировалось действующей кодификацией;
- активизация образования и употребления деминутивов во всех славянских языках, обусловленная возрастанием экспрессивности речи.

Даже этот далеко не полный перечень языковых фактов демонстрирует исследовательские возможности применения сопоставительного метода при изучении системно-функциональных особенностей славянских языков.

* * *

Подводя итоги, отметим, что сопоставительное изучение близкородственных языков позволяет избежать крайностей и ненужной категоричности в оценках системных закономерностей славянских языков, в прогнозировании направленности их дальнейшей эволюции. Корректное соблюдение методических приемов сопоставительного изучения как внутриязыкового, так и межъязыкового является предпосылкой того, что получаемые результаты будут не просто информативными, но и доказательными, что их можно будет использовать в том числе и при лингвистическом прогнозировании.

Выше мы уже говорили о том, что данные, получаемые в результате сопоставительного изучения близкородственных языков, нередко служат основой для выведения типологических обобщений. Признавая ценность этих наблюдений для языкового прогнозирования и типологических выводов, считаем необходимым предостеречь от поспешных и, следовательно, ошибочных глобальных заключений. Как нам представляется, в этом случае необходимо соблюдать ряд правил:

- нельзя делать типологические выводы о системе этнического языка в целом на основе изучения лишь какой-то одной экзистенциональной формы, сколь бы престижной она ни была (в данном случае мы имеем в виду литературный язык). Соответственно нельзя игнорировать специфику и закономерности разговорной речи;

- важно ограничивать *естественные* языковые процессы от процессов, обусловленных целенаправленной корректировкой извне, в частности, проведением той или иной языковой политики. К сфере языковой политики могут быть отнесены те или иные кодификационные предписания и регламентации, действующие в определенный период жизни социума правила речевой эстетики и речевого этикета, в том числе и требования политкорректности и пр. Названные факторы могут оказывать влияние на формирование литературной нормы, однако на непринужденную повседневную речь они вряд ли распространяются;

- невзирая на то, что кодификация формируется на основе научного обобщения системных языковых закономерностей, она а priori не может быть абсолютно свободной от регулирующих установок, варьирующихся в тот или иной период жизни социума (ср., например, требование соблюдения политкорректности). Последнее обстоятельство представляется нам весьма существенным, так как оно может вести к возникновению слишком большой дистанции между кодификацией, системными языковыми закономерностями, повседневным узусом, что в свою очередь может способствовать возникновению коммуникативного дискомфорта. Впрочем, вмешательство в развитие языка извне способно лишь временно *приостановить* развитие того или иного языкового процесса, но не может “аннулировать” его полностью;

- признавая значимость типологических классификаций как таковых, следует, тем не менее, учитывать, что любая типологическая классификация является лишь некоторым приближением к языковой реальности²⁶. Это некоторая плоскостная конструкция, достоверность которой может быть поколеблена введением дополнительных критериев либо нового уточняющего материала;

- развитие сопоставительного изучения близкородственных языков позволяет более трезво относиться к типологическим прогнозам, высказываемым в отношении последующей эволюции славянских языков. За неимением места ограничимся всего лишь одним примером. В литературе зачастую высказывается мнение об усилении проявлений *аналитизма* в славянских языках, однако, по имеющимся у нас данным, можно говорить и об обратном, а именно об усилении *синтетизма* в определенных фрагментах языковой системы. Иными словами, *противоположные*

²⁶ Примечательно, что один из ярчайших представителей типологической лингвистики – чешский ученый Вл. Скаличка – подмечал и ее уязвимые места: “Типология – один из самых древних и вместе с тем наименее разработанных разделов языкознания” (Скаличка 1958: 19) или же “этот метод (характерологической типологии. – Г.Н.) имеет один существенный недостаток: он не обладает прочной теоретической базой, которая позволила бы ему оценивать различные явления не в зависимости от их своеобразия, а в соответствии с их ролью в общей системе языка, оценивать их на основе точных и определенных критериев” (Скаличка 1958: 28).

(противонаправленные) тенденции могут уравниваться. Для объективной оценки ситуации немаловажно установить удельный вес фиксируемых новаций;

- в целом, несмотря на имеющиеся различия, есть все основания говорить о преобладании *конвергентной* направленности развития славянских языков. Это обусловлено *сходным* спектром системных возможностей, предопределенных как генетически, так и типологически.

Литература

- Барнет В. (1983), *К проблеме языковой эквивалентности при сравнении*. [In:] *Сопоставительное изучение русского языка с чешским и другими славянскими языками*. МГУ, Москва.
- Гринберг Дж. (1963), *Квантитативный подход к морфологической типологии языков*. [In:] *Новое в лингвистике*. III. Москва.
- Земская Е.А. (1964), *История прилагательных, обозначающих степень признака в русском литературном языке нового времени*. [In:] *Образование новой стилистики русского языка в пушкинскую эпоху*. Москва.
- Исаченко А.В. (1954), *Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким*. 1–2. *Морфология*. Братислава.
- Матезиус В. (1967), *О системном грамматическом анализе*. [In:] Н.А. Кондрашов (ред.) *Пражский лингвистический кружок*. Сборник статей. Москва.
- История именного словообразования в чешском литературном языке конца XVIII–XX вв. (Прилагательное)*. Москва, 1968.
- Нещименко Г.П. (1960), *Словообразование существительных женского рода со значением лица в современном чешском языке*. [In:] *Ученые записки Института славяноведения АН СССР*, т. XIX. Москва.
- Нещименко Г.П. (1968), *История именного словообразования в чешском литературном языке конца XVIII–XX вв. (Прилагательное)*. Москва.
- Нещименко Г.П. (1970), *Деминутивны деривационные цепочки и их преобразование в чешском литературном языке*. [In:] „Вопросы языкознания“, № 6.
- Нещименко Г.П. (1972), *Тенденция окачества и ее влияние на словообразование прилагательных*. [In:] *Slovo a slovesnost. Ročník XXXIII*.
- Нещименко Г.П. (1976), *О регуляторах комбинаторики деривационных морфем (на материале чешского литературного языка)*. [In:] *Проблемы морфологии современных славянских и балканских языков*. Москва.
- Нещименко Г.П. (1980), *Очерк деминутивной деривационной системы в истории чешского литературного языка*. Praha.

- Нещименко Г.П. (1981), *Проблематика деривационной морфонологии*. [In:] *Славянское и балканское языкознание: Проблемы морфонологии*, Москва.
- Нещименко Г.П. (1983), *О некоторых аспектах сопоставительного изучения славянского словообразования*. [In:] *Сопоставительное изучение русского языка с чешским и другими славянскими языками*, МГУ, Москва.
- Нещименко Г.П. (1985), *Функциональное членение чешского языка*. [In:] Гухман М.М. (отв.ред.), *Функциональная стратификация языка*, Москва.
- Нещименко Г.П. (1986), *О некоторых аспектах применения графико-статистических методов в деривационном исследовании*. [In:] Бартков Б.И. (отв. ред.), *Омосемия и омография в естественных и машинных языках*. Владивосток.
- Нещименко Г.П. (1987), *О некоторых аспектах деривационного синтеза при сопоставительном изучении славянских языков (к проблеме центра и периферии при изучении словообразовательной категории)*. [In:] Нещименко Г.П. (отв. ред.), *Сопоставительное изучение словообразования славянских языков*. Москва.
- Нещименко Г.П., Гайдукова Ю.Ю. (1994), *К проблеме сопоставительного изучения славянского именного словообразования*. [In:] Нещименко Г.П. (отв. ред.), *Теоретические и методологические проблемы сопоставительного изучения славянских языков*. Москва.
- Нещименко Г.П. (1999), *Конкуренция как фактор динамики литературной нормы*. [In:] *Проблемы славянской диахронической социолингвистики: Динамика литературно-языковой нормы*, Москва.
- Нещименко Г.П. (1999а), *Этнический язык. Опыт функциональной дифференциации (на материале сопоставительного изучения славянских языков)*. [In:] *Specimina philologiae slavicae*. Band 121. München.
- Нещименко Г.П. (2001), *Динамика речевого стандарта современной публичной вербальной коммуникации: проблемы, тенденции развития*. [In:] „Вопросы языкознания“, №1, Москва.
- Нещименко Г.П. (2003), *Языковая ситуация в славянских странах. Опыт описания. Анализ концепций*, Москва.
- Нещименко Г.П. (2003а), *Функционирование модификационной лексики в языке современной публицистики*. [In:] Rudnik-Karwatowa Z. (red.), „Slavica“, t. 114: *Procesy innowacyjne w językach słowiańskich*, Warszawa.
- Нещименко Г.П. (2003б), *Языковая экономия как импульс динамики номинационной системы (на материале восточно- и западнославянских языков)*. [In:] Ohnheiser I. (red.), *Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich: Słowotwórstwo / Nominacja*, Innsbruck–Opole.

- Пражский лингвистический кружок (1967), *Тезисы Пражского лингвистического кружка*, Москва.
- Радева В. (2007), *В света на думите: Структура и значение на производните думи*, София.
- Русская грамматика (1979), *Русская грамматика* (Горалек К. – научный редактор), т. 1–2, Praha.
- Сопоставительное изучение русского языка с чешским и другими славянскими языками (1983), (Широкова А.Г., Вл. Грабье – ред.), *Сопоставительное изучение русского языка с чешским и другими славянскими языками*, Москва.
- Сопоставительное изучение словообразования славянских языков (1987): (Нещименко Г.П. - ред.), *Сопоставительное изучение словообразования славянских языков*, Москва.
- Теоретические и методологические проблемы сопоставительного изучения славянских языков (1994), (Нещименко Г.П. - ред.), *Теоретические и методологические проблемы сопоставительного изучения славянских языков*, Москва.
- Широкова А.Г. (1978), *Теоретические предпосылки сопоставительного изучения грамматического строя славянских языков*. [In:] «Вестник Московского университета. Серия 10: Филология», № 6, Москва.
- Barnet V. (1974), *Konfrontace a ostatní druhy polylingválního popisu*. [In:] «Slavica Slovaca», № 9.
- Barnetová V., Barnet V. (1962), *O konfrontačním studiu příbuzných jazyků*. [In:] «Acta Universitatis Carolinae. Philologica 3. Slavica Pragensia», IV, Praha.
- Barnetová V. (1970), *Morfologie slovesného vidu v ruštině*, Praha.
- Dokulil M. (1962), *Tvoření slov v češtině. Teorie odvozování slov*, d. 1, Praha.
- Dokulil M. (1963), *Ke koncepci porovnávací charakteristiky slovanských jazyků v oblasti "tvoření slov"*. [In:] «Slovo a slovesnost», № 24.
- Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich (2000), (Gajda S. – red.), *Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich*, t.1, Opole.
- Komparacja współczesnych języków słowiańskich. Słowotwórstwo. Nominacja (2003), Ohnheiser I. (red.), *Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich: Słowotwórstwo / Nominacja*, t. 2, Innsbruck–Opole.
- Konfrontační studium inovačních procesů ve slovanských jazycích (1999): (Šlaufová E. - red.), *Konfrontační studium inovačních procesů ve slovanských jazycích*. [In:] «Slavia», t. 68, seš. 1.
- Leška O. (2003), *Jazyk v strukturním pojetí. Kapitoly ze synchronní a diachronní analýzy ruštiny*. [In:] «Euroslavica», Slovanský ústav, Praha.

- Mathesius V. (1929), *Funkční lingvistika*. [In:] (Vachek J. – red.), *Prameny české a slovenské lingvistiky. Z klasického období pražské školy 1925–1945. Řada česká – svazek 2* (K vydání připravil prof.dr., DrSc.) „Academia“, Praha, 1972.
- Neščimenková G. (1990), O některých jevech jazykové specifičnosti češtiny a ruštiny v překladatelské praxi. [In:] *Čeština jako cizí jazyk. III. Materiály z III. Mezinárodního symposia Český jazyk a literatura v zahraničí*,. Universita Karlova, Praha.
- Neščimenková G. (2003), *K zintenzivnění tendencí konvergentního vývoje současných slovanských jazyků*. [In:] (Hladká Z., Petr Karlík P. – red.), *Čeština: Univerzália a Specifika*, t. 5, Brno.
- Problemy teoretyczno-metodologiczne badań konfrontatywnych języków słowiańskich (1991): (Běličová H., Nieszczimienko G., Rudnik-Karwatowa Z. – red.), «Slavica», t. 89: *Problemy teoretyczno-metodologiczne badań konfrontatywnych języków słowiańskich*, Instytut Słowianoznawstwa PAN, Warszawa.
- Trnka B. (1990), *Kapitoly z funkční jazykovědy*. Acta Universitatis Carolinae Philologica, Praha.
- Współczesna komunikacja językowa 2008: (Rudnik-Karwatowa Z. – red.), «Slavica», t. 125: *Współczesna komunikacja językowa: Najnowsze zmiany w leksyce i słowotwórstwie języków słowiańskich*, Warszawa.

Streszczenie

Artykuł prezentuje różnorodne kierunki badań konfrontatywnych nad językami słowiańskimi, szeroki zakres obserwacji i wniosków związanych z różnorodnymi aspektami procesów derywacyjnych. Została w nim przedstawiona także wielość zmian zachodzących w systemach słowotwórczych konfrontowanych języków, które wskazują na tendencje rozwojowe, pozwalając na prognozowanie dalszych procesów słowotwórczych.

Ingeborg Ohnheiser

ПРЕДМЕТ И МЕТОДЫ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ: ТРАДИЦИЯ И НОВАЦИЯ

Какие причины способствуют или, наоборот, препятствуют развитию определенной научной дисциплины и определенной концепции в рамках дисциплины? В настоящей статье мы постараемся ответить на данный вопрос, проанализировав принципы и методы сопоставительного изучения словообразования.

1. Из истории изучения славянского словообразования в XX–XXI вв.

Задолго до появления понятий парадигмы и смены парадигм в науке Роман Jakobson отмечал, что и в развитии языкознания отражаются общее развитие наук, «научное мировоззрение эпохи» и меняющийся приоритет отдельных областей знания.

Так, по Jakobsonу, в начале XX в., при расцвете «натурализма» в науках, на передний план лингвистических исследований выдвигались вопросы, которые в большей степени, чем другие, допускали «натуралистское решение». Знаковая теория, семантика и культура речи оставались на заднем плане. В связи с феноменологическим поворотом повысился интерес к языковой системе, к уровням языка, к соотношению между формой и функцией. Тридцатые годы, в свою очередь, были охарактеризованы включением языка в проблемы, связанные с культурой, с обществом. Понимание языка как орудия культуры стимулировало интерес к словарному составу, фразеологии и стилистике. Этот «социологический поворот», однако, не снял предыдущие темы с повестки дня.

Хотя Р. Jakobson считал устремления к созданию неразрывной связи лингвистических исследований с научным «лейтмотивом» эпохи «неоправданным схематизмом», он признавал, что новая ведущая тенденция не столько создает исследовательские темы, сколько изменяет

их иерархию, престижность, что приводит к более благоприятным условиям для развития определенных тем (Jakobson 1936: 81 и след.).

1.1. Изучение словообразования способствовало смене научных «лейтмотивов», характерных для языкознания вообще. Восходя своими корнями как к сравнительно-историческим исследованиям, так и к грамматикографии 18–19 вв., словообразование (тогда еще в рамках морфологии) стало составной частью «эмансипации» современных языков как предмета лингвистических исследований.

Возрастающий интерес к функциональной стороне языка способствовал включению словообразования в теорию номинации, о чем свидетельствуют еще тезисы Пражского лингвистического кружка (1929). К данной традиции восходят труды Докулила (Dokulil 1961; 1963), на которые во многих аспектах ссылались русские исследователи по языковой номинации (ср., напр., Языковая номинация, 1977).

Утонченное понимание словообразовательной семантики отражают русские «академические грамматики» (Шведова 1970; 1980), работы И.С. Улуханова (1977; 2007), системный подход в словообразовании характерен также для исследований 1970–1980 гг. по парадигмам и гнездам (ср., напр., Buzássyová 1973; Земская 1978, 1992; Тихонов 1985).

Повышенный интерес к тексту, обусловленный отчасти прагматическим фактором, способствовал появлению исследований, посвященных функционированию производного слова в тексте (Кубрякова 1986). Кроме того, напомним о традиции в исследовании соотношения словообразования и стилистики (напр., Виноградова 1992; Земская 1992 и др.).

Изучение прагматического потенциала словообразования приобрело особую актуальность в связи с общественными изменениями 1980–1990 гг., в том числе с началом либерализации средств массовой информации. Морфопрагматике был посвящен, напр., ряд работ Нагурко (напр., Nagórko 1997). Наконец, «когнитивный поворот» обусловил направление исследований, связанных с отражением когнитивных процессов в номинативной деятельности (Кубрякова 2004; Waszakowa 2003).

2. Сопоставительное словообразование в XX–XXI вв.

Названные выше направления в разной степени отражались и в сопоставительных исследованиях, причем межславянское сопоставление базировалось, в первую очередь, на единицах словообразовательной системы (от морфемы до словообразовательных гнезд), между тем как сопоставительные исследования по неблизкородственным языкам учитывали и возможности системных

номинативных компенсаций, выходящих за рамки словообразования (напр., Ohnheiser 1987).

2.1. В начале 1960 гг. М. Докулил разработал основополагающую концепцию по сравнительной характеристике славянских языков в области словообразования (Dokulil 1963). В статье, посвященной V Международному съезду славистов в Софии, М. Докулил развивал идеи, позволяющие дать если не исчерпывающую, то достаточно точную характеристику словообразовательных систем славянских языков и предоставляющие базу для познания общих и частных черт, а также для типологии словообразования. При этом сопоставление не должно ограничиваться анализом формальных средств. Наряду с учетом части речи мотивированного слова, способа словообразования, части речи мотивирующего слова и словообразовательных типов, связанных с определенными формантами (ср. с. 87 и след.: „Konstrukční možnosti tvoření slov“), необходимо установить параметры, характеризующие отношение словообразовательных средств к внеязыковой действительности (ср. с. 93 и след.: „Parametry, které charakterizují vztah slovtvorných prostředků k vyjadřované mimojazykové realitě“). Кроме того, важной отличительной особенностью сопоставляемых языков может стать соотношение немотивированной и мотивированной лексики.

Одной из главных задач сопоставительного изучения словообразования Докулил считал анализ того, как упорядочен инвентарь деривативно или композиционно реализованных ономаσιологических структур, с помощью каких способов они оформляются. Таким образом, сопоставление, исходящее из ономаσιологических категорий¹, представлялось Докулилу адекватной базой сопоставления словообразовательных и, в более широком смысле, номинативных систем языков. Ономаσιологические категории образуют основу номинативной системы, в которую входит и словообразование. Далее, по Докулилу, следовало бы учесть продуктивность определенных способов образования слов и словообразовательных типов, включая продуктивность комплементарных способов.

Следующим уровнем сопоставления является инвентарь морфем и количественное использование индивидуальных морфем в сопоставляе-

¹ Ср., напр., такие ономаσιологические категории (ОК) мутации, как а) субстанция, которая определяется отношением к признаку (ОК НОСИТЕЛЬ СВОЙСТВА); б) субстанция, которая определяется отношением к другой субстанции (ОК НОСИТЕЛЬ ПРЕДМЕТНОГО ОТНОШЕНИЯ), в) субстанция, которая определяется отношением к действию (ОК НОСИТЕЛЬ ОТОШЕНИЯ К ДЕЙСТВИЮ, напр., Nomina agentis, Nomina instrumenti и др.). Лексические эквиваленты разных языков могут относиться к разным категориям, как, напр., чешск. *řezník* (S<V), но: словацк. *mäsiar* и русск. *мясник* (S<S).

мых языках. Кроме того, следовало бы сопоставить морфемную структуру как производных, так и производящих единиц².

Другим отличительным признаком является распределение лексического состава по словообразовательным гнездам (*slovotvorné čeledi*).

Кроме того, сопоставительное изучение словообразования следовало бы дополнить двумя направлениями (с. 102 и след.):

1) установлением того, как словообразовательные системы, словообразовательные категории и типы соотносятся с определенным внеязыковым содержанием³;

2) установлением того, как используется словарный состав языка в различных словообразовательных процессах.

Для первой ступени исследования Докулил предложил – по единым принципам – составить инвентарь эквивалентных коренных / базисных морфем⁴ и их производных во всех славянских языках. Только на такой основе в будущем можно было бы осуществить проект дифференциальной и – на этой основе – типологической характеристики славянских языков.

Как вытекает из процитированных задач и методов, Докулил предвосхитил и многие вопросы, которые сначала должны были быть изучены и «апробированы» на материале отдельных языков⁵, прежде чем перейти к сопоставлению⁶.

Кроме того, концепция содержит многочисленные точки соприкосновения с упомянутыми выше (1.1) направлениями в изучении словообразования и их включением в сопоставительные исследования.

² Напр.: К, К+F, К+S+F, К+S+S+F и др., а также P+K, P+K+F, P+P+K и др. (К – корень, F – окончание, S – суффикс, P – префикс).

³ Так, в русском языке понятия «magister» – «discipulus» связаны между собой однокоренными словами: *учитель* – *ученик*, между тем как чешские *učitel* и *žák* – разнокоренные слова, а *učěj*, *učedník* вошли в другое лексико-семантическое отношение, т. е. к слову *mistr*.

⁴ С подобным требованием связана и дифференциация возможной многозначности, т. е. отдельные семемы / лексико-семантические варианты должны рассматриваться как самостоятельные единицы. Подобное требование прозвучало и в других исследованиях, которые исходят из того, что сопоставительному словообразованию должна предшествовать сопоставительная семасиология. Реализация такого подхода усложняется, однако, непоследовательным отражением полисемии даже в словарях одного и того же языка.

⁵ Ср., напр., изучение словообразовательных реляций между частями речи, соответствующих основным типам ономастических категорий Докудила, в рамках аппликативной модели (Шаумян, Соболева 1968); данная модель легла в основу исследований других славянских языков (напр., Jadacka 1995) и сопоставительного анализа (напр., Stawnicka 1991). Сопоставительные работы были и по словообразовательным парадигмам и гнездам.

⁶ Ср., напр., исследования Страковой о семантике и сочетаемости родственных аффиксов в русском и чешском языках (Straková 1973).

И еще один важный аспект: подход Докулила к сопоставительному словообразованию показывает тесную связь с сопоставительной лексикологией и семантикой.

2.2. Единственным большим сопоставительным исследованием на материале всех славянских языков, с особым учетом развития лексики и словообразования в послевоенный период, была работа В.Т. Коломієць (1973). Исследователь использовала ономаσιологический метод, учитывая при этом функционально-стилистическую дифференциацию; в рамках же описания словообразовательных категорий дается преимущественно перечисление типов с включением статистических данных, комментариев к продуктивности и т.д. Одновременно в концепции В.Т. Коломієць проявляется еще одна дилемма объемного сопоставительного исследования: полнота материала за счет относительно узкого подхода, с одной стороны, или многосторонний подход за счет богатства примеров, с другой.

2.3. На существование «сходных или, по крайней мере, сопоставимых описаний словообразовательных систем всех славянских языков» возлагали надежды В.В. Лопатин и И.С. Улуханов (1983). Предложенный ими предмет сопоставления ограничился – в отличие от Докулила – явлениями словообразовательных систем в более узком смысле.

Связь словообразования с лексической системой проявляется при учете семантики как мотивирующих, так и мотивированных слов. В задачи сопоставительного исследования, по Лопатину/Улуханову, входят:

а) установление общих черт (с. 170 и след.), характеризующих славянский языковой тип в словообразовании:

- 1) преобладание аффиксальных способов словообразования над сложением;
- 2) преобладание суффиксации в именах и префиксации в глаголах [...];
- 4) развитая синонимия аффиксов [...];
- 6) развитость смешанных способов словообразования [...];
- 9) развитая система дополнительных морфонологических средств [...];

б) изучение способов словообразования. Отмечается, что при общем типологическом единстве словообразовательных систем славянских языков система способов словообразования⁷ в этих языках в целом тождественна.

⁷ Выделено в подлиннике.

Частные различия касаются 1) степени распространенности того или иного способа (количества словообразовательных типов и степени их продуктивности) и 2) инвентаря словообразовательных значений;

в) исследование основного фонда аффиксов. По Лопатину/Улуханову (с. 172 и след.), основной фонд аффиксов, составляющий центр словообразовательных систем, в славянских языках тождествен. [...] В отношении других аффиксов следует говорить об ареальной ограниченности. [...] Подавляющее большинство различий между славянскими языками заключается в инвентаре словообразовательных аффиксов и касается трех [...] групп сравнительно поздних по происхождению аффиксов:

- 1) группа заимствованных (неславянских по происхождению) аффиксов;
- 2) группа формально вторичных, «сложных» аффиксов, возникших в результате перераспределения основ; 3) группа экспрессивных аффиксов (разговорных и просторечных);
- г) изучение семантической сочетаемости морфем (с. 176);
- д) выявление лексической реализации системных словообразовательных возможностей (с. 181 и след.);
- е) определение сходства и различия в морфонологических явлениях словообразования (с. 182).

Кроме того, особого рассмотрения требуют, напр., различные (словообразовательные и несловообразовательные) средства выражения тождественных или близких значений, сопоставительное изучение словообразовательных гнезд [...], сходства и различия в направлении мотивации у эквивалентных слов [...], в синтаксической сочетаемости мотивированных слов и т.д. По Лопатину/Улуханову (1983: 183), «систематическое изучение всех этих вопросов на большом материале может быть наиболее эффективным тогда, когда будут созданы сходные или по крайней мере сопоставимые описания словообразовательных систем всех славянских языков, словари аффиксов отдельных языков, обратные словари».

3. Следует напомнить еще и о месте словообразования в разных типологически ориентированных исследованиях.

3.1. В статье А.В. Исаченко (1958) о структурной типологии словарного состава славянских языков отмечается, напр., что различия в соотношении синтетической и аналитической номинации, а также разные типы составных наименований отражают различное воздействие других языков на русский, польский и чешский языки и различную «обработку» заимствований в соответствии с системой языков и с языковой политикой тех эпох, когда происходили соответствующие заимствования. Если сравнить наблюдения и обобщения А.В. Исаченко

с современными заимствованиями, то сегодняшнее состояние отражает тенденцию к уменьшению внутриславянских различий. Интернационализация способствует – вследствие преобладания одного и того же источника (англо-американского), а также изменений в языковой ситуации и в культуре речи – одинаковым или сходным решениям⁸.

Таким образом, словообразование включается А.В. Исаченко в более широкую рамку типологии номинации и словарного состава вообще (ср. также Ohnheiser 1998).

В других типологических концепциях встречаются ссылки на учет словообразования, напр., при установлении морфолексических ареальных типов в рамках ареальной типологии, а концепции «типологии литературных языков по способу их происхождения» и так называемой «типологии по культурным пространствам» (Kronsteiner 1980) также представляют определенный интерес для анализа номинации/словообразования.

В этой связи следует упомянуть и о статье К. Хлупачовой, в которой обращается внимание на то, что словообразование как системообразующий фактор играет большую роль в чешском языке, чем в русском, где системность часто прерывается заимствованиями или разнокоренными синонимами, ср., напр., чешск. *lěčit, lékař, lékárna, lékarství, lečbený, léčivý* в отличие от русск. *лечить, врач* (наряду с устар. *лекарь*), *аптека, медицина* (наряду с *лекарство*), *лечебный, целебный* и др. (Chlupáčová 1974:114).

3.2. Концепция лексической типологии славянских языков была предложена А.Е. Супруном (1983). Словообразование входит в разные параметры данной типологии (ср., напр., с. 43 и след.):

1. Количественная характеристика объема лексикона.

2. Представленность в лексиконе различных семантико-тематических сфер лексики [...].

3. Статистическая структура лексикона: текстообразующая роль наиболее частотных слов [...], соотношение частотных и редких слов в тексте, количественное соотношение слов различных семантических и грамматических классов в тексте и в лексиконе и т. п. [...].

4. Естественная грамматическая классификация лексикона по частям речи [...].

⁸ Из языковой ситуации XIX в. Исаченко вывел, напр., одно из объяснений различий между определенными способами номинации в чешском и русском языках. Современная номинация подтверждает положение о том, что возрастающая интернационализация словарного запаса отражается и в том, что существующие, но менее употребительные в отдельных языках способы номинации могут активизироваться под влиянием мировых языков.

5. Морфемно-словообразовательная характеристика лексикона, в которой возможен учет продуктивности различных классов морфем [...], способов словообразования [...], а также мера осознаваемой носителями языка связности лексикона по морфемному строению.

6. Семантическая структура лексики в целом с точки зрения общих характеристик семантических группировок различного типа, развития и качественного своеобразия многозначности и омонимии, синонимии, эквонимии, антонимии.

7. Стилистическая стратификация лексики, соотношение нейтральной и стилистически маркированной лексики в лексиконе и в тексте [...].

8. Своеобразие и общность лексической сочетаемости слов и их групп [...], способность различных слов и их группировок к фразообразованию. Лексическая сочетаемость на уровне текста: особенности совместной встречаемости слов в рамках текстовых фрагментов [...].

В работе А.Е. Супруна можно отметить точки соприкосновения с названными выше концепциями. Специальная параллель с Докулилом отражается, напр., в учете соотношения возможностей системы, с одной стороны, и встречаемости слов (в том числе производных) в тексте, с другой. Менее отчетливо отражаются, на наш взгляд, связь и взаимозависимость между словообразованием и семантическими группами мотивирующих слов, словообразованием и созданием/развитием лексических подсистем⁹, а также между разными типами номинации.

3.3. В упомянутых выше работах словообразование включается в контекст типологии словарного состава и номинации. С теорией номинации, но без типологической направленности соприкасается ряд сопоставительных работ 1970–1980 гг. по славянскому словообразованию (Волоцкая 1987¹⁰; Никитевич 1987¹¹; Иванова 1987¹²).

⁹ Ср., напр., о специфике представленности производных слов в составе фразеологизмов (Ohnheiser 1995).

¹⁰ При сопоставлении наименований категории локативов З.М. Волоцкая исходила из критериев, которые позволяют установить связь между словообразованием и другими способами номинации (напр., словосочетаниями разных типов) и учитывают – при деривативной реализации – следующие соотношения: одинаковые основы – одинаковые форманты, различные основы – одинаковые форманты, одинаковые основы – различные форманты, различные основы – различные форманты.

¹¹ К В.М. Никитевичу восходит понятие номинативной деривации, в рамках которой учитывается наполнение определенных категорий номинации как синтетическими, так и аналитическими наименованиями.

¹² И.А. Иванова занималась, напр., вопросом, насколько семантическая близость основ, а также аффиксов разных языков обуславливает одновременно и семантическое сходство соответствующих производных. При этом она исходила из анализа лексико-семантических полей и словообразовательной активности представленных в данных полях основ. Особое

Ряд упомянутых работ был представлен в 1984 г. на конференции по сопоставительному изучению словообразования славянских языков (Нещименко 1987), которая обогатила наши сведения о данной области многими частными ответами на вопросы, затронутые как М. Докулилом и Лопатиным/Улухановым, так и А.Е. Супруном.

Плюрализм методов сопоставления отражается также в публикации «Теоретические и методологические проблемы сопоставительного изучения славянских языков» (1994). Сборник «Konfrontační studium inovácných procesů ve slovanských jazycích» (Martincová 1999) сосредоточен на инновационных процессах, в том числе и в области словообразования.

4. После выхода в свет фундаментальных грамматик с объемными разделами по словообразованию, напр., «Русская грамматика» (Шведова 1980)¹³, *Gramatyka współczesnego języka polskiego*» (Gregorczykowa 1984), «Беларуская граматыка» (Бірыла, Шуба 1985), «Mluvnice češtiny» (Petr 1986)¹⁴, «Савремени српскохрватски језик» (Стевановић 1986), а также монографий по словообразованию украинского (Жовтобрюх 1979) и хорватского языков (Babić 1986) появляется база и для сопоставительных исследований (ср. соответствующие требования Лопатина/Улуханова). Данная база не обладает, однако, тем методологическим и терминологическим единством, которое является необходимой предпосылкой для сопоставления. В связи с этим поднимается еще и другой вопрос, а именно вопрос о познавательном интересе сопоставительных исследований со стороны национальных филологий. Кроме того, необходимо учесть, что в 80-х гг. определенные направления международной лингвистики не были связаны со словом как предметом исследования (лингвистика текста, прагматика, социолингвистика).

5. Настоящим обзором до начала/середины 90-х гг. (1.2.–3.) мы стремились показать, что проблема сопоставительных исследований не связана с дефицитом концепций.

внимание уделялось при этом синонимичным и антонимичным основам и их производным, т. е. производят ли такие основы соответствующие синонимичные/антонимичные дериваты. Другие поднимаемые вопросы: обуславливается ли номинативная потребность в производных тем местом (центром или периферией), которое занимает производящее слово в соответствующей семантической группе или в синонимическом ряду (ср. подобный подход к изучению словообразовательной активности определенных ключевых слов с точки зрения исторической лексикологии в книге Р.М. Цейтлин (1996).

¹³ Уже в 1970 г. вышла «Грамматика современного русского литературного языка» (Шведова 1970) с разделом «Словообразование». Другие перечисленные нами грамматики тоже содержат объемные главы по словообразованию.

¹⁴ О субстантивном словообразовании чешского языка см. Daneš F. и др. (1967).

Итак, вернемся к начальному вопросу: где искать причины ослабшего интереса к данной проблематике?

5.1. Своего рода вершиной синхронного сопоставления языков являются семидесятые годы и начало восьмидесятых. Предметом сопоставления служили единицы разных уровней языковой системы – от фонемы до предложения. Сопоставительные исследования по словообразованию охватили лишь некоторые области, что может быть объяснено и тем, что полное описание словообразовательных систем в разных национальных филологиях осуществилось в разное время.

Связи между разными уровнями, в том числе и в области номинации, учитывались, прежде всего, при сопоставлении неблизкородственных языков.

Сопоставительные исследования по словообразованию неблизкородственных языков всегда отличались от сопоставлений других подсистем тем, что обучение иностранным языкам базировалось на сведениях, отражающих рецептивную сторону владения языками. Сопоставительное словообразование, таким образом, всегда отличалось более сильной теоретической направленностью.

При сопоставлении словообразования родственных славянских языков в практических/учебных целях особую роль играл учет возможной интерференции.

5.2. До начала 80-х гг. не существовало достаточных предпосылок для всестороннего синхронного сопоставления славянских словообразовательных систем. Очерченный Докулилом предмет сопоставления во всем его многообразии сначала должен был быть изучен на базе отдельных языков.

5.3. Как было отмечено выше, после выхода в свет (академических) грамматик и монографий по словообразованию разных языков в 1970-1980 гг. появилась база для сопоставления, которая нуждалась в последовательной обработке с целью обеспечения необходимого для сопоставления терминологического и методологического единства. Проблема эта не новая.

Более существенной проблемой (и в известном смысле преградой) прежде всего со стороны национальных филологий является вопрос о познавательном интересе сопоставления, т.е. вопрос о том, каких знаний, неизвестных в результате описания отдельных языков, можно достичь путем сопоставления.

5.4. В неславянских странах можно также выделить факторы, которые объясняют тенденцию к угасанию сопоставительных исследований вообще и в области словообразования в частности.

5.4.1. Первый, скорее внемлингвистический, аспект заключается в изменениях, происходивших в университетской славистике. За

последние десятилетия наблюдается отход от «классической» сравнительной славистики. Классический подход был заменен концентрацией на одном или не более, чем на двух славянских языках с опорой на основательное практическое владение одним языком. Таким образом, уменьшился именно прикладной интерес к характерологически-сопоставительным исследованиям.

5.4.2. Более общий, а именно лингвистический, аспект, влияющий на несколько ослабевший интерес к словообразованию (и то в первую очередь в неславянских странах), связан со сменой парадигм или направлений в языкознании в восьмидесятые годы. Доминирующие направления в лингвистике, такие, как синтаксис, лингвистика текста, прагматика, социолингвистика, в разной степени отошли от слова как предмета исследования.

5.5. Словообразование изучалось, правда, с иных позиций (ср. выше 1.1. об изучении словообразования в рамках прагматики, когнитивной лингвистики и др.), но новые вопросы, как правило, не рассматривались в сопоставительном аспекте, хотя именно когнитивные аспекты словообразования заслуживали бы углубленного сопоставительного анализа.

6. Важным толчком к возрождению слова, словообразования и номинации явились коренные изменения в словарном составе всех славянских языков за последние два десятилетия (ср., напр., ряд словарей неологизмов, в том числе и двуязычных: Martincová 1998; 2004; Улуханов и др. 2007; Worbs и др. 2007). Необходимо более интенсивное включение номинации в диапазон «научных лейтмотивов эпохи»: в прагматику, социолингвистику, культурологию и разные межпредметные исследования.

Кроме того, изменившаяся политическая ситуация в славянских странах способствует повышенному интересу к языкам и культурам, сосуществующим в «глобальных дискурсах». Таким образом, снова поднимается вопрос о необходимости знания более чем одного языка.

Под этим углом зрения важной задачей как в теоретическом, так и в прикладном отношении является сопоставительный анализ общих и частных изменений и тенденций развития в современных славянских лексиконах.

6.1. Данные вопросы являются предметом международного сотрудничества под руководством С. Гайды. Первый этап исследования был посвящен своего рода инвентаризации и анализу упомянутых изменений на основе четырнадцати славянских языков: «Najnowsze dzieje języków słowiańskich» (Gajda 1966 и след.). В рамках второго этапа проекта под названием «Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich» разрабатываются обобщающе-

сопоставительные монографии. В настоящее время опубликовано три тома: «Словообразование/Номинация» (Ohnheiser 2003), «Фонетика/Фонология» (Sawicka 2007) и «Фразеология» (Mokijenko, Walter 2008); предусмотрены еще тома по морфологии и синтаксису, лексике и стилистике.

В дальнейшем мы будем останавливаться на некоторых вопросах, связанных с концепцией и некоторыми итогами, а также на выводах, сделанных в упомянутом выше томе «Словообразование/Номинация».

6.1.1. В данной работе в качестве базы сопоставления была выбрана и обоснована «тенденция развития». По Гутшмидту (1997:17), «тенденции определяют направленность языковых процессов или изменений, протекающих в форме укрепления инноваций или устранения устаревших языковых единиц, конструкций, норм в определенный отрезок времени».

В проекте были изучены *тенденции интернационализации и национализации, прагматико-стилистические тенденции и тенденция языковой экономики*. Полученные результаты легли в основу предварительного установления *системно-структурных и типологических тенденций*. Кроме того, тенденции развития рассматривались и с точки зрения культуры речи.

6.1.1.1. В то время как большинство тенденций протекает спонтанно, тенденция национализации (а также проявления пуризма) протекает, как правило, под влиянием институционализированных форм культуры речи. В последнее время «национализация словообразования» понимается и в другом смысле, а именно как спонтанное проявление «языковой глобализации», в том числе и в жаргонах¹⁵. Именно в жаргонах «национализация» часто связана с языковой игрой, ср., напр., в компьютерном жаргоне образования типа *матка*, *мать*, *мамка*, *матрешка* в значении 'матерная плата' < *mother board*). До сих пор (академическое) исследование языков сосредоточивалось именно на литературных (стандартных) разновидностях. То же самое можно сказать и о сопоставительных исследованиях.

В связи с этим поднимается целый круг вопросов, исследование которых могло бы обогатить наши знания о взаимодействии между фразеологией и лексикой/словообразованием: а) изменение значений (метонимия, метафора) и б) словообразование/номинация в субстандартных разновидностях. Изучение фразеологической неологии в данной области (Mokijenko, Walter 2008) дает толчок и для исследований лексических/словообразовательных инноваций, наблюдаемых за рамками стандартного языка.

¹⁵ Проявление интернационализации жаргонов, наоборот, являлось предметом разных исследований (ср., напр. Лукашанец 2009).

Однако ведущими являются прагматико-стилистические тенденции и тенденция к интернационализации лексикона.

6.1.1.2. Интернационализация словарного запаса отражается во всех славянских языках, напр.,

- во включении интернационализмов в основной словарный запас и их использовании в качестве новых основ, производящих целые словообразовательные ряды и гнезда;

- в активизации интернациональных аффиксов при образовании производных не только с заимствованными, но и с исконными основами (гибридизация);

- в функциональном превращении заимствованных элементов, приобретающих статус префиксов/префиксоидов или суффиксов/суффиксоидов;

- в возрастающей роли словосложения разных типов и их серийной реализации.

В 2007 г. в России впервые были выбраны слово и антислово года (Эпштейн 2008). Из восьми слов «передних рангов» шесть – иностранного происхождения. Первые места заняли *гламур* и *нанотехнологии* и, тем самым, компонент *нано-*. В то же время оказалось, что данные слова (или элементы) весьма активны в словообразовательном отношении: *гламурный*, *гламурненько*, *огламуришь* и даже страна *Гламурия*; *наноиндустрия*, *наноматериалы*, *нанороботы*, *нанотрубы* и, как пишет Эпштейн, «прочие *наности*» (!). За заимствованиями *блог* и *блоггер* четвертое место заняло русское (жаргонное) слово *раскрутка*. Среди «победителей» конкурса «Слово-2008» представлено меньше новых заимствований (2. *коллайдер*¹⁶ и 6. *волатильный*¹⁷) – слова из области физики и экономики). Из «Выражений-2008» особенно интересным в словообразовательном отношении является *пилинг* и *откатинг*, потому что здесь к русским основам добавляется англ. суффикс *-инг* (при намеренной омонимии первого слова с заимствованием). По Эпштейну (2008), «свойские» *пилеж* и *откат* приобретают, правда, ироническое, «стилевое благообразие, столь разительно контрастное их криминальному смыслу».

Как видно, упомянутые выше тенденции продолжают действовать (интернационализация и адаптация интернационализмов путем включения

¹⁶ Большой адронный коллайдер (англ. Large Hadron Collider, LHC; сокр. БАК) – ускоритель заряженных частиц на встречных пучках, предназначенный для разгона протонов и тяжёлых ионов (ионов свинца) и изучения продуктов их соударений (<http://ru.wikipedia.org/wiki/LHC>).

¹⁷ < англ. volatility 'изменчивость, непостоянство'; волатильный рынок – это рынок, на котором наблюдаются значительные повышения и снижения цен.

в словообразовательные процессы, роль прагматических факторов, стирание стилевых границ). Ведущая роль этих тенденций проявляется также в том, что во многих, и не только славянских, языковых общностях интернационализмы и прагматико-стилистические изменения являются центральными вопросами культуры речи.

В последние годы научная литература по интернационализации лексики и влиянию соответствующих моделей на номинацию в славянских языках обогатилась рядом специальных исследований (ср., напр., Waszakowa 2005; Koriakowcewa (red.), 2009) или же монографиями по словообразованию (напр., Торић 2008; Клименко, Карпіловська, Кислюк 2008). Однако сопоставительные работы по интернационализации являются исключением (ср., напр., Коряковцева 2009; Нецименко 2009; Ohnheiser 2006, 2009).

6.1.1.3. Многие явления в развитии словарного состава, использование ресурсов словообразовательной системы, а также словоупотребление имеют ярко выраженную прагматическую направленность. В результате происходит изменение коммуникативных норм, возрастает роль устной речи, преобладают эмоциональные элементы над интеллектуальными, что приводит к размыванию традиционных стилевых границ вплоть до нивелирования стилистической дифференциации между «высокими» и «низкими» регистрами. Для изучения прагматических тенденций развития в области словообразования/номинации были обоснованы понятие морфопрагматики и необходимость учета соотносительности словообразования с разными дискурсами, такими, как, напр., публицистическим, официальным и неофициальным, научным, а также рекламой и др., т.е. в настоящее время наблюдается отход от традиционных функциональных стилей (Nagórko 2003).

Отмеченные прагматические тенденции продолжают действовать и в настоящее время. Им посвящен целый ряд новых работ, как правило, без сопоставительного направления. Так, в статье на материале польского языка (Kudra 2007: 107) отмечается, что у определенных типов дериватов информативная и номинативная функции уступили место персуазивности и фатичности и – с точки зрения говорящего – самопрезентации. Аналогичный вывод содержится в работе Любаша (Lubaś 2005: 67 и след.), указывающего еще и на то, что в устной публичной коммуникации предпочтительными являются «легкие» и «экономичные» способы деривации новых значений. Это отражается, по Любашу,

а) в чрезмерной метафоризации и метонимизации существующего словарного запаса,

б) в предпочтении способов деривации, которые базируются на усечении словообразующих основ,

в) в формальной и семантической полифункциональности формантов, значение которых становится очевидным только на уровне текста.

Учитывая данные наблюдения, мы должны были бы прийти к выводу о том, что чисто номинативная функция закрепляется за неологизмами-заимствованиями, в то время как исконные средства выполняют служебные адаптивные (именно в области транспозиции) или же экспрессивные функции. Не направлены ли поиски слов-заменителей англицизмов в официальной языковой политике некоторых стран или же рекомендации языковых обществ, напр., в Германии, против подобной реальной или мнимой угрозы? (Ср., напр., Онхайзер 2009).

До сих пор функции словообразования систематически не соотносились с большим корпусом неологизмов и, тем более, не рассматривались в рамках сопоставлений разных языков.

6.1.1.4. Углубленного изучения требует и вопрос об установлении типологических тенденций. По Гутшмидту (2003:354 и след.), на данном этапе трудно или даже невозможно определить силу типологических тенденций и их иерархию в отдельных славянских языках. С одной стороны, следует учесть неясный системно-структурный статус ряда продуктивных словообразовательных образцов (напр., определенных типов сложения и др.), с другой стороны, необходимо учесть возможную разницу между встречаемостью в словарях слов определенных типов (ведущая позиция сложных слов), а также потенциальных образований по высокопродуктивным типам и наличием этих образований в тексте. Так, напр., в определенных типах текста сложные слова встречаются реже, чем аффиксальные образования.

6.1.1.5. С точки зрения системно-структурных тенденций также важна дифференциация словообразования (системных возможностей) и словоупотребления (встречаемость новообразований в текстах, причем в текстах разных стилей или дискурсов). Аналогичные вопросы ставит, напр., Koproń-Charzyńska (2007), отмечая, с одной стороны, случаи активизации употребления аффиксов, исключительно экспрессивных (т.е. однофункциональных), и аффиксов, приобретающих эмоционально-оценочную окраску в результате необычной сочетаемости и/или стилистического несогласования с корнем. Таким образом, это относится также к новообразованиям других типов и категорий. Необходимо более четко дифференцировать заполнение моделей и появление новых моделей. В связи с этим необходимо учитывать соотношение количественных факторов, с одной стороны, и качественных последствий, с другой¹⁸.

¹⁸ При этом поднимается вопрос об источниках наших исследований. Исследования на материале словарей неологизмов, не всегда отмечающих частоту/употребительность новообразований, могут дополняться – благодаря новым информационным технологиям –

6.2. Таким образом, пристального внимания заслуживают, по нашему мнению, последствия актуальных изменений (и моды!), а также последствия дивергирующей частотности способов и типов инноваций для системы словообразования. Несомненно, необходимо включить в анализ более широкий отрезок времени, т.е. синхронный срез должен дополняться данными предыдущих десятилетий. Блестящим примером подобного подхода (хотя и на материале одного языка) является монография Н. Ядацкой по развитию словообразовательной системы польского языка за 1945–2000 гг. (Jadacka 2001).

Далее, при рассмотрении тенденций развития в сопоставительном плане необходимо более последовательно учесть то обстоятельство, что выявляемые в тех или иных славянских языках тенденции могут различаться по объему действия и темпу реализации (ср., напр., Нешименко 2003:297). Одновременно сопоставительное изучение соотношения нормы и узуса лишней раз подчеркивает необходимость функциональной дифференциации проявлений тенденций развития.

7. Упомянутые в настоящей статье тенденции развития характерны не только для славянских языков, хотя в них они, пожалуй, обнаруживаются с особой интенсивностью; изменения протекают в настоящее время и в других европейских языках и, как в славянских языковых общностях, вызывают споры и опасения (ср., напр., Braselmann, Ohnheiser 2007). Поэтому понятие «тенденция развития» является применимым не только для внутриславянского сравнения, но и для сопоставления славянских языков с неславянскими.

Литература

- Babić S. (1986), *Tvorba riječi u hrvatskom književnom jeziku*, Zagreb.
- Braselmann P., Ohnheiser I. (red.) (2008), *Frankreich als Vorbild? Sprachpolitik und Sprachgesetzgebung in europäischen Ländern*, Innsbruck.
- Buzássyová K. (1973), *Sémantická štruktúra slovenských deverbatív*, Bratislava.
- Chlupáčová K. (1974), *Některé otázky konfrontační charakteristiky pojmenování*. [In:] «Bulletin ruského jazyka a literatury», Praha.
- Daneš F., Dokulil M., Kuchař J. (1967), *Tvoření slov v češtině 2. Odvozování podstatných jmen*, Praha.
- Dokulil M. (1961), *Tvoření slov v češtině. I. Teorie odvozování slov*, Praha.
- Dokulil M. (1963), *Ke koncepci porovnávací charakteristiky slovanských jazyků v oblasti „Tvoření slov“*. [In:] «Slovo a slovesnost», 24.

банками данных, корпусами и поиском в Интернете (ср. также Ohnheiser 2006; Онхайзер - в печати).

- Gajda S. (red.) (1996 и след.), *Najnowsze dzieje języków słowiańskich*, Opole.
- Grzegorzczukowa R. et al. (red.) (1984), *Gramatyka współczesnego języka polskiego. Morfologia*, Warszawa.
- Gutschmidt K. (2003), *Типологични тенденции*. [In:] Ohnheiser I. (red.), *Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich. 1. Słowotwórstwo/Nominacja*, Opole.
- Jadacka H. (1995), *Rzeczownik polski jako baza derywacyjna*, Warszawa.
- Jadacka H. (2001), *System słowotwórczy polszczyzny (1945–2000)*, Warszawa.
- Jakobson R. (1936), *Um den russischen Wortschatz*. [In:] «Slavische Rundschau», nr 7.
- Koproń-Charzyńska I. (2007), *Neologizmy o funkcji pragmatycznej formantu*, [In:] Maldjieva, V., Rudnik-Karwatowa Z., *Słowotwórstwo i tekst*, Warszawa, s. 47–56.
- Koriakowcewa E. (red.) (2009), *Przejawy internacionalizacji w językach słowiańskich*, Siedlce.
- Kronsteiner O. (1980), *Zur Typologie der slawischen Sprachen*. [In:] «Klagenfurter Beiträge zur Sprachwissenschaft», nr 6.
- Kudra B. (2007), *Słowotwórstwo a perswazja*. [In:] Maldjieva, V., Rudnik-Karwatowa Z., *Słowotwórstwo i tekst*, Warszawa.
- Lubaś W. (2005), *Zmieniać czy ulepszać polską politykę językową?* [In:] Gajda S., Markowski A., Porayski-Pomsta J. (red.), *Polska polityka komunikacyjnojęzykowa wobec wyzwań XXI wieku*, Warszawa, s. 60–73.
- Martincová O. (red.) (t. 1: 1998; t. 2:2004), *Nová slova v češtině. Slovník neologizmů*, Praha.
- Martincová O. (red.) (1999), *Konfrontační studium inovačních procesů ve slovanských jazycích*, Praha.
- Mokijenko W./Walter H. (red.) (2008), *Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich. 3. Frazeologia*, Opole.
- Nagórko A. (1997), *Zur (west)slawischen Morphologie aus pragmatischer Perspektive*. [In:] «Zeitschrift für Slawistik», nr 42.
- Nagórko A. (2003), *Tendencje w sferzepragmatyczno-stylistycznej; Różnicowanie i unifikacja środków słowotwórczych w służbie pragmatyki*. [In:] Ohnheiser I. (red.), *Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich. 1. Słowotwórstwo/Nominacja*, Opole.
- Ohnheiser I. (1987), *Wortbildung im Sprachvergleich. Russisch – Deutsch*, Leipzig.
- Ohnheiser I. (1995), *Isačenkos „Strukturelle Typologie des slavischen Wortschatzes“ (1958) aus heutiger Sicht*. [In:] Gladrow W. (red.), *Das Russische in seiner Geschichte, Gegenwart und Literatur. Festschrift für Erika Günther (= Specimina philologiae slavicae 105)*, München.
- Ohnheiser I. (1998), *Noch einmal zum Verhältnis von Wortbildung und Phaseologie*. [In:] Eismann W. (red.), *Eurphras 95. Europäische*

- Phraseologie im Vergleich: Gemeinsames Erbe und kulturelle Vielfalt* (=Studien zur Phraseologie und Parömiologie), Bochum.
- Ohnheiser I. (red.) (2003), *Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich. 1. Słowotwórstwo/Nominacja*, Opole.
- Ohnheiser I. (2006), *Zwischen Möglichkeit, Notwendigkeit und Usus: neue Bezeichnungen weiblicher Personen im Tschechischen mit einem Blick auf das Russische*. [In:] *Ethnoslavica. Festschrift für Herrn Univ.-Prof. Dr. Gerhard Neweklowsky zum 65. Geburtstag*=Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 65, Wien.
- Petr J. (red.) (1986), *Mluvnice češtiny 1*, Praha.
- Sawicka I. (red.) (2007), *Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich. 2. Fonetyka/Fonologia*, Opole.
- Stawnicka J. (1991), *Gniazda słowotwórcze czasowników oznaczających położenie w przestrzeni w języku rosyjskim i polskim*, Katowice.
- Straková V. (1973), *Ke konfrontaci derivačných systémů v blízkce příbuzných jazycích. Studie z východoslovanské jazykovědy*, Praha.
- Waszakowa K. (2003), *Kognitywne aspekty tworzenia nowych derywatów słowotwórczych (na przykładzie języka polskiego)*. [In:] Ohnheiser I. (red.), *Komparacja współczesnych języków słowiańskich. 1. Słowotwórstwo/Nominacja*, Opole.
- Waszakowa K. (2005), *Przejawy internacjonalizacji w słowotwórstwie współczesnej polszczyzny*, Warszawa.
- Weingart M. (red.) (1937), *Slovanské spisovné jazyky v době přítomné*, Praha.
- Worbs E., Markowski A., Meger A. (2007), *Polnisch-deutsches Wörterbuch der Neologismen*, Wiesbaden.
- Бірыла М.В., Шуба П.П. (ред.) (1985), *Беларуска граматыка. 1*, Мінск.
- Виноградова В.Н. (1992), *Стилистика русского словообразования*, Frankfurt am Main.
- Волоцкая З.М. (1987), *К сопоставительному изучению славянских языков на словообразовательном уровне*. [In:] Нещименко Г.П. (ред.), *Сопоставительное изучение словообразования славянских языков*, Москва.
- Гутшмидт К. (1998), *Общие тенденции и специфические формы их представления в современных славянских языках*. [In:] «Jazykovedný časopis», nr. 1–2.
- Жовтобрюх М.А. (ред.) (1979), *Словотвір сучасної української мови*, Київ.
- Земская Е.А. (1978), *О парадигматических отношениях в словообразовании*. [In:] *Русский язык. Вопросы его современного состояния. Виноградовские чтения I–VIII*, Москва.
- Земская Е.А. (1992), *Словообразование как деятельность*, Москва.

- Иванова И.А. (1987), *Вопросы соотношения семантической структуры слова и его словообразовательных связей (на материале имен прилагательных русского, болгарского и чешского языков)*. [In:] Нешименко Г.П. (ред.), *Сопоставительное изучение словообразования славянских языков*, Москва.
- Исаченко А.В. (1958), *К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских языков*. [In:] «Slavia», nr. 27.
- Клименко Н.Ф., Карпіловська Є.А., Кислюк Л.П. (2008), *Динамічні процеси в сучасному українському лексиконі*, Київ.
- Коломієць В.Т. (1973), *Розвиток лексики слов'янських мов у післявоєнний період*, Київ.
- Коряковцева Е. (2009), *Интернациональное vs. национальное в словообразовательной системе: к постановке вопроса*. [In:] Koriakowcewa E. (red.), *Przejawy internacionalizacji w językach słowiańskich*, Siedlce.
- Кубрякова Е.С. (1986), *Номинативный аспект речевой деятельности*, Москва.
- Кубрякова Е.С. (2004), *Язык и знание*, Москва.
- Лопатин В.В., Улуханов И.С. (1983), *Сходства и различия в словообразовательных системах славянских языков*. [In:] X Международный съезд славистов, Доклады советской делегации, Москва.
- Лукашанец Е.Г. (2009), *Займствование в социолектах: источники, пути, функции иноязычных слов*. [In:] Koriakowcewa E. (red.), *Przejawy internacionalizacji w językach słowiańskich*, Siedlce.
- Нешименко Г.П. (ред.) (1987), *Сопоставительное изучение словообразования славянских языков*, Москва.
- Нешименко Г.П. (2003), *Языковая экономия как импульс динамики номинационной системы (на материале восточно- и западнославянских языков)*. [In:] Ohnheiser I. (red.), *Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich: Słowotwórstwo / Nominacja*, Innsbruck–Opole.
- Нешименко Г.П. (2009), *Займствования vs. интернационализмы в современной вербальной коммуникации*. [In:] Koriakowcewa E. (red.), *Przejawy internacionalizacji w językach słowiańskich*, Siedlce.
- Никитевич В.М. (1987), *Сопоставительное изучение словообразования и номинативной деривации*. [In:] Нешименко Г.П. (ред.), *Сопоставительное изучение словообразования славянских языков*, Москва.
- Онхайзер И. (2009), *В поисках слов-заменителей для английских заимствований*. [In:] Виноградов В.А., Новодранова В.Ф., Рябцева

- Н.К. (ред.), *Горизонты современной лингвистики. Традиции и новаторство. Сборник в честь Е.С. Кубряковой*, Москва.
- Онхайзер И. (2009) (в печати), *Интернационализация глагольного словообразования* (доклад на конференции «Мови та культури у новій Європі: контакти і самобутність», Київ.
- Стевановић М. (1986), *Савремени српскохрватски језик I*, Београд.
- Супрун А.Е. (1983), *Лексическая типология славянских языков*, Минск.
- Теоретические и методологические проблемы сопоставительного изучения славянских языков* (1994), Москва.
- Тихонов А.Н. (1985), *Словообразовательный словарь русского языка*, Москва.
- Улуханов И.С. (1977), *Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания*, Москва.
- Улуханов И., Хебеккер Х., Беленчиков В., Беленчикова Р. (2007), *Русско-немецкий словарь новых слов*, Москва.
- Цейтлин Р.М. (1996), *Сравнительная лексикология славянских языков X/XI–XIV/XV вв.*, Москва.
- Торић Б. (2008), *Творба именица у српском језику*, Београд.
- Шаумян С.К., Соболева П.А. (1968), *Основания порождающей грамматики русского языка*, Москва.
- Шведова Н.Ю. (ред.) (1970), *Грамматика современного русского литературного языка*, Москва.
- Шведова Н.Ю. (ред.) (1980), *Русская грамматика*, Москва.
- Языковая номинация. Общие вопросы* (1), *Виды наименования* (2) (1977), Москва.
- Эпштейн М. (2008), *Кризисный год под знаменем пазитиффа и великодержавности и в предчувствии новых бедных... Итоги выборов Слова и Выражения-2008*. [In:] «Новая газета», 26.12.2008 <http://www.novayagazeta.ru/data/2008/color50/03.html>.

Summary

Word-formation research has undergone several paradigm shifts which are also reflected in contrastive studies and determine the object as well as the goals of comparison.

In any case the ideal basis for every contrastive analysis is supposed to be the comparability of the object and the choice of an identical theoretical and methodological framework, which should also be reflected in an agreed terminology. The choice of the *tertium comparationis* is closely connected with the above-mentioned issues.

The first part of the article contains an overview of slavonic contrastive word-formation research in the 20th century, while the second part is devoted to

the contrastive study of contemporary changes in the field of denomination as reflected, for instance, in the tendency of internationalization and the pragmatic impact on neologisms. Both may in turn have an influence on tendencies of systemic and typological change of word-formation.

The term “tendency” as an admittedly very broad *tertium comparationis* may serve as an appropriate method of presentation in which the descriptive model of a single language is not forced onto other languages and which remains open for amendments. Concerning the effect of the tendencies considered – apart from individual language specifics – convergent traits seem to be predominant.

Геннадий А. Николаев

ИСТОРИКО-СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ СЛАВЯНСКОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

Развитие типологического языкознания выдвинуло в число актуальных проблемы историко-сопоставительных исследований. Может возникнуть естественный вопрос: как связаны эти проблемы с вопросами сравнительно-исторического изучения языков? Сравнительно-исторические и историко-сопоставительные исследования составляют разновидности общего исторического подхода к языку, так сказать, «частные» методы исторического изучения языка, поэтому им свойственны основные требования исторической методики: 1) рассмотрение фактов (при сопоставлении языков) в развитии; 2) рассмотрение языковых фактов в их взаимосвязи и взаимодействии с фактами того же языкового уровня; 3) рассмотрение фактов языка в их изоморфизме и взаимодействии с фактами других языковых уровней.

Отличия заключаются в том, что историко-сопоставительное изучение родственных языков противоположно по своему *исследовательскому вектору* сравнительно-историческому их изучению: оно перспективно в отличие от ретроспективного сравнительно-исторического подхода к языковым фактам. Историко-сопоставительное исследование уделяет основное внимание неодинаковым темпам развития одинаковых процессов, изучает диахронию не только во времени, но и в пространстве на основании синхронно зафиксированных различных стадий одного и того же процесса в разных родственных языках. Другими словами, историко-сопоставительное изучение языка идет в направлении от единства к множеству (разнообразию), а сравнительно-историческое – от множества (разнообразия) к единству. В некотором смысле историко-сопоставительное языкознание можно рассматривать как продолжение сравнительно-исторического в письменный период истории родственных языков.

Особенное применение историко-сопоставительная методика находит в исследованиях по словообразованию, так как в этой языковой сфере ученые имеют дело с явлениями процессуального характера, развертывающимися во времени. Словообразование славянских языков

в сопоставительном аспекте только начинает изучаться специалистами, причем изучается оно в основном с чисто синхронических позиций.

Одним из основополагающих выводов, к которому пришли ученые, занимавшиеся славянским словообразованием и с синхронических, и с диахронических позиций, можно считать заключение о чрезвычайной близости всех славянских языков именно в их словообразовательных системах (Лопатин, Улуханов 1983: 169). К общеславянским словообразовательным универсалиям относятся: одинаковые способы словопроизводства (морфемный и семантический), одинаковые разновидности морфологического способа (префиксация, суффиксация, конфиксация), более или менее одинаковые словообразовательные средства, в том числе нулевые морфемы, наличие продуктивных аффиксоидных типов словопроизводства, типов сложения и сращения слов и т.д. Как показали выступления коллег на московской встрече в марте 2009 года, большие сходства наблюдаются и в современных активных словообразовательных процессах в славянских языках (чересступенчатое, контаминационное словообразование и др.).

Историко-сопоставительный подход к фактам славянского словообразования обнаруживает и более глубинные идентичные процессы в славянских языках: взаимодействие словообразования и формообразования, взаимодействие морфологического и семантического способов словопроизводства, формирование на базе этого взаимодействия феномена словообразовательной омонимии, развитие словообразовательной синонимии, антонимии и паронимии в системе славянских словообразовательных типов, направленное развитие глагольно-именных и субстантивно-адъективных словообразовательных отношений, формирование на этой базе взаимной и обратной мотивированности производных единиц, развертывание параллельных процессов в изоморфных системах слово- и формообразования и т.д. (Николаев 1984: 216-222).

Одной из центральных проблем историко-сопоставительного словообразования славянских языков является проблема соотношения в их словообразовательных системах исконных и инославянских (и прежде всего старославянских) категорий. Так, например, польское влияние на русское словообразование, помимо заимствования русским языком польского суффикса *-unek* вместе со словом *rysunek* (русское *рисунок*), а также нескольких слов с суффиксом *-osc (-ость)* типа *wiadomosc* (*ведомость*), проявилось в трансляции в русскую словообразовательную систему ряда словообразовательных типов из немецкого языка, в частности, глаголов на *-овать/-ировать* через польские вербальные формы с суффиксом *-owac* немецких производных глаголов на *-ieren* типа *организовать* < *organizowac* < *organisieren*, *реформировать* < *reformowac*

< *reformieren* и т.п., а также субстантивов с суффиксом *-(a)ция* через польские формы на *-(a)cja* немецких существительных на *-tion*: *революция* < *rewolucja* < *Revolution* и т.п. Известно влияние русского языка на словообразовательные системы других славянских языков при формировании и развитии в них имен с суффиксами *-ка (-ka)* и *-щик* (Романова 1985: 132; Nikolaev 1994: 194-200).

Что касается соотношения исконных и старославянских форм словопроизводства, то в разных славянских языках оно будет разным. Наибольшее влияние старославянского языка исторически засвидетельствовано в восточно- и южнославянских языках. Возникает, однако, вопрос: в связи со значительной близостью славянских языков именно в плане словообразования уместно ли говорить о так называемых старославянских суффиксах, о их заимствовании разными славянскими языками? Если ответить на этот вопрос утвердительно, то сразу же возникает очередной, поднятый в свое время Н.М.Шанским (1959): почему при близости славянских языков друг другу, особенно в плане словообразования, в системе старославянского языка, а следовательно, и тех диалектов, которые легли в его основу, имелись такие суффиксы, которых не было в системах других славянских языков и диалектов? Если дать на первый вопрос отрицательный ответ, все равно возникнет новый вопрос: почему же при общеславянском характере этих суффиксов образования с ними встречаются исключительно (или в основном) в книжных текстах, написанных на церковнославянском языке?

При ответе на эти вопросы необходимо учитывать специфику старославянского языка, характеризующегося рядом особенностей: во-первых, это первый литературно-письменный славянский язык, сформированный на южнославянской диалектной основе; во-вторых, он в значительной степени скалькирован с греко-византийского языка как язык переводов богослужебных книг; в-третьих, он, безусловно, несет на себе личностно-языковые особенности славянских первоучителей Константина и Мефодия, фактически давших славянам письменный язык именно в таком виде.

В связи с последней мыслью необходимо подчеркнуть, что открытия и «изобретения» в гуманитарных науках и соответствующих областях жизни, в отличие от открытий и изобретений в естественнонаучной сфере, несут личностный характер своего автора. Такова, например, «Российская грамматика» М.В. Ломоносова или его система русского стихосложения. Если бы в России утвердилась не ломоносовская, а, скажем, сумароковская версификационная система, то русская поэзия имела бы другой вид. Можно предположить, что и первый славянский литературно-письменный язык и славянская азбука имели бы другой вид, если бы их создавали не Константин и Мефодий.

Из сказанного следует, что регулярные словообразовательные модели, отраженные в языке старославянских текстов и взятые первыми переводчиками Священного Писания, безусловно, из живого славянского языка, получили в тексте переводов особое распространение для передачи прежде всего отвлеченных понятий, чему в немалой степени способствовал составной характер соответствующих аффиксальных частей, состоящих из двух или более близкозначных аффиксов ($-nъje = -n-$ + $-bje$, $-tъje = -t-$ + $-bje$, $-ostъ = -ot(a)$ + $-тъ$ и т.д.), дающих возможность более определенно передавать отвлеченные значения по сравнению с простыми аффиксальными средствами (например, суффиксами $-bba$, $-тъ$, $-elъ$, $-nъ$ и т.п.). Образования с последними тоже присутствуют в старославянских текстах, но в значительно меньшем количестве, чем с суффиксами $-nъje$, $-ostъ$ и др.

Эти словообразовательные модели были более удобны и при калькировании с греческих образцов, к чему первым славянским переводчикам приходилось прибегать довольно часто из-за отсутствия необходимой лексики в славянских языках для передачи философских понятий творений греческих богословов. А это увеличивало регулярность соответствующих производных образований. Происходила специализация данных словообразовательных моделей и терминологизация их производных, закреплявшие эту лексику за определенным типом текстов. Во всем этом тесно переплетались объективный (языковой и содержательный) и субъективный (нормативный, культурно-языковой) факторы формирования и функционирования первого письменного языка славян.

Когда мы говорим о том, что эти суффиксы были в живых диалектах славянских языков, мы не утверждаем, что слова с данными суффиксами регулярно использовались в этих языках. Достаточно вспомнить о поведении соответствующих слов в современных разговорных славянских языках: в них они встречаются весьма редко и опять-таки в текстах определенной содержательной направленности. Чаще всего это заимствования из литературного языка. Скорее всего, следует говорить об общеславянских предпосылках возникновения и функционирования соответствующих словообразовательных моделей. Реализация же этих предпосылок проявилась в первом литературно-письменном славянском языке, где эти словообразовательные типы (модели, средства) оказались востребованными.

Общие типологические особенности субстантивного словообразования в славянских языках обусловлены древними общеславянскими явлениями. Одним из таких явлений был семантический синкретизм в славянских языках, с которым связаны многие типологические особенности славянского словообразования: а) возможность осложнения одним

генетически формантом производящих основ, принадлежащих к разным частям речи, ведущая к развитию омонимии словообразовательных типов; б) редупликация словообразовательного средства в процессах словопроизводства, явившаяся основным путем прояснения семантики производного слова в условиях синкретизма; в) интенсивное развитие семантической деривации в сфере морфологически производных слов, особенно в условиях ослабления и разрушения синкретизма, использовавшееся для закрепления выделяющихся семантических единиц из синкретичного слова; г) формирование конфиксального способа словообразования в связи с разрушением семантического синкретизма.

В становлении и развитии многих феноменов славянского субстантивного словообразования большую роль играло взаимодействие славяно-книжной и народно-разговорной стихий: в истории суффиксальных словообразовательных типов с так называемыми «старославянскими» суффиксами, в развитии нулевой суффиксации и конфиксального способа словопроизводства, словообразовательной синонимии, омонимии и антонимии. Особенно ярко это проявилось в истории становления и развития конфиксации в славянских языках. Уже на ранних этапах истории славянского словообразования субстантивы типа *bezumije* могли возникать или как кальки с греческого, или на базе ППФ (*bez uma*), или, наконец, на базе образований типа *bezumъ*.

Конфиксальный способ словопроизводства, который не был исконно свойствен словообразовательным системам славянских языков, а формировался на основе суффиксального осложнения предложно-падежных форм (ППФ) и мощного влияния со стороны старославянской калькированной лексики, так сказать, благодаря давлению форм типа *bezumije*, *prědъdverije* и т.п., в изобилии представленных в старославянских текстах, на словообразовательные системы конкретных славянских языков.

Влияние калькированных форм славяно-книжного языка на словообразовательные системы славянских языков было активно воспринято последними в период разрушения в них древней синкретичной семантики, приведшего к усилению языковой парадигматики, укреплению роли исходных форм в парадигмах и в связи с этим перемотивировке прежних суффиксальных структур, возникших на базе предложно-падежных форм, и преобразованию их в конфиксальные структуры (с XIV века).

Конфиксация является одним из ярких феноменов, отличающих славянские языки от других родственных языков (например, германских, романских). Существует общий «банк» конфиксальных структур, которые по-разному используются в конкретных славянских словообразовательных системах. Специфика конкретных славянских языков проявляется здесь

прежде всего в разной продуктивности и регулярности отдельных конфиксальных моделей, в некоторых отличиях в сфере производящих основ, в наличии «своих» конфиксальных структур, не используемых в других славянских языках (очень редко); например, укр. *на...ень* (*накістень*), сербские конфиксы с препозитивным элементом *до-*: *до-врат-ак*, *до-глав-ник*, *до-нож-је* и т.п.

Для всех славянских языков характерен изоморфизм и взаимодействие словообразования и формообразования. Одним из проявлений этого изоморфизма можно считать формирование нулевых морфем в обеих системах. Нулевая аффиксация связана с развитием приглагольного и приаждективного словообразования имен существительных. Она весьма продуктивна на всем протяжении истории славянских языков вплоть до их современного состояния.

Процессы, протекавшие в этих словообразовательных типах, послужили образцом для аналогичных процессов в образованиях положительной аффиксации (развитие обратной соотносительности и обратного словообразования, укрепление усечения как одного из ведущих факторов славянской морфонологии, развитие взаимодействия морфемной и семантической деривации и т.д.). Появление нулевых морфем и связанных с ними феноменов оказало большое влияние на перестройку системы словообразования во всех славянских языках.

Одним из центральных процессов развития словообразовательных систем славянских языков является взаимодействие двух основных способов словопроизводства – морфологического и семантического. Оно совершается не хаотично, а строго моделировано. Семантическая деривация, проходящая по устоявшимся моделям, представляет типовое явление. Эти основные семантические модели относятся к числу славянских универсалий.

Особенно продуктивна во всех славянских языках семантическая деривация в приглагольных *nomina actionis*, в результате которой появляются словообразовательные типы со значением лица, орудия действия, результата, места, объекта действия и др. Наибольшей семантической подвижностью характеризуются соотносительные с глаголами образования нулевой суффиксации. Ср. следующие модели: 1) ‘действие > результат действия’ – рус. *запись* (добровольцев) и *запись* (в книге), *сбор* (цветов) и *сбор* (травяной), *откат*, *сад*, *бой* и т.п.; укр. *наліт*, *переріз*, *приріст* и т.п.; польск. *podpis* (действие – *dać na podpis* и надпись), *zabór* (захват и захваченная территория), *wyręd* (перегонка и продукт перегонки) и др.; болг. *влог* (вложение и капитал), *израз* (выражение и слово), *завъда* (размножение и приплод); серб. *вар* (кипение и накат), *избор* (избрание и выбор) и др. 2) ‘действие > место действия’:

рус. *вход, выход, проход, перегон, сад* и т.п.; укр. *загін*, болг. *вход* (ср.: *безплатен вход и главен вход*).

Одним из результатов рассмотренного взаимодействия морфемного словообразования и семантической деривации является феномен словообразовательной омонимии. Мнение о словообразовательной многозначности в приведенных языковых фактах не имеет под собой теоретического обоснования. Словообразовательный тип представляет единство трех параметров: части речи производящих слов, словообразовательной формы и словообразовательного значения производных лексем. Нарушение любого из этих параметров ведет к разрушению единого словообразовательного типа и созданию омонимичного СТ.

Все отмеченные проблемы относятся к общим типологическим особенностям славянского словообразования. Однако выявлены и обобщены и специфические особенности словообразования отдельных славянских языков. Они заключаются в следующем: 1) использование или неиспользование отдельных средств словопроизводства из общего фонда славянских деривационных элементов; 2) продуктивность / непродуктивность отдельных моделей словообразования в конкретных славянских языках; 3) различия в характере производящей базы в конкретных словообразовательных типах; 4) связанные с этим различия в словообразовательных аффиксах, возникших в результате переинтеграционных процессов; 5) реализация или нереализация конкретных звеньев в идентичных словообразовательных гнездах в связи с потребностями номинации, определяемой принципами формирования языковой картины мира носителями конкретного языка; 6) наличие уникальных словообразовательных средств в конкретном славянском языке.

Литература

- Лопатин В., Улуханов И. (1983), *Сходства и различия в словообразовательных системах славянских языков*. [In:] *Славянское языкознание: Доклады советской делегации* (IX Международный съезд славистов. Киев, сентябрь 1983). Москва.
- Николаев Г. (1984), *О некоторых аспектах сопоставительного словообразования и формообразования русского и польского языков*. [In:] "Przegląd rusycystyczny", nr. 1-2.
- Nikolaev G. (1994), *Очерки по историческому словообразованию русского языка (Studien zur historischen Wortbildung der russischen Sprache)*. [In:] *Beiträge zur Slavistik*. Bd. XXI, Frankfurt am Main etc.

- Романова Н. (1985), *Словообразование и языковые связи: Русско-украинско-польские языковые связи XVI-XVII вв. и вопросы словообразования*, Київ.
- Шанский Н.М. (1949), *О происхождении и продуктивности суффикса -ость в русском языке*. [In:] *Вопросы истории русского языка*, МГУ, Москва.

Summary

Historical-confrontative word-formation pays the basic attention to unequal rates of development of identical processes, studies diachrony not only in time, but also in space on the basis of synchronously fixed various stages of the same process in different related languages. In the article are considered the general typological features of word-formation of the Slavic languages. Those features were developed on the basis of the phenomena put in Common-Slavic period.

Александр А. Лукашанец

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В БЛИЗКОРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКАХ

Вопросы сопоставительного изучения словообразовательных систем близкородственных языков, в том числе белорусского и русского, всегда привлекали внимание исследователей. В настоящее время библиография научных работ только белорусских дериватологов, в которых рассматриваются в сопоставительном плане различные аспекты русского и белорусского словообразования составляет внушительный список (Беларускае мовазнаўства 1967; 1980; 1993). В этих работах рассматриваются как частные вопросы функционирования в близкородственных языках отдельных словообразовательных формантов и групп производной лексики, так и целые фрагменты словообразовательных систем и комплексных единиц словообразования (Беляевская 1986; Гадуйка 1996; Лукашанец 1981 и др.). В ряде работ проблемы белорусско-русского сопоставительного словообразования рассматриваются на более широком славянском фоне (Лукашанец 1998; Прыгодзіч 2003). Основные тенденции современного развития словообразовательных систем восточнославянских языков исследованы А.А. Лукашанцем (2003). Вместе с тем, до настоящего времени, к сожалению, не появилось полного сопоставительного описания словообразовательных систем белорусского и русского языков как, например, украинского и русского (Сопоставительное 2003). Такое положение во многом, по-видимому, объясняется спецификой подходов к сопоставительным исследованиям близкородственных языков, а также особенностями белорусско-русского двуязычия, характеризующего современную языковую ситуацию в Республике Беларусь. Как представляется, в настоящее время уже недостаточно простого перечисления и описания в сопоставительном плане существующих в близкородственных языках словообразовательных средств. Основное внимание должно быть уделено именно тем различиям, которые

формируют и определяют специфику функционирования во многом совпадающих в этих языках словообразовательных средств. Это особенно актуально для существующей в стране ситуации государственного двуязычия, когда параллельное использование в различных сферах двух государственных языков (белорусского и русского) обостряет проблему межъязыковой интерференции, в том числе и на уровне словообразования (Лукашанец 1985). Поэтому в сопоставительных описаниях словообразовательных систем русского и белорусского языка особенно важно выявить те реальные различия, которые часто проявляются на периферии словообразовательной системы, но реально свидетельствуют о ее специфике и своеобразии.

В этом плане весьма существенной является задача определения типов сходств и различий в морфемной структуре соотносительной лексики русского и белорусского языков, которые во многом являются собственно словообразовательными. Сравнительный анализ словарных составов русского и белорусского языков позволяет выявить следующие типы соотношений между лексическими единицами в современных русском и белорусском языках.

1. Лексические единицы (исконные и заимствованные, мотивированные и немотивированные), полностью различающиеся в русском и белорусском языках: рус. *карман* – бел. *кішэнь*, рус. *красный* – бел. *чырвоны*, рус. *зеркало* – бел. *люстра*, рус. *комната* – бел. *пакой*, рус. *янтарь* – бел. *бурытын*, рус. *бусы* – бел. *пацеркі*.

2. Лексические единицы (исконные и заимствованные, мотивированные и немотивированные), полностью совпадающие в русском и белорусском языках (системные фонетические различия в данном случае не принимаются во внимание как несущественные): рус. *концерт* – бел. *канцэрт*, рус. *рука* – бел. *рука*, рус. *взбудоражить* – бел. *узбударажыць*, рус. *переписываться* – бел. *перапісвацца*, рус. *организация* – бел. *арганізацыя*, рус. *демонополизация* – бел. *дэманопалізацыя*.

3. Лексические единицы, с различными корневыми и совпадающими аффиксальными морфемами.

3.1. суффиксальными: рус. *красноват(ый)* – бел. *чырванават(ы)*, рус. *карманн(ый)* – бел. *кішэnn(ы)*, рус. *северн(ый)* – бел. *паўночн(ы)*.

3.2. префиксальными: рус. *безглаз(ый)* – бел. *бязвок(і)*, рус. *поужинать* – бел. *павячэраць*.

3.3. постфиксальными: рус. *гордиться* – бел. *ганарыцца*, рус. *обижаться* – бел. *крыўдзіцца*.

3.4. префиксально-суффиксальными: *бездбрежн(ый)* – бел. *бяскрайн(і)*, рус. *беззащитн(ый)* – бел. *безабаронн(ы)*.

4. Лексические единицы с совпадающими корневыми и различными аффиксальными морфемами

4.1. суффиксальными: рус. *носитель* – бел. *носьбіт*, рус. *сеятель* – бел. *сейбіт*, рус. *читатель* – бел. *чытач*, рус. *принципальн(ый)* – бел. *прынцыпов(ы)*.

4.2. префиксальными: рус. *беспорядок* – бел. *непарадак*, рус. *уехать* – бел. *паехаць*.

4.3. префиксальными и суффиксальными: рус. *взаправду* – бел. *сапраўды*.

5. Лексические единицы с различающимися корневыми и аффиксальными морфемами: рус. *карманчик* – бел. *кішэнька*, рус. *карманный* – бел. *кішаньковы*, рус. *рассказчик* – бел. *апавядальнік*.

6. Лексические единицы, которым в другом языке соответствуют неоднословные номинации: рус. *казнь* – бел. *пакаранне смерцю*.

7. Лексические единицы с совпадающими корневыми и частично различающимися аффиксальными морфемами.

7.1. совпадают суффиксальные и различаются префиксальные морфемы: рус. *беспокои(ть)* – бел. *непакои(ць)*.

7.2. совпадают префиксальные и различаются суффиксальные морфемы: рус. *бесстраши(е)* – бел. *бястрашнасьць*.

8. Однокоренной лексеме одного языка соответствует сложное слово в другом: рус. *алый* – бел. *якра-пунцовы*.

9. Лексемы с несистемными фонетическими (графическими): рус. *аллергия* – бел. *аллергия*.

Приведенные примеры различий в морфемной структуре соотносительных лексических единиц близкородственных языков во многом обусловлены как раз особенностями словообразовательными и определяют подходы к сопоставительному описанию собственно словообразования.

Во-первых, необходимо отметить следующие существенные особенности соотношения и развития этих близкородственных, которые определяют характер соотношения их словообразовательных систем. Таковыми, по нашему мнению, являются следующие.

1. Близкородственный характер русского и белорусского языков, что обусловило фактическое совпадение основных способов словообразования и наличие очень близкого корпуса словообразовательных средств практически для всех частей речи и основных лексико-грамматических категорий производных слов. Сравн., например, суффиксы одушевленных существительных, образованных от глаголов несовершенного вида: бел. *-Ø* (*баламут*) – рус. *-Ø* (*баламут*); бел. *-Ø(a)* (*абжора*) – рус. *-Ø(a)* (*обжора*); *-ок* (*ігрок*) – рус. *-ок* (*игрок*), бел. *-чык* (*абходчык*) – рус. *-чик* (*перебежчик, наладчик*), бел. *-шчык* (*бунтаўшчык*) – рус. *-щик* (*забойщик, тракторщик*), бел. *-льшчык* (*нізальшчык*), – рус. *-льщик* (*нырлящик, шлифовальщик*), бел. *-атар* (*агітатар*) – рус. *-атор* (*организатор*,

аккомпаниатор), **-ник** (працаўнік) – рус. **-ник** (наёмник), бел. **-цель** (вадзіцель) – рус. **-тель** (грабитель, учитель), бел. **-эц** (тварэц) – рус. **-ец** (боец, творец) и т.д.

Сравн. также префиксы глаголов: бел. **аб-** (аб'ехаць) – рус. **об-** (обкосить), бел. **вы-** (вызваліць) – рус. **вы-** (вынести), бел. **да-** (дачытаць) – рус. **до-** (договорить), бел. **на-** (назбіраць) – рус. **на-** (насобирать), бел. **над-** (надрэзаць) – рус. **над-** (надпилить), бел. **па-** (паехаць) – рус. **по-** (побежать), бел. **пад-** (падстрыгчы) – рус. **под-** (подвязать), бел. **пера-** (пераехаць) – рус. **пере-** (перевести), бел. **пры-** (прыбыць) – рус. **при-** (привязать) и т.д. Такому близкому совпадению словообразовательных средств в немалой степени способствует наличие практически единого корпуса заимствованных словообразовательных средств (в том числе и очень близкого по своему составу инвентаря производных единиц, образованных с помощью этих средств. Сравн., например, только инновации последних лет: бел. *дэнамінацыя, дэпалітызацыя, антыдэмпінгавы, антыкарупцыйны, антыманапольны, антыкрызісны* – рус. *деноминация, деполитизация, антидемпинговый, антикоррупционный, антимонopolный, антикризисный*. Фактическому сближению словообразовательных систем белорусского и русского языков также способствовали процессы интернационализации и русификации словарного состава белорусского языка во второй половине XX века. Сравн. например, образование лиц женского пола по профессии в белорусском языке, которое происходило под непосредственным влиянием русского языка: *наладчыца, кранаўшчыца, адкатчыца, матальшчыца, шліфавальшчыца, мантажніца, арматуришчыца* и под.

2. Различия исторических путей развития белорусского и русского литературных языков. Опора на книжную традицию русского языка и, как следствие, наличие большого пласта старославянизмов, в том числе и словообразовательных, с одной стороны. С другой же стороны, перерыв письменной традиции и народно-разговорная база нового литературно-письменного белорусского языка. Все это предопределило неодинаковую продуктивность одних и тех словообразовательных средств в сопоставляемых языках и их различную лексическую сочетаемость (словообразовательную валентность). Например, рус. *учитель* – бел. *настаўнік*, рус. *завоеватель* – бел. *заваёўнік*, рус. *грабитель* – бел. *грабежнік*, рус. *последователь* – бел. *паслядоўнік*, рус. *поджигатель* – бел. *падпальшчык*, рус. *избавитель* – бел. *збаўца* и т.д.

3. Социолингвистические условия формирования нового белорусского литературного языка в начале XX века и особенности его функционирования на современном этапе обусловили актуализацию и усиление пуристических тенденций к актуализации и усилению

пуристических тенденций на сохранение и увеличение национально отличительных черт белорусского литературного языка в первую очередь по отношению к русскому языку. На современном этапе названная тенденция находит свое выражение в тенденции к национализации, которая проявляется главным образом в стремлении к отталкиванию от русского языка. Все это приводит в области словообразования к конкуренции словообразовательных типов в белорусском языке, а также к неодинаковой соотносительности мотивированных единиц. Сравн., например:

- альн/-ов-: *нармальны – нормалёвы; цэнтральны – цэнтралёвы;*
- альн/-ав-: *суфіксальны – суфіксы;*
- ыўн/-ов-: *спартыўны – спартовы;*
- енн/-ов-: *фірменны – фірмовы;*
- смен/-овец: *спартсмен – спартовец;*
- альн/-н-: *афіцыйальны – афіцыйны;*
- ісцк/-ов-: *мадэрнісцкі – мадэрновы;*
- н/-ов-: *рэкламны – рэкламовы, канцэртны – канцэртновы;*
- асць/-ын(я): *большасць – большыня;*
- енн(е)/-Ø: *дасягненне – дасяг;*
- нн(е)/-Ø: *апавяданне – аповед (нават аповяд);*
- іст/-іст(а): *рэзервіст – рэзервіста;*
- к(а)/-анн(е): *размінка – размінане;*
- Ø/-ый: *каментар – каментарый, парламентар – парламентарый;*
- ер/-ант: *міліцыянер – міліцыянт;*
- ірава/-ава-: *функцыяніраваць – функцыянаваць* и т.д..

С одной стороны, подобная конкуренция ведет к увеличению в словарном составе современного белорусского языка мотивированных слов, которые по своей словообразовательной структуре отличаются от соответствующих эквивалентов в русском языке: бел. *нормалёвы* – рус. *нормальный*, бел. *цэнтралёвы* – рус. *центральный*, бел. *суфіксы* – рус. *суффиксальный*, бел. *спартовы* – рус. *спортивный*, бел. *фірмовы* – рус. *фирменный*, бел. *спартовец* – рус. *спортсмен*, бел. *мадэрновы* – рус. *модернистский*, бел. *канцэртновы* – рус. *концертный*, бел. *размінане* – рус. *разминка*, бел. *міліцыянт* – рус. *милиционер*. С другой стороны, подобная конкуренция внутри белорусского языка усложняет сопоставительное описание системы словообразовательных средств близкородственных языков, поскольку возникает дополнительная проблема соотносительности синонимических словообразовательных типов одного языка с тем или иным словообразовательным типом другого языка.

Таким образом, сопоставительное исследование словообразовательных систем близкородственных русского и белорусского языков

должно во главу угла ставить не только и не столько фиксацию совпадающих и несовпадающих словообразовательных средств, или инвентаризацию словообразовательных средств той или иной словообразовательной категории или лексико-грамматического разряда слов определенной части речи, сколько выявление особенностей функционирования этих соотносительных средств в системе словообразования каждого сопоставляемого языка. Поэтому при сопоставительном исследовании (описании) словообразовательных систем близкородственных языков обязательно важно учитывать следующие типы словообразовательных отношений.

1. Наличие соотносительных пар лексем, когда немотивированному слову одного языка соответствует мотивированное слово другого языка: рус. *овощи* – бел. *гародніна* (от *агарод*), рус. *фрукты* – бел. *садавіна* (от *сад*).

2. Наличие разной членимости формально совпадающих мотивированных единиц сопоставляемых языков (следовательно, и выделение в таких парах слов разных словообразовательных формантов): рус. *метелица* (*мести* → *метель* → *метел-иц-а*) – бел. *мяцэліца* (*месці* → *мяц-еліц-а*).

3. Как разновидность предыдущего типа, наличие соотносительных мотивированных единиц с разной “словообразовательной историей”: рус. *спутник* (*путь* → *пут-ник* → *с-путник*) – бел. *спадарожнік* (*дарога* → *падарож-нік* → *с-падарожнік*). При этом русскому *путник* соответствует белорусское *вандроўнік*, а белорусскому *падарожжик* – русское *путешественник*.

4. Наличие одинаковых в сопоставляемых языках словообразовательных типов (словообразовательных формантов) с различной продуктивностью: рус. **тель** (*водитель*, *кормитель*, *слушатель*, *читатель*, *преподаватель*, *завоеватель*, *последователь*, *производитель*, *носитель*, *создатель*, *писатель* и т.д.) – бел. **-цель** (*вадзіцель*, *карміцель*, *слухач*, *чытач*, *выкладчык*, *заваёўнік*, *паслядоўнік*, *вытворца*, *носьбіт*, *стваральнік*, *пісьменнік* и т.д.). Последнее свидетельствует о различной морфемной дистрибуции совпадающих в сопоставляемых языках словообразовательных формантов, что также важно учитывать при сопоставительном исследовании словообразовательных систем этих языков.

5. Наличие различной морфной вариативности словообразовательных формантов в русском и белорусском языках: рус. *соучастник*, *соисполнитель* – бел. *саўдзельнік*, але *сувыканаўца*.

6. Наличие межъязыковой омонимии словообразовательных формантов: рус. *уехать* – бел. *ад’ехаць*, бел. *уехаць* – рус. *въехать*.

7. Принадлежность соотносительных словообразовательных типов к различным грамматическим моделям словообразования. Например, в русском языке образование наименований детенышей животных и птиц находится в пределах грамматических моделей **М** → **М** (волк → волчонок, заяц → зайчонок, аист → аистенок, скворец → скворчонок) и **Ж** → **М** (лиса → лисенок, мышь → мышонок, белка → бельчонок, сова → совенок). В белорусском языке образование этой категории мотивированных единиц происходит в рамках грамматических моделей **М** → **Ср** (лось → ласяня, бабёр → бабраня, бусел → бусляня, шпак → шпачаня) и **Ж** → **Ср** (сава → савяня, качка → качаня, ліса → лісяня, выдра → выдраня).

Учет этих и подобных во многом периферийных явлений в словообразовательных системах близкородственных языков не только позволяет выявить их своеобразие, но и способствует предупреждению речевой межъязыковой интерференции.

Литература

- Беларускае мовазнаўства (1967), *Бібліяграфічны ўказальнік*, Мінск.
 Беларуская мовазнаўства (1982), *Бібліяграфічны паказальнік*, Мінск.
 Беларуская мовазнаўства (1993), *Бібліяграфічны паказальнік*, Мінск.
 Беляевская О.Н. (1986), *Структурно-типологическая характеристика словообразовательных гнезд с общим исходным глагольным словом в русском и белорусском языках*. Автореф. дис... канд. филол. наук, БГУ, Минск.
 Гадуйка Л.А. (1996), *Словаўтваральныя гнёзды складанасуфіксальных назоўнікаў з дзеяслоўным кампанентам у беларускай і рускай мовах*. Аўтарэф. дыс... канд. філал. навук. Ін-т мовазнаўства НАН Беларусі, Мінск.
 Лукашанец А.А. (1998), *Граматычны аспект славянскага словаўтварэння*, Мінск.
 Лукашанец А. (2003), *Працэсы інтэрнацыяналізацыі ў рускай, беларускай і ўкраінскай мовах. Тэндэнцыя да нацыяналізацыі ў рускай, беларускай і ўкраінскай мовах*. [In:] Ingeborg Ohnheiser (red.), *Komparacja współczesnych języków słowiańskich. Słowotwórstwo. Nominacja*. Opole, s. 59-77, 137-151,
 Лукашанец А.А. (1981), *Словообразовательные гнезда глаголов в русском и белорусском языках (на материале одной из групп глаголов конкретного физического действия)*. Автореф. дис... канд. филол. наук: 10.02.02 / Ин-т русского языка АН СССР, Москва
 Лукашанец А.А. (1985), *Реальная и потенциальная интерференция в условиях двуязычия. Лексика. Словообразование*. [In:] А.Е. Михневич (red.), *Русский язык в Белоруссии*. Минск, с. 61-76.

- Прыгодзіч М.Р. (2003), *Словаскладанне ў славянскіх мовах: асноўныя тэндэнцыі і перспектывы*. [In:] *Мовазнаўства. Літаратура. Культуралогія. Фалькларыстыка: XIII Міжнародны з'езд славістаў* (Любляна, 2003): Дакл. беларускай дэлегацыі / НАН Беларусі. Беларускі камітэт славістаў. Мінск, с. 175-183.
- Сопоставительное* (2003), *Сопоставительное словообразование русского и украинского языков*. [In:] Н.Г. Озерова (red.), *Сопоставительная грамматика русского и украинского языков*. Киев, с. 27-191.

Summary

In the article some peculiarities of the contrastive research in word-formation systems of close-relative Russian and Belorussian are considered, the main structural types of morphemic resemblances and differences in connected lexical units (absolute resemblance, absolute difference, various types of partial morphemic resemblance) are stated and the most valuable parameters of contrastive description of Russian and Belorussian word-formation systems are defined that permits to show their national features.

Елена И. Коряковцева

ОБ ИНТЕГРИРУЮЩЕЙ РОЛИ ОБЩЕСЛАВЯНСКОГО ФОНДА ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫХ МОРФЕМ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Среди современных мировых тенденций ученые неизменно называют глобализацию, включая в состав глобализационных процессов интернационализацию и детерриторизацию, ведущую к уменьшению значимости государственных границ, экономическую либерализацию и вестернизацию, предполагающую экстраполяцию западных ценностей и технологий во все точки мира (см. Иноземцев 2004). Эти процессы способствуют формированию интегрированной мировой экономики, возникновению глобальной гибридной культуры, трансформации национальных ментальных стереотипов и моделей поведения, а также появлению унифицированного глобального языка. На роль такого всемирного языка претендует ныне английский, поскольку современная глобализация – это процесс тотальной вестернизированной интеграции, в основе которой лежит англо-американская модель общества, его экономики, политики и культуры (Miczka 2006).

«Амероглобализация» имеет свои языковые последствия. Анализируя современный состав международного фонда интернационализмов, лингвисты отмечают, что англо-американская «лингвистическая гегемония» обусловила смену источника интернациональной лексики, смещение акцентов с греческого и латинского языков в сторону «общемирового» языка. Пласт интернациональной лексики английского происхождения формируется очень интенсивно, что нашло отражение, например, в «A Dictionary of European Anglicisms: A Usage Dictionary of Anglicisms in Sixteen European Languages», опубликованном в 2001 году издательством Oxford University Press (см.: Görlach 2001). В этом словаре фиксируется распространение англицизмов в норвежском, голландском, немецком, русском, польском, хорватском, болгарском, французском, испанском, итальянском, румынском, финском, венгерском, албанском и греческом языках, причем в разносистемных языках наблюдается сходная семантическая мотивированность изоморфных

англицизмов. Получив распространение в общеевропейском масштабе, они стали новыми интернационализмами, поскольку «это слова, совпадающие по своей внешней форме (с учетом закономерных соответствий звуков и графических единиц в конкретных языках), с полностью или частично совпадающим смыслом, выражающие понятия международного характера из области науки и техники, политики, культуры, искусства и функционирующие в разных, прежде всего неродственных (не менее чем в трех) языках» (Ярцева 1990: 197).

Серийность заимствования способствует интенсивной морфемизации неointернационализмов-англицизмов, структура которых одинаково правильно интерпретируются говорящими в большинстве языков-реципиентов (Görlach 1998: 9). Вследствие этого в международном фонде словообразовательных морфем, восходящих преимущественно к латинскому и древнегреческому источникам (см.: Крысин 2007), появился пласт интернациональных морфем, выделившихся из состава производных англицизмов, вошедших в славянские языки. Эти новые морфемы гармонично входят в международный морфемный фонд, поскольку в самом английском языке существует мощная «неолатинская» словообразовательная подсистема, включающая в себя и древнегреческие модели.¹

Анализируя состояние современных славянских литературных языков, слависты отмечают, что интернационализация является универсальной тенденцией их развития, подчеркивая, однако, что в эпоху «амероглобализации» ее характер значительно изменился (см. Ohnheiser 2003). Если в 60-ые годы XX века имело место постепенное вхождение интернациональных элементов греко-латинского происхождения в научный и публицистический стиль, то начиная с 90-ых годов интернационализация стала чрезвычайно активной, даже агрессивной, что проявляется в резком увеличении числа интернационализмов-англицизмов, проникающих во все языковые subsystemы (Bosák 2003; Waszakowa 2005). Так, например, в словарном составе русского языка в течение XX века, по статистике, полученной Э.Ф. Володарской, доля англицизмов возросла с 2,57% в начале века до 25% под конец 90-е годов².

Существует множество частных причин, способствующих массовому и относительно легкому проникновению англицизмов в славянские языки. Среди них интенсивное расширение сферы коммуникативных контактов славянофонов с носителями англо-американской культуры, а также увеличение числа областей, в которых наряду с исконной славянской лексикой используется англоязычная терминология (компьютерная

¹ «Греко-латинские элементы встречаются в любом хронологическом слое латинских заимствований в английском языке» (Амосова 1956:113). Ср. (Marchand 1960).

² См.: Володарская Э.Ф., *Заимствования как отражение русско-английских контактов*. [In:] *Вопросы языкознания*, Москва, 2002, № 4, с. 102-104.

деятельность, шоу-бизнес, коммерция, спорт и т.д.). Важное место занимают причины социально-психологического характера: многие носители славянских языков считают англицизмы более престижными по сравнению с соответствующими исконными словами, поскольку смена политических, экономических, идеологических ориентиров привела к ярко выраженной «американизации», когда привлекательными оказываются не только технические новшества, но и стандарты жизненного уровня, манера поведения и общения. Активным проводником интернационализмов-англицизмов являются масс-медиа славянских стран, через тексты которых значительное количество англицизмов регулярно проникает в язык повседневного общения.

Многих славистов беспокоит тот факт, что вследствие англо-американской «лингвистической гегемонии» и социокультурной экспансии продуктивность исконных словообразовательных моделей в славянских языках снижается, а им самим остается мало места даже в объединенной Европе (см. Jadacka 2001; Нешименко 2006). Объем статьи не позволяет всесторонне обсудить эту проблему, и потому мы попытаемся лишь в общих чертах определить степень влияния неоинтернационализмов-англицизмов на динамику и характер словообразовательных процессов в современных славянских языках.

Вхождение интернационализмов не является чем-то необычным в истории славянских языков: процессы заимствования идут в них с разной степенью интенсивности на протяжении всего периода их развития. Интернационализмы, отражающие межнациональные контакты и связи разных эпох, занимают значительное место в словарном составе всех славянских языков, свидетельствуя о готовности их носителей принятием интернациональной лексики включиться в общий культурный круг европейских народов. С большой степенью вероятности можно утверждать, что вследствие евроглобализации, продолжающейся по меньшей мере уже 300 лет (Braudel 1979, цит.: Иноземцев 2004: 60), в современных славянских языках сложились национальная и интернациональная словообразовательные подсистемы (см. Коряковцева 2009). Показателен тот факт, что некоторые словообразовательные категории в славянских языках целиком обслуживаются интернациональными морфемами, например, следующие категории производных существительных:

– «повторение явления» (преф. *pe-/re*): болг. *реинвестиция*, *реполитизация*, *рекомунизация*; польск. *reinkarnacja*, *reedukacja*; рус. *реинкарнация*, *реактивация*; сербск. *реинфекција*; чешск. *reabsorpce*, *reaktivace*, *reaktibilita*;

– «идеологические течения, доктрины, мировоззренческие установки» (суф. *-изм/-изъм/-изам/-izm/-ismus*): болг. *марксизъм* *мачъризъм*; македонск. *идеализам*, *дарвинизам*, *марксизам*; польск. *marksizm*, *komunizm*, *naturalizm*;

рус. *марксизм, коммунизм, натурализм*; сербск. *идеализм, марксизм*; чешск. *anthropocentrismus, ateismus, baptismus, blairismus, komunismus, marxizmus*;

– «химические соединения» (суф. *-ан/-an, -ит/-it, -ид/-id/-yd*): болг. *азотан, дионсид, титанит, фосфорит*; македонск. *азотан, дионсид, титанит, фосфорит*; польск. *boran, tytanit, diopsyd*; рус. *азотан, кварцит, фосфорит, дионсид*; сербск. *азотан, дионсид, титанит, фосфорит*; чешск. *boran, tytanit, diopsyd*;

– «сторонники или противники определенных идей и доктрин» (суф. *-ист/-ista/-ysta*): болг. *йеховист*; македонск. *марксист*; польск. *baptysta, komunista, rasista*; рус. *бантист, коммунист, расист*; сербск. *марксист*; чешск. *abolicjonista, baptista, komunista, rasista*;

– «количественные свойства – меры веса, поверхности и объема» (суф. *-аж/-až/-áž*): болг. *тонаж*; польск. *metraż, kilometraż, tonaż*; рус. *метраж, тоннаж, литраж*; сербск., македонск. *тонажа*; чешск. *kilometráž, metráž, tonáž*;

– «медицинские названия болезней» (суф. *-оз/-oza/-óza*): болг. *невроза, психоза*; польск. *borelioza, neuroza, osteoporoza*; рус. *невроз, остеопороз, парадонтоз*; сербск., македонск. *невроза, психоза*; чешск. *borelióza, neuróza, osteoporóza, paradontóza*.

На глобализационные процессы, как и на доминанцию английского языка, каждый из славянских языков реагирует по-своему, однако в силу их генетической и типологической близости в этом реагировании есть много общего. Общеславянским ответом на языковую глобализацию является, например, идентичность способов фонетико-орфографической ассимиляции интернационализмов-англицизмов, заимствованных в ходе устной и письменной коммуникации. Среди интернационализмов-англицизмов во всех славянских языках выделяются: 1) трансплантаты (иначе – «иноязычные вкрапления», «варваризмы», ср. польский термин «wtręty»), употребляющиеся на письме в той же форме, что этимон (напр. *roaming* в польском языке – при произношении [англ. *rouming*] или *PR* в русском, чешск. *rating* ‘рейтинг’); 2) транслитерированные слова (напр., польск. *cholding* [< англ. *holding*]; рус. *бодибилдинг* [англ. < *bodybuilding*], *попкорн* [< англ. *popcorn*]; чешск. *dabing* [< англ. *dubbing*]; словенск. *mobing* [< англ. *mobbing*]); 3) транскрибированные слова (польск. *biznes, blejzer, kastink, pijar*; рус. *скрэтч* ‘быстрое воспроизведение коротких фрагментов трека’, *роуминг*; словенск. *bord* < англ. *board*; чешск. *brífink, kastink, mítink, sprej, trenink*).

Очевидно, что массовый наплыв интернационализмов-англицизмов влияет на словообразовательную структуру принимающих славянских языков, провоцируя разного рода преобразования. Однако заимствование англицизмов в славянские языки, характеризующихся «чрезвычайной близостью именно в их словообразовательных системах» (Мельничук 1986:

46), имеет одинаковые последствия и способствует возникновению сходных словообразовательных инноваций.

Во всех современных славянских языках исследователи отмечают такие общие последствия интернационализации, как: 1) использование интернационализмов в качестве производящих основ; 2) активизацию интернациональных аффиксов; 3) приобретение заимствованными элементами статуса префиксов/префиксоидов или суффиксов/суффиксоидов; 4) возникновение новых словообразовательных образцов (Ohnheiser 2003: 47). Эти же процессы описываются в работах, где исследуются интернационализмы-англицизмы в славянских языках (см., напр.: Аврамова 2003; Рыцарева 2002; Семенова 2007; Bozděchová 1997; Lotko 2003; *Przejawy...* 2009; Waszakowa 2005). Охарактеризуем эти процессы применительно к интернационализмам-англицизмам.

I. При словообразовательном освоении интернационализмов-англицизмов в славянских языках всех 3 групп (западной, восточной, южной) происходят следующие процессы:

1) «развертывание» деривационных рядов имен существительных в основном в направлении суффиксального образования относительных прилагательных со значением «относящийся к кому- или чему-либо, обозначенному производящей основой» (с суффиксами *-ов- (-ев-)/ow-/ov-; -ск-/sk-; -н-/n-*: польск. *trendowy, kulerski* (англ. *cool*); русск. *прайсовый, брендовый*; словенск *borderski, brejkerski, blogovski, googlov*;

2) активизация суффиксально-префиксального способа образования глаголов: польск. *domailować, zapijarować*; русск. *захолдить* ‘оставить файлы для адресата’ (от англ. *hold* ‘удерживать’), *перебутоваться* ‘перезагрузиться’ (от англ. *boot* ‘загрузка’); словенск. *poguglati, zreklamirati, zadržati* (Ohnheiser 2003; Stramljić 2009; Waszakowa 2009);

3) оживление именного образования глаголов с помощью общеславянских суффиксов *-ать/-овать, -аć, -ować, -at, -ovat, -ati, -ovati*: болг. *принтипа*; польск. *bootować, trendować się, lobbować*; русск. *бутовать*; словенск. *brejkati, guglati, konektati*; чешск. *bootovat, lobbovat, trendovat*;

4) активное суффиксальное образование существительных от англоязычных аббревиатур, при котором у производных слов могут возникать каламбурные оттенки, напр.: польск. *cedek* ‘компакт-диск’ (от англ. *CD*), *esemesik, esemesek* ‘СМС’ (от англ. *SMS*), *piarowiec* ‘пиарщик’ (от англ. *PR*); русск. *рама* (от англ. *RAM – Random Access Memory* ‘оперативная память’), *ромка* (от англ. *ROM – Read Only Memory* ‘постоянное запоминающее устройство’), *сидишка, сидюшник* (от англ. *CD [si:di:] Compact Disk* ‘компакт-диск’), *пиарщик* (от англ. *PR*); чешск. *cedčko* ‘компакт-диск’ (от англ. *CD*),

5) рост продуктивности аналитического словосложения: болг. *бизнесвиза, допингскандал, секс-туризм, фолкпевец*; макед. *сексбизнес*; польск. *biznes-*

-informacje, fanklub, specuprawnienia, seksnowość; русск. *фан-клуб, даун-клуб* ‘место, где много неинтересных и скучных людей’; украинск. *секс-бізнес*; сербск. *фанклуб*; чешск. *fanklubačka, sexaféra, seksbyznys*.

II. Во всех славянских языках наблюдается активизация интернациональных аффиксов, заимствованных ещё до эпохи „амероглобализации”. Высокой продуктивностью характеризуются греко-латинские суффиксы *-изация/-изація/-изацыя/-изацїя/-izacja/-izace/-izacia, -изм/-изъм/-изам/-izm/-ismus, -истм/-ista/-ysta*, известные славянским языкам с XVI-XVIII вв.

2.1. К началу XXI века комбинаторные возможности суффиксальных формантов *-изация/-изація/-изацыя/-изацїя/-izacja/-izace/-izacia* значительно расширились, возрос их стилистический потенциал: отыменные *nomina actionis* с этими формантами стали регулярно образовываться не только в научно-техническом стиле, но также в разговорно-литературном и газетно-публицистическом (Аврамова 2003; Коряковцева 2008). Наиболее продуктивные словообразовательные типы с формантами *-изация/-изація/-изацыя/-изацїя/-izacja/-izace/-izacia* объединяют имена процессов со следующими категориальными значениями: а) «превратить в того, кто назван мотивирующим словом» (болг. *циганизация*; польск. *debilizacja, gburyzacja* ‘хамизация’; русск. *дебилизация, кретинизация*; чешск. *blbizace* ‘кретинизация’); б) «подвергнуть действию того, что названо мотивирующим словом» (болг. *идеологизация*, польск. *ideologizacja*, русск. *алкоголизация*, чешск. *ideologizace*); в) «довести до состояния, названного мотивирующим словом» (болг. *параноизация*, польск. *paranoizacja*, русск. *параноизация, шизофренизация*, чешск. *paranoizace*); г) «наделять свойством, названным мотивирующим прилагательным» (болг. *визуализация*, польск. *infantylizacja*, русск. *инфантилизация, экстремизация*, чешск. *infantilizace*); д) «действовать по способу (методу) лица, названного мотивирующим существительным»: болг. *живковизация* (от *Живков*); польск. *lepperyzacja* (от *Lepper*), *kaczoryzacja* (от *Kaczory* ‘прозвище братьев Леха и Ярослава Качиньских, президента и шефа партии’); русск. *ельцинизация* (от *Ельцин*); чешск. *zemanizace* (от *Zeman*).

2.2. Развитие демократических институтов в постсоциалистических странах сопровождается идеологическим и политическим плюрализмом, на который славянские языки реагируют ростом продуктивности словообразовательных типов с формантами *-изм/-изъм/-изам/-izm/-ismus*. Появляются ряды новых дериватов – названий идейных и политических доктрин –, которые мотивируются именами собственными – фамилиями идейных или политических лидеров, напр.: болг. *желевизъм* (от *Желев*), *костовизъм* (от *Костов*); польск. *kaczyzm* (от *Kaczyński*), *lepperyzm* (от *Lepper*); русск. *ельцинизм* (от *Ельцин*), *путинизм* (от *Путин*); чешск. *haiderizmus* (от *Haider*), *klausizmus* (от *Klaus*).

2.3. С помощью суффиксов *-ism/-ista/-ysta* активно образуются отсубстантивные *nomina agentis* (болг. *сърфист*, *психотерорист*, *програμισ*; польск. *sloganista*; русск. *программист*, *рекламист*; чешск. *sloganista*) и *nomina pertinentia* (болг. *костовист*, *миланист*, *мозерист*, *муунист*; русск. *ельцинист*, *мунист*; чешск. *lepenista*). Большая часть *nomina pertinentia* образуется от личных имен или фамилий лидеров политических партий, напр.: болг. *костовист* ‘сторонник политики Ив. Костова’; польск. *kaczynista* ‘сторонник политики президента и шефа партии братьев Качиньских’; русск. *ельцинист*; чешск. *lepenista* ‘сторонник политики Лепена’, *moonista* ‘приверженец философии Муна’.

2.4. Активизации интернациональных морфем греко-латинского происхождения в словообразовательных системах современных славянских языков способствует в немалой степени рост их продуктивности в «глобальном» английском языке (ср. Рыцарева 2002).

Греко-латинские аффиксы продолжают проникать в славянские языки, но уже при посредстве английского языка, в котором они нередко приобретают новые значения. Так, например, в последние годы словообразовательной активности аффиксов *ex-*, *mega-*, *super-*, греко-латинских по происхождению, способствовала «амероглобализация», поскольку именно в глобальном английском языке они приобрели те значения, которые передают в языках-реципиентах англицизмы (см.: Коряковцева 2009: 184). Ср. значение латинского префикса *ex-* ‘из’ и новое значение этого элемента, ставшего радикасоидом *ex-* (=бывший) в английском и в славянских языках; ср.: болг. *екс-депутат*, *екс-Югославия*; польск. *ekspremier*, *eksksiądz*; рус. *экс-премьер*, *экс-муж*; чешск. *exambasador*, *exmilenec*, *exředitel*.

2.5. Большинство неоинтернационализмов-англицизмов (что и вообще характерно для процесса заимствования) пополняет число славянских имен существительных. Показательно, что и новые, хотя и очень немногочисленные, интернациональные морфемы собственно английского происхождения, вошедшие в современные славянские языки (в частности *-ing*, *-gate*), – это суффиксы существительных.

2.5.1. Морфема *-ing* морфологически и фонологически чужда славянским языкам, тем не менее, интернационализмы с этой морфемой входят в них в большом количестве, что объясняется экспансией английского языка, которой способствует глобальная коммуникация, а также особая престижность англицизмов, поддерживаемая средствами массовой информации. Англицизмы-интернационализмы с финалью *-ing/-ung* – это новые спортивные термины (напр., болг., русск. *армрестлинг*, *бодибилдинг*, *виндсерфинг*, *кикбоксинг*, *шейпинг*; польск. *bodybiling*, *szejping*; чешск. *armwrestling*, *bodybuilding*, *šejpink*, *tarzaning*), понятия из сферы политической и общественной жизни (польск. *bryfing*, *kasting/kastink*; русск.

политконсалтинг, кастинг; словенск. *mobing*; чешск. *briefing/brifink, casting/kastink/kástink*).

Процесс морфемизации англоязычного структурного элемента *-ing* в славянских языках протекает весьма своеобразно и в неодинаковом темпе.

Широкое внедрение, употребление и образование слов на *-инг* – это не только современная англо-американская мода и «крупномасштабная» языковая игра русофонов, это прежде всего результат действия психологических механизмов: внушения, подражания, идентификации, – «запущенных» российскими СМИ. Англицизмы – существительные с суффиксом *-инг*, которые находятся на периферии словообразовательной категории *nomina actionis*, – попав в фокус внимания говорящего сообщества, способствовали появлению структурных аналогов в экспрессивной русской разговорной речи, стимулируя образование десятков гибридных неологизмов с помощью нового интернационального форманта *-инг*, ср.: *вининг* ‘распитие вина’, *водопадинг* ‘преодоление водопадов’, *водкинг* ‘распитие водки’, *глитвейнинг* ‘приготовление глитвейна’, *гулянинг* ‘прогулка’, *жабинг* (< *жаба*) ‘уродование лица при искусственном его омоложении’, *каякинг* ‘перемещение на каяках’, *курилинг* ‘курение’, *писинг* ‘писание’, *позоринг* ‘опозорививание’, *приколинг* ‘рассказывание приколов, т.е. шуток’, *путинг* ‘рекламирование кандидата Путина’, *пьянинг* ‘пьянка’, *троллинг* (< *троль*) ‘оскорбление участников интернет-форумов т.н. *троллями* – злобными насмешниками’, *улучшайзинг* ‘улучшение, как правило, на показ’, *шокинг* ‘шокирование окружающих’, *шутинг* ‘рассказывание шуток’, *щекотинг* ‘щекотание’. Ср. также: *базаринг, лёжинг, магазининг, параноинг, шизофренинг* (Интернет); *бабинг, мотоциклинг, пивинг, шашлыкинг* (Независим. газета, 18.09.2006).

Рост числа гибридных неологизмов на *-инг* во многом обусловлен «эмоциональным заражением», основанным на престижности английского языка, которое осуществляется и поддерживается с помощью разнообразных усилий СМИ. Американомания и «рекламизация» русского языка, для которого прецедентными текстами стали переводные рекламные клипы, и как следствие – формирование массового языкового сознания, базирующегося на сленге, просторечии, избыточных заимствованиях, – все эти лингвокультурные факторы повышают словообразовательную активность суффикса – *инг*.

В болгарском, словенском, польском и чешском языках элемент *-инг/-ing/-ink* не отличается продуктивностью, хотя в медиальных текстах появляются термины-англицизмы: в болгарском языке – как слова, транскрибированные кириллическим шрифтом (*бодибилдинг, лифтинг, шейтинг*); в польском, словенском и чешском языках – в основном как трансплантаты (*drafting, lifting, peeling, rafting, rating*).

Если в русском языке произошло полное усвоение английского суффикса *-ing*, а за ним оследовал всплеск словообразовательной активности нового форманта, то в болгарском, польском и словенском языках процесс морфемизация «инговых форм» остановился на стадии словообразовательной соотносительности.

В чешском языке процесс морфемизации идет более активно, чем в болгарском, польском и словенском: наряду с трансплантами типа *restyling, homeshopping, holding, paragliding, peasekeeping, peeling, rafting, rating* и др., в письменной речи употребляются также транскрибированные слова на *-ink*: *marketink, mitink, šejpink, šopink*. Как и формант *-инг* в русском языке, изофонный чешский структурный элемент *-ink* может выступать в качестве аффикса, однако с его помощью образуются лишь единичные отвлеченные имена со значением действия (реже – состояния) от исконно чешских основ, причем как от глагольных (*ležet – lež-ink*, ср. рус. *лэжинг*), так и от именных, в семантике которых нет процессуального компонента (*pivo – piv-ink*, ср. рус. *пивинг*). В отличие от русского языка в чешском структурный элемент *-ing/-ink* находится лишь на стадии появления редких окказиональных дериватов.

2.5.2. История интернационализации англоязычного элемента *-gate* подтверждает тот факт, что в эпоху глобальной медиакультуры средства массовой коммуникации, став мощным инструментом оперативного управления общественным сознанием, существенно влияют на скорость адаптации и морфемизации заимствованных формантов.

Слова с элементом *-gate* (*-gejt/-gejm/-zejm*), который является своеобразным языковым маркером скандала, отмечены в 16-язычном словаре европейских англицизмов под ред. М. Гёрлаха (Görlach 2001). Элемент *-gate* выделился из английского композита *Watergate* (< *Watergate scandal*) еще в 70-гг. XX в., но стал использоваться для образования названий скандалов во всех славянских языках лишь в начале XXI века, когда СМИ постсоциалистических стран открыто провозгласили акцент на негативных сторонах действительности как принцип своей деятельности и скандальная информация заняла одно из главных мест в медиатекстах.

Словопроизводство компрессатов с помощью структурного элемента *-gate/-gejt/-gejm/-zejm* отмечается во всех славянских языках, однако степень морфемизации нового «интерформанта» в них неодинакова, что объясняется как экстра-, так и интралингвистическими факторами.

В болгарском, сербском и хорватском языках он употребляется в транскрибированной форме, используется для создания публицистических окказионализмов. Неологизмы с этим суффиксоидом являются названиями политических скандалов, связанных с известными персонами (болг. *Козлодуйгейт, Моникагейт*; сербск. *Моникагейт*), с объектами скандала (болг. *бръмбаргейт, досиегейт, телефонгейт*) или с местом (болг. *Ирангейт*). Ср. также: хорватск. *Monikagejt, pornogejt*.

В западнославянских языках – польском, словацком и чешском – суффиксоид *-gate* является трансплантантом, т.к. он не подвергся фонетико-орфографической ассимиляции. С помощью *-gate* в текстах СМИ образуются единичные окказионализмы (ср.: польск. *ropagate*, *telegate*, словац. *plazmagate*, чешск. *Judrgate*, *ropagate*, *sexgate/sexygate*, *Wallisgate*, *Zipgate*, *Zippergate*).

Особую продуктивность новый интернациональный формант приобрел в текстах русскоязычных СМИ, где в последние два года появилось более 20 существительных на *-гейт*: *Азергейт*, *Алтайгейт*, *Американгейт*, *армянгейт*, *Башикургейт*, *белорусгейт*, *Гиффенгейт*, *грузингейт*, *Израильгейт*, *Иракгейт*, *Киргизгейт*, *Кремльгейт*, *обамагейт*, *Осетингейт*, *Пентагонгейт*, *Пермьгейт*, *порногейт*, *сексогейт*, *Таджикгейт*, *телефонгейт*, *Туркменгейт*, *украингейт*, *Уралгейт*, *чеченгейт*, *шпионгейт*, *Эстонгейт* и др.

Продуктивность и активность суффиксоида *-гейт* в медиатекстах обусловлена как социопсихологическими, так и лингвистическими факторами. Словообразовательной активности интернационального суффиксоида *-гейт* способствует его полная фонетико-орфографическая адаптация, а также легкость создания с его помощью компрессатов – названий скандалов. В семантической структуре производных слов *-гейт* передает родовое понятие ‘скандал’, тогда как производящая основа выступает в качестве атрибутивно-видовой характеристики: ‘скандал’ – финансовый (*кризисгейт*), политический (*Путингейт*), энергетический (*нефтегейт*), сексуальный (*сексогейт*, *порногейт*). Дериваты с суффиксоидом *-гейт* являются семантически нерегулярными, что порождает множественность мотивации (например, мотивация названием страны и мотивация названием жителя). Ср.: *Казахгейт* – ‘скандал, разразившийся в Казахстане’ и ‘скандал, в который вовлечены казахи’ (аналогично – *Башикургейт*, *белорусгейт*, *Туркменгейт* и др. Непоследовательное употребление прописной буквы в письменных текстах также способствует двойственности восприятия слов на *-гейт*). «Размытость» лексических значений названий скандалов с этим суффиксоидом делает их весьма удобным средством создания ложных аллюзий при манипуляции общественным мнением, активно осуществляемой российскими СМИ.

Подводя итоги анализа, следует отметить, что несмотря на определенную конвергентность процессов морфемизации англицизмов-интернационализмов с финалями *-ing*, *-gate*, в славянских языках обнаруживаются существенные различия в способах усвоения новых интернациональных формантов *-ing*, *-gate*, обусловленные интра- и экстралингвистическими факторами. В целом же можно сделать вывод о периферийном положении этих новых интернациональных морфем в словообразовательных системах славянских языков, поскольку их употребление ограничено разговорной речью (*-инг*

в русском языке, *-ing/-ink* в чешском) и газетно-публицистический стилем (*-инг*, *-geйт* в болгарском и сербском языках; *-geйт* в русском; *-ing*, *-gate*, *-gejt* – в польском, словацком, словенском, хорватском и чешском языках).

III. В общеславянском фонде интернациональных морфем – во многом благодаря глобальному английскому языку – активизируются префиксоидные и суффиксоидные элементы греко-латинского происхождения: *анти-/anti-/anty-*, *био-/bio-*, *видео-/video-/wideo-*, *гипер-/hiper-/hyper-*, *гипо-/hipo-/hypo-*, *евро-/euro-/evro-*, *интернет-/internet-*, *квази-/kvazi-/kwazi-*, *макро-/makro-*, *микро-/mikro-*, *мини-/mini-*, *моно-/mono-*, *мульти-/multi-*, *пара-/para-*, *поли-/poli-*, *порно-/porno-*, *псевдо-/pseudo-/pseudo-*, *секс-/sex-/seks-*, *супер-/super-*, *теле-/tele-*, *фоно-/fono-*, *экс-/ex-/eks-*, а также *-граф/-graf*, *-графия/-grafia*, *-дром/-drom*, *-лог/-log*, *-логия/-logia*, *-ман/-man*, *-мен/-men*, *-тека/-teka*, *-фон/-fon* и т.п. (ср. Крысин 2007; Аврамова 2009; Stramljič 2009; Waszakowa 2009).

Словообразовательный статус большинства этих элементов, не существующих самостоятельно в принимающих языках, является спорным, как и статус слов, образованных с их помощью (см. Коряковцева 2009: 190). Последние относят либо к аналитическим сложениям, либо к квазикомпозитам с односторонней мотивированностью ввиду «непрозрачности» их словообразовательной структуры (Gramatyka 1999:465). В работах болгарских и сербских дериватологов существительные с препозиционными элементами типа *анти-*, *экс-* рассматриваются как образованные способом префиксоидации, а существительные с постпозиционными элементами типа *-(а)холик*, *-ман* – как образованные способом суффиксоидации (Ћорич 2008:121-126; см. статью Ц. Аврамовой в данном томе).

Несмотря на теоретически неясный статус, неологизмы с интернациональными словообразовательными элементами *анти-/anti-/anty-*, *био-/bio-*, *видео-/video-/wideo-*, *гипер-/hiper-/hyper-*, *гипо-/hipo-/hypo-*, *евро-/euro-/evro-*, *интернет-/internet-*, *квази-/kvazi-/kwazi-*, *макро-/makro-*, *микро-/mikro-*, *мини-/mini-*, *моно-/mono-*, *мульти-/multi-*, *пара-/para-*, *поли-/poli-*, *порно-/porno-*, *псевдо-/pseudo-/pseudo-*, *секс-/sex-/seks-*, *супер-/super-*, *теле-/tele-*, *фоно-/fono-*, *экс-/ex-/eks-*, *электро-/elektro-*, *энерго-/energo-*, а также *-граф/-graf*, *-графия/-grafia*, *-дром/-drom*, *-лог/-log*, *-логия/-logia*, *-ман/-man*, *-мен/-men*, *-тека/-teka*, *-фон/-fon* правильно распознаются и идентично трактуются носителями разных славянских языков. Их употребление, конечно же, не приводит к языковой гомогенизации, но, как и наличие общеславянских морфем, создает дополнительные условия для более эффективного взаимопонимания, способствует расширению информационных возможностей всех субъектов межславянских языковых отношений.

Базовым деривационным процессам в их номинативной и экспрессивной функциях не дают ослабнуть, во-первых, широта и многообразие общеславянского словарного фонда при общности живых и продуктивных

моделей словообразования, во-вторых, общеславянский фонд морфем греко-латинского происхождения, стабильность которого не могут поколебать достаточно малочисленные новые «интерморфемы» и модели, пришедшие из английского языка.

Процесс интернационализации, судя по его динамике, будет и впредь продолжаться, возможно, с разной интенсивностью, способствуя дальнейшей интеграции славянских языков и созданию т.н. «зональных интернационализмов» (термин Ю.С. Маслова), характерных для славянских языков одной группы. Эти «зональные интернационализмы» должны быть проанализированы и описаны в рамках общего сопоставительно-исторического исследования семантико-словообразовательной эволюции славянских языков.

Литература

- Аврамова Ц. (2003), *Словообразователни тенденции при съществителните имена в българския и чешкия език в края на XX век*, София.
- Аврамова Ц. (2009), *Прояви на интернационализация в словообразуването на българския книжовен език на границата между две хилядолетия*. [In:] (E. Koriakowcewa red.), *Przejawy internacjonalizacji w językach słowiańskich*, Wydawnictwo Akademii Podlaskiej, Siedlce, 2009.
- Амосова Н.Н. (1956), *Этимологические основы словарного состава современного английского языка*, Москва.
- Иноземцев В.Л. (1993), *Вестернизация как глобализация и "глобализация" как американизация*. [In:] «Вопросы философии», Москва, № 4.
- Коряковцева Е.И. (2008), *Русский язык в эпоху Интернета: новые potina abstracta в текстах общероссийских газет*. [In:] *Rossica Olomucensia*, t. XLVI-II: *Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké Dny Rusistů*. Olomouc.
- Коряковцева Е. (2009), *Интернациональное vs. национальное в словообразовательной системе: к постановке вопроса*. [In:] E. Koriakowcewa (red.), *Przejawy internacjonalizacji w językach słowiańskich*, Wydawnictwo Akademii Podlaskiej, Siedlce.
- Крысин Л.П. (2007), *Об интернационализации фонда словообразовательных морфем*. [In:] *Современное русское языкознание и лингводидактика*. Вып. 2. Сборник научных трудов, посвященный 85-летию со дня рождения академика РАО Н.М. Шанского, Москва.
- Мельничук А.С. (red.) (1986), *Историческая типология славянских языков (фонетика, словообразование, лексика и фразеология)*, Киев.
- Нещименко Г.П. (2006), *К рассмотрению динамики языковой ситуации через призму процессов интеграции и дифференциации*. [In:] Нещименко Г.П.

- (ред.), *Глобализация-этнизация. Этнокультурные и этноязыковые процессы*. Кн. I, Москва.
- Рыцарева А.Э. (2002), *Прагмалингвистический аспект интернациональной лексики (на материале английского языка)*. Автореферат диссертации кандидата филол. наук, Волгоград.
- Семенова М.Ю. (2007), *Принципы изучения лексики англоязычного происхождения в современном русском языке (к проблеме составления словаря англицизмов)*. Автореферат диссертации кандидата филол. наук, Ростов-на-Дону.
- Торич Б. (2008), *Творба именица у српском језику*, Београд.
- Ярцева В.Н. (1990), *Лингвистический энциклопедический словарь*. Москва..
- Bosák J. (2003), *Procesy internacionalizácie dnes*. [In:] «Jazykovedný časopis», Bratislava, t. 54, 2003, №. 1–2.
- Bozděchová I. (1997), *Vliv angličtiny na češtinu*. [In:] Daneš F. (red.), *Český jazyk na přelomu tisíciletí*. Praha.
- Braudel F. (1979), *Civilisation materielle, economic et capitalisme*, XV-XVIII siecle, t. 3, Paris.
- Görlach M. (1998), *The Usage Dictionary of Anglicisms in Selected European languages: a report on progress, problems and prospects*. [In:] «Barcelona: links and letters», № 5.
- Görlach M. (ed.) (2001), *A Dictionary of European Anglicisms*, Oxford University Press.
- Grzegorzczkova R., Laskowski R., Wróbel H. (1999), *Gramatyka współczesnego języka polskiego. Morfologia*, PWN, Warszawa.
- Jadacka H. (2001), *System słowotwórczy polszczyzny (1945-2000)*. PWN, Warszawa.
- Koriakowcewa E. (red.), (2009), *Przejawy internacjonalizacji w językach słowiańskich*, Wydawnictwo Akademii Podlaskiej, Siedlce.
- Lotko E. (2003), *Co a jak ovlivňují inovační procesy ve slovní zásobě (na materiálu češtiny, slovenštiny a polštiny)* [In:] Z. Rudnik-Karwatowa (red.), *Procesy innowacyjne w językach słowiańskich*, t. 114, SOW, Warszawa.
- Marchand H. (1960), *The Categories and Types of Present-Day English Word-Formation*, Wiesbaden.
- Miczka T. (2006), *Dynamika tożsamości narodowych we współczesnym świecie*. [In:] *Folia philologica macedono-polonica*, t. 6, Скопје.
- Ohnheiser I. (2003), *Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich*. [In:] Ohnheiser I. (red.), *Słowotwórstwo / Nominacja*, Opole.
- Stramljič Breznik I. (2009), *Hibridizacija novjših slovenskih tvorjenk*. [In:] Koriakowcewa E. (red.), *Przejawy internacjonalizacji w językach słowiańskich*, Wydawnictwo Akademii Podlaskiej, Siedlce.

- Waszakowa K. (2005), *Przejawy internacjonalizacji w słotwórstwie współczesnej polszczyzny*, Warszawa.
- Waszakowa K. (2009), *Internacjonalizacja polskiej leksyki – stan obecny, prognozy na najbliższą przyszłość*. [In:] Koriakowcewa E. (red.), *Przejawy internacjonalizacji w językach słowiańskich*, Wydawnictwo Akademii Podlaskiej, Siedlce.

Словари

- Баш Л.М., Боброва А.В. (2005), *Современный словарь иностранных слов*, Москва.
- Бонджолова В., Петкова А. (1999), *Речник на новите думи в съвременния български език*, Велико Търново.
- Martincová O. (red.) (1998), *Nová slova v češtině. Slovník neologizmů*, t. 1, Praha.
- Martincová O. (red.) (2004), *Nová slova v češtině. Slovník neologizmů*, t. 2, Praha.
- Smółkowa T. (red.) (2004), *Nowe słownictwo polskie: materiały z prasy lat 1993-2000* (pod red.), cz. I-II, Kraków,.
- Smółkowa T. (red.) (2005), *Nowe słownictwo polskie: materiały z prasy lat 1993-2000*, cz. III, Kraków.
- Smółkowa T. (red.) (2006), *Nowe słownictwo polskie: materiały z prasy lat 1993-2000*, cz. IV, Kraków.
- Databáze heslářů slovníků Ústavu pro jazyk český Akademie věd České republiky 2005-2009. – <http://lexiko.ujc.cas.cz/heslare/search.php>

Streszczenie

Współczesna globalizacja może być ujęta jako wykorzystywanie w kontaktach międzynarodowych języka angielskiego w roli środka porozumienia ogólnoswiatowego. Niewątpliwym rezultatem procesów globalizacji, a właściwie amerykanizacji, jest obserwowany we wszystkich językach słowiańskich wzrost zapożyczeń o anglo-amerykańskim rodowodzie, także powiększanie strefy internacjonalizmów (w tym morfemów internacjonalnych). Ekspansji anglicyzmów i amerykanizmów sprzyjają także inne czynniki, takie jak moda kulturowa oraz wpływ języka mediów. W artykule zostały zinterpretowane niektóre mechanizmy dynamiki internacjonalizacji w systemach słotwórczych współczesnych językach słowiańskich. Analiza materiału językowego utwierdza w przekonaniu, że ani „obcy wygląd” internacjonalizmów, które nie poddały się w pełni procesom asymilacji ortograficzno-fonetycznej i morfemizacji, ani napór elementów i wzorów obcych w żadnym razie nie powodują słabnięcia rzeczywistych procesów derywacyjnych, takich jak tworzenie różnego typu derywatów afiksalnych (prosty i złożony) na gruncie rodzimym.

Цветанка Аврамова

ФОРМИРА ЛИ СЕ НОВ НАЧИН ЗА ОБРАЗУВАНЕ НА ДУМИ В СЛАВЯНСКИТЕ ЕЗИЦИ?

1.0. Изследването на производните (мотивираните)¹ думи не е възможно без описание на начина, респ. начините, по които те се образуват. В словообразователните и други езиковедски трудове понятието *словообразователен начин* обаче по принцип не се дефинира (с някои изключения), може би защото се смята, че неговото съдържание е очевидно ('начин за образуване на думи'). Дефинират се само *видовете начини*, като при тяхното определяне се изхожда от два основни критерия: брой на произвеждащите (мотивиращите) основи и типовете форманти, участващи в образуването на производните думи.

1.1. Така например в руските академични граматики (Грамматика, 1970: 41; Русская грамматика, § 202) словообразователният начин се схваща като

„более крупная, чем словообразовательный тип, единица классификации, объединяющая ряд типов, характеризующихся одним и тем же видом форманта (например, префикс, суффикс, постфикс), в отвлечении от конкретных материальных воплощений этого форманта в разных типах”.

Но класификацията на отделните словообразователни начини в съвременния руски език, предложена от авторите на граматиките, показва, че от типа формант се изхожда при формулирането само на *някои* словообразователни начини (СН); общият критерий, който се взема предвид при определянето на *всички* СН, е броят на мотивиращите основи, срв.:

I. Способы образования слов, имеющих одну мотивирующую основу.
1. Суффиксация... 2. Префиксация... 3. Постфиксация... 4. Префиксация в сочетании с суффиксацией... 5. Префиксация в сочетании с постфиксацией... 6. Суффиксация в сочетании с постфиксацией... 7. Субстантивация прилагательных и причастий. II. Способы образования

¹ В настоящото изследване термините *производност* и *мотивация*, респ. *произвеждащ* и *мотивиращ*, *произведен* и *мотивиран*, се употребяват като синоними.

слов, имеющих более чем одну мотивирующую основу. 1(8). Сложение (или чистое сложение)... 2(9). Смешанный способ словообразования – сложение в сочетании с суффиксацией... 3(10). Сращение... 4(11). Аббревиация.

Към тези основни за руския език СН са добавени и няколко смесени начина, които играят периферна роля в словообразуването на съвременния руски език (вж. Грамматика, 1970: 41–43; Русская грамматика, § 203).

1.2. Всъщност класификацията на СН не само в академичните руски грамматики, но и в редица други изследвания, следва традиционната лингвистична подялба на основните начини за образуване на думи, основаваща се на *броя на произвеждащите основи*. Така се определят начините *деривация в тесен смисъл* (при една произвеждаща основа) и *композиция* (при повече от една произвеждащи основи). Ще припомним, че с термина деривация също така се означава и самият процес на образуване на думи, на словопроизводство – *деривация в широк смисъл*; оттук и синонимно употребяваните термини за назоваване на науката, изучаваща словообразователната система – *дериватология* и *словообразуване* (вж. напр. Furdík 2004). С термина *дериват в тесен смисъл* се означава продуктът на словообразователния начин деривация (деривация в тесен смисъл), а с термина *комполитум* (също композит) – продуктът на композицията. Под деривати в широк смисъл се разбират всички производни (мотивирани) думи.

1.3. Наред с начините, обособени на базата на броя произвеждащи основи (деривация и композиция), както бе посочено, се формулират и СН, обособени в зависимост от типа словообразователен формант (СФ): афиксация (префиксация, суфиксация, постфиксация, конфиксация), конверсия и др. (вж. по-нататък). Всички те участват при образуването на деривати (в тесен смисъл), а някои от тях (суфиксация, конверсия) – и на композитуми.

1.4. В българския и в други славянски езици с термина начин, респ. словообразователен начин, се назовават *всички словообразователни техники*, с които се създават производни думи (ПД). В чешки и словашки обаче съществуват отделни термини за назоваване на СН, обособени по броя мотивиращи основи, и СН, определени въз основа на СФ.

1.4.1. За начините от първата група (деривация и композиция) се приема общото означение *slovotvorný způsob*², слш. *slovotvorný spôsob*, а за начините от втората група се използва терминът *slovotvorný postup*³. Така като *slovotvorné způsoby* М. Докулил определя „общите начини за

² На български чеш. *způsob* ‘начин’.

³ На български чеш. *postup* ‘метод, подход’.

образуване на думи”, а под *slovotvorné postupy* разбира „конкретната реализация на дадения начин (*způsob*) (особено в генетичен аспект), промените в морфологичната структура на производните думи по отношение на техните произвеждащи (Mluvnice češtiny 1986: 198).

1.4.2. Изхождайки от изследванията на М. Докулил, Ю. Фурдик предлага следното разграничение:

„...**slovotvorný spůsob** – proces, výsledkom ktorého je jednoslovné slovotvorne motivované slovo, utvorené buď deriváciou alebo kompozíciou;

...**slovotvorný postup** – proces utvorenia motivovaného slova pomocou spojenia jedného slovotvorného základu a formantu (pri derivácii) alebo viacerých základov (pri kompozícii).

Tvorenie jednoslovných slovotvorne motivovaných slov sa teda uskutočňuje dvoma základnými **slovotvornými spôsobmi**: *odvodzovaním (deriváciou)* a *skladaním (kompozíciou)*, v rámci ktorých sa uplatňujú viaceré **slovotvorné postupy**⁴. V derivačných slovotvorných postupoch sa k jednému slovotvornému základu pripája jeden alebo viacero slovotvorných formantov. Pri kompozičných slovotvorných postupoch sa spájajú zvyčajne dva slovotvorné základy. Pri kombinovanom kompozično-derivačnom postupe sa v jednom slovotvornom akte spájajú dva slovotvorné základy spolu s formantom (Furdík, J. 2004: 64).

Към *деривационните СН*, характерни за словашкия език, Фурдик отнася: суфиксация, префиксация, трансфлексия⁵ (които определя като прости синтетични начини), рефлексивизация (прост аналитичен начин), и следните комбинирани начини: префиксация + суфиксация, префиксация + трансфлексия (синтетични), и суфиксация + рефлексивизация, префиксация + рефлексивизация, трансфлексия + рефлексивизация, префиксация + трансфлексия + рефлексивизация, префиксация + суфиксация + рефлексивизация. СН, при който се използват два (или дори три) типа форманти в словообразователния акт, се означава като конфи́ксация (вж. по-подробно Furdík, J. 2004: 65–70). Към *композиционните СН* авторът отнася т. нар. несъщинска композиция (юкстапозиция) [*nevlastná kompozícia (juxtapozícia)*] и същинската (чиста) композиция [*vlastná (čistá) kompozícia*]. Към *смесените композиционно-деривационни СН* Фурдик включва едновременно прилагане на композиция и суфиксация [в резултат на което възникват т. нар. композиционно-суфиксални сложни думи (*kompozično-sufixálne zloženiny*)] или на композиция и трансфлексия [резултат от което са т. нар. композиционно-трансфлексни сложни думи (*kompozično-transflexné zloženiny*)] (Furdík 2004: 71–73).

⁴ Подчертаното и курсивът са на цитирания автор.

⁵ Под трансфлексия Фурдик разбира СН, в други изследвания означаван с термините конверсия, нулева суфиксация, безсуфиксална деривация (Furdík 2004: 68).

1.5. От всичко казано дотук можем да направим извода, че деривацията (в тесен смисъл) и композицията заемат по-особено място сред словообразователните начини. Деривацията е свързване на една произвеждаща основа с формант, като формантът може да бъде прост (например само суфикс, само префикс, само флексия и т.н.) или сложен (префикс + суфикс, суфикс + флексия и т.н.). Композицията е свързване на две (или повече) произвеждащи основи с участието или без участието на съединителна гласна. Много често композицията е съпроводвана от суфиксация (напр. бълг. *ключодържател*) или конверсия (напр. чеш. *vlajkonoš*) (Bozděchová, I, 1994: 33). Тъй като суфиксацията и конверсията (у Фурдик – трансфлексия) се определят като деривационни СН, в последния случай често се говори за смесени композиционно-деривационни словообразователни начини (Mlunice češtiny 1986: 203–204; Furdík 2004). Важно е обаче да се подчертае, че *т. нар. композиционно-деривационни начини се разглеждат в рамките на композицията, защото с тях се образуват композитуми*.

Следователно можем да обобщим, че под деривация (в тесен смисъл) се разбират всички СН, участващи при образуването на деривати (в тесен смисъл), а под композиция се разбират СН, в резултат на които се създават композитуми.

1.6. СН, характерни за славянските езици, като цяло са добре проучени, макар че има и някои спорни въпроси. Във връзка с темата на настоящото изследване е важно да се види например мястото на абрeвиацията по отношение на деривацията и композицията. Абрeвиацията обикновено се разглежда отделно от тях, като се подчертава нейният специфичен характер и периферна роля в словообразователните процеси на славянските езици (вж. напр. Mlunice češtiny 1986); в някои дериватологични изследвания (напр. Furdík 2004) тя дори не се споменава сред словообразователните начини.

2.0. В традиционните изследвания по славянско словообразуване се признава и съществуването на промеждутъчни явления, заемащи преходно място между абрeвиацията и композицията, като особени затруднения у авторите създават производни имена (съществителни и прилагателни), съдържащи като първа съставка компоненти от следните типове⁶, и втора несъкратена част: 1) **анти-/anti-, вице-/vice-, екс-/ex-, квази-/kvazi, макро-/makro-, мега-/mega-, mikro-/микро-, mini-/мини-, псевдо-/pseudo-, супер-/super, топ-/top-** и др.; 2) **авио-, авто-I, II/auto-I, II, агро-/agro-, био-/bio-, видео-/video-, gramo-, dia-, диско-/disko-, еко-**

⁶ По-голямата част от разглежданите интернационални морфеми се срещат във всички славянски езици; с цел пестене на място тук представяме само тяхното изписване в български и чешки като представители на езиците, използващи двете основни азбуки (кирилица и латиница).

/eko- I, II, енерго-/energo-, евро-/euro-, крими-/krimi-, моно-/mono-, мото-/moto-, нарко-/narko-, профи-/profi-, психо-/psycho-, ретро-/retro-, соц-, спец-, стерео-/stereo-, теле- I/tele-I, II, термо-/termo-, фото- I, II/foto- I, II, cyklo-, юго- и др.; 3) -вед, -гейт/-gate, -лог/-log, -логия/-logie, -ман/-man, -тека/-téka, -фил/-fil, -фоб/-fob, -холик/-holik, -холизъм/-holizmus и др.

Производните имена, съдържащи тези компоненти, се отнасят ту към сложните думи (в руски – към т. нар. съкратени сложни думи, сложносокращенные слова, в чешки – към хибридните композитуми), ту към груповите абривиатури или префиксалните деривати⁷.

2.1. През последните двадесетина години сред голяма част от дериватолозите постепенно се формира разбирането, че в подобни случаи не може да става дума за композиция, съпроводена с абривация, тъй като посочените компоненти се прибавят към произвеждащите основи в готов вид, а не се съкращават от изходна лексикална единица в словообразователния процес. Признава се, че по начин на свързване с мотивиращите основи, по функция и значение тези елементи се доближават до афиксите, без обаче да се приравняват с тях. Така се стига до идеята за оформянето на компоненти с неясен морфемен статус, които не могат да бъдат причислени напълно нито към корените, нито към афиксите, а по форма, функция и значение се намират между тях (Martincová, Savický 1987; Gazda 1990 и др.). За тяхното обозначаване в научната литература се налага терминът *афиксоид*, макар че съществуват и други определения.

Констатира се, че афиксоидите се отличават от коренните морфемии по това, че тяхното първоначално лексикално значение сякаш се изпразва, деконкретизира се, става по-абстрактно и в структурата на производните имена те изпълняват по-различна функция в сравнение със същинските коренни и афиксални морфемии (Martincová, Savický 1987: 129; Gazda 1990: 35; Rusínová 1999: 91).

2.2. Афиксоидите играят все по-активна роля в именното словообразуване на славянските езици от края на XX и началото на XXI век (по този въпрос вж. напр. Komparasja 2003; Аврамова 2003; Neologizmy 2005; Waszakowa 2005; Георгиева 2007 и др.). Във връзка с това назрява необходимостта да се отговори на въпроса как да се дефинира начинът на образуване на производни думи с участието на афиксоиди и какво е неговото място спрямо известните ни „традиционни“ СН. А това означава да се отговори и на въпроса какъв е статутът на ПД, съдържащи афиксоиди.

⁷ Преглед на литературата по въпроса вж. напр. в (Аврамова 2003: 33–54).

2.3. На проблематиката, свързана с афиксоидите, е посветена внушителна по обем научна литература, но все още остават доста неизяснени въпроси. Водят се спорове както за инвентара на афиксоидите, така и за тяхната класификация. Последното се отнася за препозитивните афиксоиди (намиращи се преди корена на думата), които ту се разглеждат в рамките на една група и се обозначават с общия термин префиксоиди [също: добазисни морфеми, преморфеми (Gutschmidt 2003)], ту се разделят на две групи: *префиксоиди*, по функция и значение намиращи се по-близо до префиксите, и *радиксоиди*, които по функция и значение се доближават повече до коренните морфеми (от лат. *radix* 'корен'). Постпозитивните афиксоиди се означават с термина *суфиксоид*⁸. По тези въпроси сме изразили своето отношение в други публикации (вж. напр. Аврамова 2003). Тук ще се спрем накратко само на онези аспекти, които имат пряка връзка с темата на настоящото изследване.

2.3.1. Придържаме се към становището, че препозитивните афиксоиди не съставят еднородна група и трябва да бъдат разделени на два типа: *префиксоиди* (компонентите от първата група) и *радиксоиди* (компонентите от втората група).

Основание за това деление ни дават преди всичко различното значение на препозитивните афиксоиди в състава на производните думи. За основен критерий приемаме опозицията *предметно* ~ *непредметно*, *конкретно* ~ *абстрактно*. Радиксоидите (**авио-**, **био-**, **диско-**, **евро-**, **крими-**, **теле-** и др.) изразяват предметно значение (в широк смисъл), но много по-обобщено в сравнение със същинските корени. Префиксоидите (**анти-**, **вице-**, **макро-**, **мини-**, **топ-** и др.) от своя страна нямат предметно значение, а изразяват отношения (локативни, темпорални, оценъчни, количествени, отношения на противопоставяне, йерархия), параметри (степен на признак) и др. По това те приличат на префиксите, които също нямат предметно значение (вж. Аврамова 2003: 51).

В състава на ПД префиксоидите имат най-често модифицираща функция, каквато имат и радиксоидите. Според Цв. Георгиева от гледна точка на дълбоката структура префиксоидите и префиксите имат винаги функция на предикат и по това се отличават от първите части на субстантивните композитуми, които в повечето случаи са изразители на аргумент от ПАС. При адективните композитуми „първата съставна част, мотивирана от качествено прилагателно, местоимение или наречие (...), е с функция на добавен предикат” (Георгиева 2007: 69).

⁸ Както бе посочено, в научната литература за назоваване както на родовото понятие афиксоид, така и на видовите понятия, се използват и други термини.

Смятаме, че в състава на производните съществителни имена радикасоидите могат да изпълняват както функция на аргумент (напр. *автокращба*), така и на предикат (*еврокомисар*).

2.3.2. В научната литература все още не са предложени ясни и убедителни критерии за разграничаването на префиксоидите от префиксите поради еднаквите (или сходни) функции, които те изразяват. Опит за такова разграничаване прави Цв. Георгиева. Според нея префиксите, за разлика от префиксоидите, се отличават с по-високата степен на абстрактност и обобщеност в значението си (Георгиева 2007: 71). Към префиксите, характерни за именното словообразуване от края на XX век, авторката отнася две групи афикси: същински префикси, които „на този етап от развитието на езика нямат съответствие с пълнозначна свободно функционираща лексикална единица и се изявяват единствено като СФ, без значение дали са от домашен или чужд произход”, и несъщински префикси, които се съотнасят с частици и предлози (Георгиева 2007: 64), т.е. с *непълнозначни думи*.

За разлика от префиксите, при някои префиксоиди се наблюдава тенденция към съотнасяне с *пълнозначни думи* (срв. напр. бълг. и чеш. *топ* / *top*; *супер* / *super*; в българския език наченки на лексикализация се наблюдават при **екс-**, **вице-**, **анти-**) (по този въпрос вж. Аврамова 2003: 43, 74–75; Георгиева 2007). От друга страна, трябва да се има предвид, че „семантичната стойност на съответното словообразователно средство се намира в пряка зависимост от неговата дължина и усложненост“ (Мурдаров 1983: 83). Задача на бъдещи изследвания е да се проследи тази зависимост при изследваните типове морфеми⁹. Прави впечатление например, че повечето компоненти, които ние характеризираме като префиксоиди, се характеризират с наличие на по-голям брой фонемни в сравнение с някои префикси.

2.3.3. Образоването на съществителни, изградени от радикасоид и суфиксоид (напр. бълг. *телеман*, *видеоман*, бълг. и чеш. *еврофил* / *eurofil*, *грамофил* и др.), показва преходния характер на двата компонента, които ги изграждат. За разлика от корените, радикасоидите не могат да се свързват непосредствено със същински суфикси, а суфиксоидите не могат да се свързват с префикси (и префиксоиди!), така, както не е възможно директното свързване на префикс и суфикс. От друга страна, радикасоидите и суфиксоидите могат да се свързват непосредствено само с корени, както и помежду си, и по това приличат на същинските корени. По отношение на съчетаемостта префиксоидите плътно се доближават до

⁹ Подобна зависимост е установена и при някои суфиксални форманти [като: **-ачк(а)**, **-алн(я)/-илн(я)**, **-алник/-илник**].

префиксите, защото като тях те не могат да се свързват непосредствено със суфиксоиди и суфикси.

Афиксоидите се свързват свободно с различни произвеждащи думи както от чужд, така и от домашен произход, както абстрактни, така и конкретни, и образуват серии нови думи. По високата си степен на съчетаемост те приличат на афиксите, без обаче да имат тяхното пределно общо, понякога само категориално значение.

3.0. Всичко това ни връща към поставения по-горе въпрос: след като афиксоидите не са нито корени (т.е. от словообразователна гледна точка не са произвеждащи основи), нито афикси (изграждащи СФ), как се нарича СН, в който те участват.

3.1. Очевидно словообразуването с участието на афиксоиди не може да бъде причислено нито към чистата деривация (префиксация или суфиксация), нито към чистата композиция, срв.: „Afixoidní tvoření je v protikladu jak k čisté hybridní derivaci (...), tak k čisté hybridní kompozici“ (Martincová, Savický 1987: 125; тяхното мнение се споделя и от Gazda 1990). Чешките лингвисти изтъкват, че словообразуването с участието на афиксоиди представлява нов СН (*slovotvorný postup*), респ. нови начини. Определенията, които се използват за неговото (тяхното) назоваване, обаче показват ясни пристрастия към „старите“ начини деривация или композиция. Така, наред с термина *суфиксоидация*, за означаване на СН с участието на суфиксоиди се използва и терминът *композиция от суфиксоиден тип* (за ПД от типа *dietologie*, *beatlemánie*). За назоваването на СН с участието на препозитивни афиксоиди се използва общият термин *префиксоидация*, наред с термините *префиксоидна деривация* (за ПД от типа *pseudomorálka*) и *композиция от префиксоиден тип* (за ПД от типа *autodráha*, *fotobuňka*) (Gazda 1990: 112–113), срв.:

„Toto nejednotné vymezení vede k postupnému uznávání existence třídy morfémově nevyhraněných prvků – afixoidů (tj. prefixoidů a sufixoidů) a následně k úvahám o konstituování nových slovotvorných postupů, které lze nazvat prefixoidací, resp. sufixoidací, či kompozici prefixoidálního, resp. sufixoidálního typu. Z terminologického hlediska považujeme za vhodné rozlišovat útvary vzniklé podle modelu „cizojazyčný kořenný element + substantivum (typ *avtopredprijatije*) a pojmenování o struktuře „morfém předponově-předložkového či příslovečného původu + substantivum (typ *pseudointelektual*), přičemž v prvním případě se přikláníme k termínu „kompozice prefixoidálního typu“ (neboť jde o model, který je ze strukturně funkčního hlediska blíže „čisté“ kompozici), v druhém případě pak považujeme za přijatelný termín „prefixoidace“ či „prefixoidální derivace“ (analogicky s termíny „prefixace“, „prefixální derivace“)“ (Gazda. 1990: 112–113).

Още в цитираното изследване на О. Мартинцова и Н. Савицки (1987) се налага определението *афиксоидални сложни думи* (*afixoidální*

složeniny), което ясно показва тенденцията имената, съдържащи афиксоиди, да бъдат причислявани към сложните думи (в случая сложна дума = композитум). Тази тенденция ясно личи и в някои по-нови изследвания – срв. напр. отнасянето на т. нар. суфиксоидни лексеми към субстантивните композитуми от (Janovec, Rangelová 2005).

Като се опираме на чешките изследвания, за означаване на т. нар. афиксоидно словообразуване (словообразуване, деривация в широк смисъл с участието на афиксоиди) предлагаме термина *афиксоидация* като родово понятие по отношение на видовете понятия *префиксоидация* и *суфиксоидация*. Последователността налага разграничаването и на трети вид афиксоидация, осъществявана с помощта на радикасоиди (в цитираното изследване на Газда: *kompozice prefixoidálního typu* – вж. по-горе) – *радикасоидация*. Това деление би било в съответствие с приетото в лингвистиката и в частност в дериватологията класифициране на по-голямата част от словообразователните начини по типа формант, който участва в тях.

3.2. Под влияние на вече наложилото се сред цитираните чешки дериватолози разбиране, до неотдавна ние също разглеждахме префиксоидацията в рамките на деривацията (в тесен смисъл), а нейните продукти означавахме като префиксоидни деривати, докато радикасоидацията и суфиксоидацията отнасяхме към композицията, а нейните продукти – към сложните думи – композитуми (Аврамова 2003; 2010).

3.3. На пръв поглед включването на един от типовете афиксоидация към деривацията, а на другите два типа – към композицията, създава впечатление за непоследователност. То обаче има известни основания, ако се вземат предвид семантичните и функционални различия между префиксоидите и другите препозитивни афиксоиди – радикасоидите. Очевидно, както вече посочихме, префиксоидите се схващат като стоящи много по-близо до префиксите, отколкото до корените, а при радикасоидите е точно обратното; затова префиксоидацията се разглежда в рамките на деривацията, а радикасоидацията – в рамките на композицията.

3.4. Приобщаването на един или друг тип афиксоидация към деривацията или композицията обаче до голяма степен обезсмисля самото отделяне на афиксоидите в самостоятелен тип морфеми. След като афиксоидите не са нито корени, нито афикси, но съдържат характеристики и на двата типа морфеми, то тогава афиксоидацията в трите ѝ разновидности (префиксоидация, радикасоидация и суфиксоидация) не би трябвало да се включва нито към деривацията, нито към композицията. Афиксоидацията би следвало да се разглежда като самостоятелен, специфичен начин, следователно нейните продукти не би трябвало да се

причисляват нито към дериватите (в тесен смисъл), нито към композитумите. За означаване на продуктите от афиксоидацията предлагаме термина *афиксоидни* (евентуално *афиксоидални*) *деривати* (в широк смисъл = ПД).

Използвани съкращения

ПАС – предикатно-аргументна структура

ПД – производна дума

СН – словообразователен начин

СФ – словообразователен формант

Литература

- Аврамова Цв. (2003), *Словообразователни тенденции при съществителните имена в българския и чешкия език в края на XX век*, Херон Прес, София.
- Аврамова Цв. (2010), *О некоторых (новых) явлениях в славянском словообразовании с типологической точки зрения*. [In:] Петрухина Е.В.(ред.), *Новые явления в славянском словообразовании: система и функционирование*. Изд. МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва.
- Георгиева Цв. (2007), *Иновационни процеси при именната префиксация в българския книжовен език от края на XX и началото на XXI век*, Дисертация за присъждане на научната и образователна степен „доктор”, София.
- Мурдаров Вл. (1983), *Съвременни словообразователни процеси*, София.
- Шведова Н.Ю. (red.), *Грамматика современного русского литературного языка* (1970), Наука, Москва.
- Русская грамматика*, АН СССР, Институт русского языка, <http://artefact.lib.ru/languages/russian>
- Bozděchová I. (1994), *Tvoření slov skládáním*, ISV nakladatelství, Praha.
- Furdík J. (2004), *Slovenská slovtvorba (Teória, opis, cvičenia)*, Ološtiak M. (ed.) Náuka, Prešov.
- Gazda J. (1990), *Integrace cizojazyčných prvků v slovní zásobě současné ruštiny a češtiny. (Na materiálu substantivních neologismů)*, Disertační práce, Brno.
- Gutschmidt K. (2003), *Словообразовательные новации (преморфемные дериваты) в славянских языках с точки зрения когнитивной лингвистики*. [In:] *Procesy innowacyjne w językach słowiańskich*, Warszawa, s. 63-76.
- Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich. 1. Słowotwórstwo / Nominacja* (2003), Ohnheiser I. (red.), Opole.

- Martincová O., Savický N. (1987), *Hybridní slova a některé obecné otázky neologie*. [In:] „Slovo a slovesnost“, nr 2, s. 124–139.
- Mluvnice češtiny. 1. Fonetika. Fonologie. Morfonologie a morfemika. Tvoření slov* (1986), Petr J. (red.), Academia, Praha.
- Neologizmy v dnešní češtině* (2005), Martincová O., Rangelova A., Světlá J. (red.), ÚJČ AV ČR, Praha.
- Janovec L., Rangelova A. (2005), *Suffixoidy a suffixoidních lexémů u substantivních kompozit*. [In:] Martincová O., Rangelova A., Světlá J. (red.), *Neologizmy v dnešní češtině*, ÚJČ AV ČR, Praha, s. 85–98.
- Rusínová Z. (1999), *Hlavní problémy neologismů v současné češtině*. [In:] *Přednášky a besedy z XXXII. běhu LŠSS*, Brno, s. 88–95.
- Waszakowa K. (2005), *Przejawy internacjonalizacji w słowotwórstwie współczesnej polszczyzny*, WUW, Warszawa.

Streszczenie

W językoznawstwie słowiańskim definiowanie sposobów słowotwórczych opiera się na dwóch podstawowych kryteriach – są to liczba podstaw słowotwórczych i typy formantów, biorące udział w tworzeniu wyrazów pochodnych. Z tego punktu widzenia wzrasta potrzeba określenia sposobu słowotwórczego, tworzącego wyrazy pochodne za pomocą afiksoidów (morfemów, posiadających właściwości jednocześnie afiksów i rdzeni) i jego miejsca wobec znanych „tradycyjnych” sposobów słowotwórczych. Oznacza to, że należy także odpowiedzieć na pytanie czym są wyrazy pochodne, zawierające afiksoidy. Wyraża się opinia, że powstaje nowy, specyficzny sposób słowotwórczy, zajmujący pozycję między derywacją a kompozycją – tzw. afiksoidacja. W zależności od typu afiksoidu (prefiksoid, radiksoid, sufiksoid) w ramach afiksoidacji rozróżnia się sposoby słowotwórcze prefiksoidacja, radiksoidacja i sufiksoidacja. Produkty afiksoidacji oznaczają się terminem *derywaty afiksoidalne* (w szerszym sensie = wyrazy pochodne).

II.

Konfrontatywne studia leksykalno-semantyczne

Jaroslava Celerová

PROBLEMATIKA RUSKO-ČESKÉ HOMONYMIE A PARONYMIE

Problematika mezijazykové homonymie a paronymie je jedním z problémů při studiu dalšího cizího jazyka, proto je nutné věnovat této problematice velkou pozornost. Jednou ze závažných otázek při konfrontaci lexikálních systémů ruštiny a češtiny jsou slova shodná nebo spíše podobná po stránce grafické nebo akustické, dále po stránce grafické a akustické, jež však mají různý význam. Zpracování této problematiky je aktuální ve všech slovanských jazycích. František Čermák homonyma definuje jako „různé jazykové jednotky stejné formy bez významového průniku, různé lexikální jednotky mající stejný L-formém (lexikální formu) a navzájem nesouvisící významy“. (Filipec, Čermák 1985: 238). Jiří Černý definuje homonymii obecněji, jako „dvě slova mají stejný tvar“. (Černý 1998: 164). Homonymie je jev náhodné podobnosti formy dvou nebo více lexémů, jejichž význam je různý. Nesmíme si však plést homonymii s homonymem. Homonymie je náhodná podobnost právě dvou nebo více lexémů, které tvoří homonymní pár. Právě jeden člen takového páru je homonymum (Čermák 2004, s. 190). Někteří lingvisté (např. Hauser, Jilek a Filipec) rozlišují ještě jeden typ homonymie, a to homonyma z rozpadlé polysémie. Taková homonyma nastanou tehdy, pokud se jejich význam vzdálí natolik, že ztratí vztah, který je spojoval. Potom vzniknou úplně samostatná slova. Např. slovo *jeřáb* může mít tři odlišné významy: velký pták s vysokými nohama, žijící v bažinách, zařízení ke zdvínání a přemísťování těžkých břemen, strom nebo keř zpravidla se zpeřenými listy a s plody jeřabinami. Z etymologického hlediska první dva významy tvoří homonymní pár. *jeřáb*, ve významu stroj, vznikl jako přenesení významu *jeřáb* – *pták*. Dnes se však všechny tři slova jeví jako homonyma (Hauser 1986: 81).

Dalšími příklady jsou slova typu: ruské *вор* (*zloděj*) a české *vor* (*напом*), bulharská *година* (*rok*) a české *hodina* (*час*), polské *kwiecen* (*duben*) a české *květen* (*máj*). Počet těchto slov je značný, tato slova jsou zastoupena ve všech stylistických vrstvách jazyka. Mnohdy jde o slova velmi frekventovaná, jako jsou např. *стул* (*židle*) – *стул* (*стол*), *живот* (*břicho*) – *живот* (*жизнь*), *труп* (*mrtvola*) – *труп* (*туловище*), *черствый* (*tvrdý*) – *черствый* (*свежий*) aj.

V češtině je tento druh mezislovních vztahů pojmenován jako česko–ruská homonymie, v ruské lingvistice se užívá termínu „межъязыковые омонимы“.

Homonyma jsou chápána v lexikálním plánu určitého jazyka jako slova původem i významem různá, která stejně znějí jen náhodou, bez nějaké původní vnitřní spojitosti. U příbuzných jazyků jde však velmi často o slova stejného původu i významu, jež se při dalším samostatném vývoji ruského a českého jazyka významově diferencovala (dokonce do té míry, že vyjadřují úplný opak), v některých případech si však uchovala i původní společný význam. Např. slova: *красный* – *krásný*, *пахнуть* – *páchnout*, *вонять* – *vonět* aj. O původně společném významu svědčí ještě dnes určitá frazeologická spojení, v nichž si některá slova, která se významově diferencovala, uchovala stejný význam jako v češtině, např.: Красный ve významu českého krásný (hezký) najdeme v přísloví: долг платежом красен (doslova dluh je krásný, když se zaplatí). Budeme-li sledovat vznik homonymie, můžeme konstatovat, že vznikla náhodnou zvukovou shodou kdysi tvarově různých slov: *luk* – *лук* (*cibule*) bez nejmenších sémantických vztahů. Nebo vznikla z původně stejného základu, s nímž byla někdejší významová shoda úplně přerušena, např. české úkol a ruské укол, dále pak z původně stejného základu, v němž se však původní společný význam uchoval jen částečně, např.: красный – krásný. Ruské красный bylo utvořeno z obecně slovanského краса (znamenalo – *красивый*). V 17. století nahradilo красный ve významu českého krásný adjektivum красивый. Avšak další kritérium homonymie, a to zvuková shoda u slov, které mají různý význam ve dvou jazycích, i jazykově blízce příbuzných, již neplatí, jelikož jen v minimálních případech můžeme hovořit o zvukové totožnosti při rozdílnosti tvarové a významové. Často jsou mezi slovy tohoto druhu fonetické rozdíly v přízvuku (*завод* – *завод*). Znatelný rozdíl je mezi ruskými a českými slovy ve výslovnosti, např. nepřízvučné samohlásky v ruštině (*нозор* – o se vyslovuje spíše jako *a*, česky *pozor*).

Jiná situace je v oblasti grafické. Přesto, že se ruština liší od češtiny jinou grafickou soustavou, můžeme hovořit o homografii. Na rozdíl od češtiny je ruské písmo mnohoznačnější, ruské souhláskové grafémy jsou čtyřznačné, české nejvíce trojznačné. Samohlásková písmena mohou mít v ruštině vedle významu hlavního i význam vedlejší, ale v češtině jsou samohláskové grafémy jednoznačné. Např. *младенец*, *беседа* se podobají svou grafickou podobou českým – *mládenec*, *beseda*. Ve srovnání s ruštinou má čeština daleko menší korelaci měkkosti a tvrdosti. Např. české končina je pouze grafickým homonymem k ruskému slovu кончина (skonání, smrt), neboť ve výslovnosti se liší nestejným přízvukem, různou kvalitou samohlásky *-o-* a nestejnou kvalitou koncového *-a*. Zaměňování fonetické podoby ruských slov s obdobnou grafickou podobou českých slov působí značné potíže při osvojování správné ruské výslovnosti. Shody i rozdíly ve výslovnosti a v pravopise českých

a ruských hlásek jsou zdrojem větší homofonie ruských a českých slov, např. ruské *княжна* – *knížecí dcera* a české *kněžna* – *княгиня*.

Z hlediska dvou nebo více jazyků lze charakterizovat mezijazyková homonyma jako slova, která podobně znějí, obdobně se píší a mají různý význam. Uvnitř této homonymie je nutné rozlišovat mezijazykovou homofonii, tj. slova s obdobným zněním, a mezijazykovou homografii, tj. slova, která jsou graficky podobná nebo stejná. Vzhledem k tomu, že se jedná o homonymní vztahy v různých jazycích, i když příbuzných, nemůžeme mechanicky uplatňovat i další znaky homonymie, které platí pro jeden jazykový systém. Uvnitř rusko-české homonymie je nutné rozlišovat rusko-českou homografii (setkáváme se s ní především v písemném projevu) a rusko-českou homofonii (v poslechu a mluvení).

Při širším pojetí česko-ruské homonymie lze rozlišovat: lexikální česko-ruskou homografii a homonymii (*возка* – *vozka*, *запах* – *zápach*, *запирать* – *zapírat*, *нозор* – *pozor* apod.), slovně druhovou česko-ruskou homografii a homofonii: *простой* (adjektivum) – *prosto* (substantivum), *рано* (příslovce) – *ráno* (substantivum), *добро* (spojka, částice) – *dobro* (substantivum), dále pak tvarovou česko-ruskou homografii a homofonii: *ностой* (imperativ) – *postoj* (substantivum), *высший* (v elativním významu) – *vyšší* (komparativ).

Problematika tzv. mezijazykové homonymie a paronymie, tedy dvojice lexikálních jednotek vyznačujících se identickou (v případě homonym) nebo velmi blízkou (v případě paronym) formou, ale z významového hlediska se částečně nebo zcela liší, je stále aktuální. Vedle jevů česko-ruské homonymie existuje celá řada případů, jež nemůžeme chápat jako homonymní, působí však podobné potíže jako homonyma, a jsou velmi často zaměňovány. V rusko-českém plánu můžeme považovat za paronymické všechny případy větší fonetické a morfologické diferenciaci slov dříve společného původu, slova různého původu, u nichž dochází k záměně na základě určitých příbuzných znaků (např. *предпон* a *припон*).

Vznik mezijazykové homonymie a paronymie je podmíněn řadou faktorů. Jedním z nich je společná část slovních základů, značné množství společných odvozovacích prostředků, rozdíly a změny ve vývoji v oblasti lexikální, sémantické a stylistické. V obou jazycích existuje jistě mnoho takových párů autosémantických i synsémantických slov, které svou formální totožností nebo podobností a sémantickou odlišností mohou vyvolávat nejružnější komunikační potíže či dokonce nepochopení. Uvážíme-li, že průměrný pasivní individuální lexikon středoškolsky vzdělaného člověka obsahuje přibližně 40 000 slov, v případě vysokoškoláků pak asi 55 000 slov (srov. Černý, J. - Dějiny jazykovědy), není česko-ruská mezijazyková homonymie a paronymie ani zdaleka jevem marginálním. Přestože se může zdát, že je překládání a studium geneticky příbuzných jazyků relativně snadným úkolem, také v této oblasti se můžeme setkat s velkým množstvím problémů. Při vzájemném překladu ze

slovanských jazyků je právě mezijazyková homonymie a paronymie významným a neopomenutelným činitelem. Je všeobecně známo, že největším úskalím v překladatelském procesu jsou nikoliv obtížné, často odborné výrazy, ale většinou zdánlivě srozumitelná a zcela jasná slova, která na první pohled nebudí sebemenší podezření. Problematika mezijazykové homonymie je ve slovanské lingvistice poměrně podrobně rozpracována, přesto přetrvává určitá nejednotnost v terminologii. Úplnou nebo částečnou formální shodu slov se sémantickými rozdílnostmi v různých jazycích nazývají např. mezijazykovou paronymií (Бельчиков 1990), mezijazykovou homonymií (Заславская 1992), falešnými nebo neúplnými lexikálními paralelami (Дубичинский 1992), falešnými přáteli překladatele (Kusal 2002). Někteří autoři doporučují považovat za falešné přátele překladatele pouze jazyková homonyma, jiní to odmítají z toho důvodu, že to neřeší identifikaci všech lexikálních jednotek, které mohou vyvolávat nesprávné asociace při výuce cizího jazyka, především mezijazykových homonym, paronym a synonym. Z odborných prací některých lingvistů, kteří se zabývají problematikou mezijazykové homonymie a paronymie zjistíme, že se lze setkat se značnou terminologickou variabilitou a nejednotností. V českém prostředí můžeme narazit na následující termíny: zrádná slova, falešní přátelé překladatele, mezijazyková homonymie a paronymie (např. Szalek, Nečas 1993; Žaža 1999). Slovenská lingvistika používá kromě mezijazykové homonymie a paronymie, zrádných slov a falešných přátel ještě jeden termín – „interlingválna homonymia a paronymia“ (srov. Horáková 2003; Vaňko 2004; Jančíková 2004). Na Slovensku se problematikou mezijazykové homonymie zabývá Radmila Horáková zejména v obecné rovině, kde vydala svoje články „Medzijazyková homonymia pri geneticky príbuzných jazykách“ (Horáková 2001) a „Interlingválne homonymá jako lexikografický problém“ (Horáková 2003). Zatímco Marta Pančíková se kromě problému slovensko-slovinských mezijazykových interferencí věnuje i polskému prostředí – „Poľsko-slovenská lexikálna interferencia“ (Pančíková 1986) a „Zrádné slová v polštine a slovenčine“ (Pančíková 1993).

Výzkumy ukazují, že hlavním zdrojem homonymie je sémantický vývoj čili vlastně rozpad polysémie, který způsobuje vznik homonymie a paronymie nejen v rámci jednoho jazyka, ale ještě častěji v rámci lexika dvou či více geneticky příbuzných jazyků. Lexikografické zpracování mezijazykové homonymie a paronymie ve slovanských jazycích je ještě stále nedostačující. Zřejmě nejspokojivější situace je v Polsku, resp. v jazykovědné polonistice vůbec. V současné době tu má uživatel k dispozici slovníky kombinující polštinu s češtinou, bulharštinou, horní lužickou srbštinou, chorvatštinou, slovenštinou, slovinštinou, srbštinou a ruštinou, přičemž některé hned v několika verzích.

Dalšími významnými faktory pro vznik zrádných slov je ztráta etymologického povědomí, významový posun, rozšiřování nebo zužování významů a u přejatých slov i různé stylistické využití. Je třeba si uvědomit, že

u nás dříve docházelo k záměrnému zdůrazňování „snadnosti“ ruštiny. V současné době je naopak patrná snaha od samého počátku seznamovat studenty s originální ruskou mluvou, upozorňovat na hlavní úskalí, připomínat, že se sice jedná o jazyk příbuzný, slovanský, ale přece jen cizí a jako k takovému je k němu nutno přistupovat.

Domnívám se, že správný postup při upevňování slovní zásoby s mezijazykovou homonymií a paronymií spočívá zejména v osvojování slov ve slovních spojeních (ne izolovaně), jež nemohou vyvolávat asociální vztahy. Automatizovat rusko-česká homonyma především v plánu ruštiny, a to nejprve v takových slovních spojeních, v nichž by z logického hlediska nemělo docházet k interferenci. Např. k osvojení черствый хлеб - tvrdý (okoralý) chléb je nutné přistoupit až po osvojení „čerstvý“ - „свежий“: *čerstvý vzduch - свежий воздух, čerstvá stopa - свежий след*, tedy v momentu, kdy nastane určitý útlum *čerstvý - черствый*. V ruských slovních spojeních používat taková spojení, kde určité slovo vyžaduje logicky jen určitý význam v češtině - (*роза пахнет*): ruské *пахнет* (česky *voni*) - česky *páchne* (rusky *воняет*). Při výuce se zaměřit zejména na rusko-česká homonyma, u nichž dochází k záměně na základě asociace sémantického pole (*подводник - podvodník, устать - ustát, окурки - okurky, ужасный - úžasný, закуски - zákusky, вкусный - vkusný, раковина - rakovina, покойный - pokojný, рыхлый - rychlý, пышный - pýšný, хитрый - chytrý, смутный - smutný*) aj. a k českým výrazům najít ekvivalent v ruštině.

Paronyma jsou slova, která zní velmi podobně. Tento fonetický jev a špatná znalost jazyka, především cizích slov, může přivodit v komunikaci nedorozumění (Филипец, Čermák 1985: 142). U rusko-české paronymie je třeba, aby vyučující přímo upozorňoval na možnost záměny s podobným slovem v druhém jazyce, ale významově odlišným. Konkrétně u paronym je nutné rozlišovat sémantický a slovotvorný rozdíl, např. *дружеский тон, дружественная обстановка, дружный коллектив, деловой язык, деловитый вид*; přesně rozlišovat význam u takových paronym jako např. *водный - водяной, встать - стать, годичный - годовой, эфффектный - эфффективный, провести - произвести*; dále schopnost vytvářet slovní spojení se slovy typu: *логический - логичный, практический - практичный, реалистический - реальный, соседний - соседский*; schopnost spojit paronyma - slovesa s vhodným podstatným jménem, např.: *уплатить - оплатить, усвоить - освоить, усложнить - осложнить* apod.

Mezijazyková homonyma a paronyma je možné klasifikovat podle typu sémantických vztahů nebo sémantických rozdílností. Lze pracovat i s členěním tradičních typů homonym v rámci jednoho jazyka (homofony) – čes. *Polka* - národnost, rus. *полка* – *police*, se shodou geneticky různých slov (česky *mech* – drobné zelené výtrusné rostliny – rusky *мху*, rusky *мех* – česky *kožešina*), s jinou adaptací cizích slov a přejímáním z různých jazyků (česky *buchta* - druh

sladkého pečiva, ze slovanského expresivního základu *buch-*, rusky *бухма* – mořská zátoka, záliv). Stupeň sémantických změn dříve společného základu slov může být různý, neboť i v rámci jazyků blíže příbuzných slova původně geneticky blízká mění svoji sémantiku k úplné rozdílnosti. Ačkoliv je oblast mezijazykové homonymie a paronymie ve slovanské lingvistice široce rozpracována, považují za účelné věnovat této problematice stálou pozornost.

Literatura

- Čermák F. (2004), *Jazyk a jazykověda (přehled a slovníky)*. Praha, Karolinum.
- Černý J. (1996), *Dějiny jazykovědy*. Olomouc, Votobia.
- Ганапольская Е.В. (2005), *Русский язык и культура речи*. Изд. дом «Питер», ISBN 5-94723-949-3.
- Horáková R. (2003), *Interlingválne homonymá jako lexikografický problém*. [In:] «Slavica Slovaca», XXXVIII, č. 1.
- Horáková R. (1999), Medzijazyková homonymia pri geneticky príbuzných jazykoch. [In:] «Filologická revue», ročník 2, číslo 4, s. 52–56.
- Ivanina N. a kol. (2006), *Falešní přátelé překladatele*. UK Praha, ISBN 80-7290-275-X.
- Jílek V. (2005), *Lexikologie a stylistika nejen pro žurnalisty*. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci.
- Kollár D. (1982), *Medzijazyková homonymia*. [In:] *Studia Academia Slovaca*, ročník 11. Bratislava: ALFA, s. 221-234.
- Lotko E. (1992), *Zrádná slova v polštině a češtině*. Olomouc: Filozofická fakulta Univerzity Palackého.
- Манакин В.Н. (2004), *Сопоставительная лексикология*. Киев.
- Talickája J. (1998), *Ruský jazyk. Lexikologie*. PF MU Brno.
- Vlček J. (1966), *Úskalí ruské slovní zásoby. Slovník rusko-české homonymie a paronymie*. Praha.
- Zatovkaňuk M. (1986), *Otázka shod a rozdílů při konfrontaci blízce příbuzných jazyků*. [In:] «Slavia», 55, č. 2.

Summary

In term of two or more languages interlingual homonyms are words, that sound similar, are written similar and have different sense. In this homonymy it is necessary to differentiate the interlingual homophony, i.e. words, that sound similar and interlingual homography, i.e. words, that are graphically similar or same. Researches show, that primary resource of homonymy is semantic evolution, actually the decomposition of polysemy, that induces the origin of homonymy and paronymy, not only in terms of one language, but more often in terms of lexis of two or more genetically relative languages.

Наталія Дем'яненко

МЕНТАЛЬНА ХАРАКТЕРИСТИКА ЛЮДИНИ У ПОЛЬСЬКІЙ, УКРАЇНСЬКІЙ ТА РОСІЙСЬКІЙ ФРАЗЕОЛОГІЇ

Об'єктом даної розвідки є лексико-фразеологічне поле одиниць із спільною семантичною рисою “ментальна (внутрішня) характеристика людини” у польській, українській та російській мовах. В об'єм поняття фразеологічної одиниці (фразеологізму, фразеологічного звороту, фраземи), нами включаються не лише її формальні та значеннєві (денотативні та сигніфікативні) властивості, а й ті її риси, які мають стосунок до її внутрішньої (семантичної) форми. Відтак у якості предмету дослідження виступають відповідні аспекти аналізованих фразеологічних одиниць та їх угруповань. Метою даного дослідження було вироблення на основі розробок психологів та філософів, а також із застосуванням наявних у лінгвістичних джерелах ідеографічних схем відповідного фрагмента дійсності (тобто рис та властивостей людської ментальності). Фразеологічні одиниці становлять найконденсованіше вираження у мові її національно-культурного компонента, а, отже, їх аналіз під кутом вираження ними мовної картини світу дає можливість простежити взаємозв'язок мови, світобачення й ментальності нації. Слов'янська, зокрема польська фразеологія досліджені у цьому плані нерівномірно. У мовознавчій літературі представлені окремі когнітивно-лінгвістичні дослідження, присвячені певним тематичним групам фразеологічних одиниць слов'янських мов, так, окремі групи польських фразеологічних одиниць вивчались рядом авторів (див., напр. Czurak 1998; Jurkowski 1983; Krawczyk-Турра 1987; Pajdzińska 1988). Відомі також дослідження, присвячені порівняльному вивченню фразеологізмів окремих мов (Неруш 1987). Тим не менш, клас фразеологізмів, які позначають ментальну характеристику людини у слов'янських мовах, ще не був предметом порівняльного вивчення.

Фактологічну базу нашого дослідження складають дані фразеологічних словників (“Słownik frazeologiczny języka polskiego” pod red. S. Skorupki; “Mały słownik frazeologiczny języka polskiego” pod red.

S. Bąby, J. Libereka; “Wielki słownik frazeologiczny polsko-rosyjski a rosyjsko-polski” pod red. J. Luksina; “Учебный русско-польский фразеологический словарь” А.И. Молоткова та В. Цеслінської, а також “Фразеологічний словник української мови”, укладачі Білоноженко В.М., Винник В.О., Гнатюк І.С., Горобець В.Й. та ін.). Загалом проаналізовано більше тисячі фразеологічних одиниць із загальним значенням ментальної характеристики людини. Спеціально зазначимо, що ми широко витлумачуємо поняття ментальності людини, включаючи в це поняття не лише властивості та явища, пов’язані з розумовою діяльністю, але також і емотивно-афективну та вольову сфери людської психіки, морально-етичні якості людської особистості, інші внутрішні особливості індивіда, пов’язані з його освіченістю, характером, темпераментом і т.д.

Ментальність дозволяє виявити характеристику особистості, її поведінку й характер. Етнопсихологи, філософи визначають спільні психологічні особливості людей, що разом творять конкретний народ. Проте мовознавці звертають увагу на можливий суб’єктивізм при описі „чужого” національного характеру. Зокрема, Ю. Караулов відзначає, що представник іншої ментальності може зверхньо дивитися на „чужу” культуру, підсвідомо визначаючи свою вищість. На суб’єктивізмі в описі психології інших народів наголошує й В. Янів. Щоб уникнути цього недоліку, вчений висуває засаду порівняння якнайбільшої кількості досліджень різних учених і доходить висновку, що чим більше порівнянь, чим більше дослідників і різноманітних шкіл та напрямків, тим правильніші висновки щодо особливостей національного характеру. До того ж таке поняття як „ментальність” не має чіткого та вичерпного визначення. У Словнику української мови у 11-ти томах узагалі немає як у реєстрі, так і в тематичному показнику такої лексичної одиниці, немає й у Лінгвістичному енциклопедичному словнику, і у Філософському словнику.

Польські джерела та словники визначають термін *mentalność* як специфічний спосіб мислення й ставлення до дійсності; характерну структуру мислення (SWJP 1996: 506). В окремих словниках поняття ментальності пов’язується із сприйняттям та мисленням, але не виключає емоції та волі, проте більший наголос мають усе ж інтелектуальні властивості людини. Г. Півторак у праці „Українці. Звідки ми і наша мова” так окреслює цей термін: „Ментальність розуміють як притаманний даній нації варіант світосприйняття, поведінки, який реалізується на спільній мовній, культурній і морально-етичній основі” (Півторак 1993: 8).

Таким чином, можемо зробити висновок про те, що ментальність є однією з форм суспільної свідомості, вона закріплена в матеріалізованих продуктах, але має надсвідомий характер. „Ментальність усвідомлюється й раціоналізується тільки вибірково, фрагментарно пов’язує

високорационалізовані форми свідомості (науку, філософію, політичну ідеологію, релігію і т.д.) зі сферою підсвідомих структур, визначаючи у такий спосіб образ цілісного життя людини” (Мифы... 1987: 178). Цей образ опирається на певні внутрішні характеристики людини. Це складні риси, досить показові для певних національних груп, які дають змогу з певною вірогідністю передбачати її поведінку у тому чи іншому конкретному випадку. Ментальність має свою структуру, виражену у взаємозв'язках внутрішніх рис. Таким чином зазначимо, що ми широко витлумачуємо поняття ментальності людини, включаючи в це поняття не лише властивості та явища, пов'язані з розумовою діяльністю, але також і емотивно-афективну та волюву сфери людської психіки, морально-етичні якості людської особистості, інші внутрішні особливості індивіда, пов'язані з його освіченістю, характером, темпераментом і т.д.

Внутрішні характеристики людини можна поділити на моральні, волюві, емоційні та інтелектуальні (Загальна психологія 1997), ми ж уважаємо таку класифікацію доцільною і при розгляді ментальної характеристики людини, відображеній у мовній картині світу, зокрема, у її фразеології польської, української та російської мов. Фразеологічні одиниці становлять найконденсованіше вираження у мові її національно-культурного компонента, а, отже, їх аналіз під кутом вираження ними мовної картини світу дає можливість простежити взаємозв'язок мови, світобачення й ментальності нації. У фразеології зазначених слов'янських мов маємо чотири великих групи внутрішніх рис ментальної характеристики людини. Основне навантаження на вираження їх змісту розподіляється нерівномірно, тому що їх поява обумовлюється різними потребами, які визначають ті чи інші вчинки.

Так, у ситуаціях, які ставлять перед особистістю вимогу діяти згідно із суспільними ідеалами, нормами, правилами поведінки, на передній план виходять **моральні** якості поведінки. Появу цих рис стимулюють потреби людини в цілісному соціальному середовищі. Морально-етичні риси особистості – це вияви стійкого ставлення людини до суспільних подій, до інших людей і до самої себе. Вони нерозривно пов'язані з певними нормами поведінки, які прийняті у певному суспільстві, з оцінкою відповідності або суперечності дій, вчинків, намірів людини. Джерелом цих рис є спільне життя людей, їх взаємини, спільна боротьба за досягнення суспільної мети.

Морально-етичні риси поєднують у собі все багатство емоційних ставлень людини до соціального оточення. У зв'язку з цим їх можна назвати вищими рисами особистості, однак слід підкреслити умовність поняття „вищі почуття”, оскільки до них відносять не тільки позитивні, а й негативні моральні риси (скупість, заздрісність і т.п.). Серед фразеологічних одиниць на позначення морально-етичних рис характеру

людини відзначаються 1) такі, що мають позитивне забарвлення: пол. *łagodny choć do rany przyłożyć* (укр. *добрий, хоч до рани прикладай*, рос. *добрый, хоть к ране прикладывай*), пол. *gołębia dusza* (укр. *голубина душа*, рос. *голубиная душа*), *święty człowiek* (укр. *свята людина*, рос. *святой человек*), пол. *mieć czyste ręce* (укр. *мати чисті руки*, рос. *иметь чистые руки*), пол. *kryształowy charakter* (пол. *кришталевий характер*, рос. *золотой характер*) і под.; 2) такі, що мають негативне забарвлення: пол. *być / okazać się/zostać świnią* (бути / виявитися свинею, рос. *быть / оказаться свиньей*), пол. *mieć nieczyste ręce* (укр. *мати брудні руки*, рос. *быть нечистым на руку*), пол. *mieć długie uszy* (укр. *мати довгі вуха*, рос. *иметь длинные уши*) і т.п.

В умовах, які спонукають особистість головним чином до застосування вольових зусиль, здійснення вольових дій, найяскравіше проявляються **вольові** риси характеру. Це зумовлено потребою людини в активній та результативній діяльності. Одним із найскладніших питань у сучасній психології виступає проблематика, пов'язана з явищем „волі”. Основна складність цього феномену полягає у наступному: усі переконані в існуванні волі, але ніхто чітко не може пояснити її природи. Про це, зокрема, свідчать деякі останні підручники з психології, у яких автори або повністю зняли питання волі, або розглядають його як явище руху діяльності. Одним із центральних на сьогодні залишається питання змісту волі, її мотивів, цілей, а у зв'язку з цим проблема її структури. Чітко побачити психічну реальність, що відповідає змісту поняття „воля”, ніяк не вдається.

Сутність і значення волі можна розглядати у такому поєднанні: активність – воля – свідомість. У вольовій діяльності виступає „найбільший ступінь прояву активності особистості. Воля – не абстрактна сила, а свідомо спрямована активність особистості” (Загальна психологія 1997: 280). Своєрідність цієї активності знаходить своє вираження у вольових явищах особистості. Вольові якості – це „відносно постійні, незалежні від конкретної ситуації, стійкі психічні утворення, що вказують на досягнутий особистістю рівень свідомої регуляції поведінки, її влади над собою” (Загальна психологія 1997: 294). Отже, це стійкі індивідуальні особливості волі, властиві окремим людям. У фразеології клас вольових рис характеру представлений фразеологічними одиницями як позитивного, так і негативного забарвлення. Сукупність позитивних вольових якостей утворюють вольову особистість – людину із сильною волею, яка представлена у таких фразеологічних одиницях: пол. *być na swoim miejscu* (укр. *бути на своєму місці*, рос. *быть на своём месте*), пол. *mieć grunt pod nogami* (укр. *мати ґрунт під ногами*, рос. *иметь почву под ногами*), пол. *trzymać rękę na pulsie* (укр. *тримати руку на пульсі*, рос. *держатъ руку на пульсе*), пол. *niezależny charakter* (укр. *незалежний характер*, рос. *независимый характер*), пол. *gruntowny człowiek* (укр.

грунтовна людина, рос. глобальный человек) і под. Негативні якості характеризують вольову слабкість людини. Крайній ступінь слабовілля людини визначаємо як „нікчемність”. Серед фразеологізмів окреслюємо такі одиниці на позначення цього явища: пол. *skończony człowiek* (укр. нікчемна людина, рос. конченный человек), пол. *być niczym* (укр. бути ніким, рос. быть ничтожеством), пол. *piąte koło u wozu* (укр. п'яте колесо до воза, рос. пятое колесо в телеге) і под.

Якщо ж особистості потрібно емоційно оцінити себе чи інших людей, явища природи, мистецтво, навколишню дійсність, то найбільш яскраво виявляються **емоційні** риси характеру. Їх поява обумовлена потребою в спілкуванні.

Емоції й почуття, як відомо, виникають у процесі взаємодії особистості із зовнішнім світом. Це різноманітні переживання людини, в яких відображаються її взаємовідношення й стосунки із зовнішнім світом і іншими людьми. Почуття особистості пов'язані з конкретним об'єктом (це може бути предмет, людина, події життя тощо). Одне й те ж почуття може реалізовуватися у різних емоціях. Психологи пов'язують цей факт із багатоаспектністю зв'язків емоцій і почуттів одне з одним (Загальна психологія 1997). В одному і тому самому почутті часто поєднуються, переходять одна в одну позитивні і негативні емоції. Тому ми об'єднали почуття та емоції людини у спільний клас. Звичайно ж, почуття та емоції людини не є завжди сталими рисами характеру, проте, оскільки ми говоримо про ментальність, ми намагалися виділити такі почуття та емоції, які притаманні певній етнічній спільноті (у нашому випадку – це носії польської мови), входячи до сукупності тих рис, які характеризують ментальність цієї спільноти. Таким чином, фразеологізми з відповідною семантикою містять у собі те, що можна назвати узагальненим образом польського національного характеру у його афективно-емотивному вимірі. Причому слід підкреслити, що тут не йдеться про те, що можна назвати етнічним стереотипом поляка (типу Polacy – Włochami różnocy „про польську гарячковість, нерозсудливість”), ні, тут йдеться про те, що можна було б назвати таксономією й типологією різних афективно-емоціональних характеристик (властивостей, евентуально також і станів), які містяться у тому компоненті польської мовно-етнічної картини світу, що представлений польськими фразеологізмами. У житті людини значення позитивних та негативних емоцій однаково важливе. Виникнення приємних чи неприємних переживань залежить не тільки від характеру, зовнішніх впливів, але також і від того, які потреби конкретної людини, від її індивідуальних здібностей, інтересів, звичок, внутрішніх станів.

Серед емоцій узагалі у фразеології представлені лише чутливість і незворушливість. Чутливість об'єднують фразеологічні одиниці пол. *iść*

ślepo za sercem (укр. йти за покликом серця, рос. следовать зову сердца), пол. *śłuchać głosu czego* (укр. слухати голосу (чогось), рос. слушать зов сердца), пол. *drewniany człowiek* (укр. дерев'яна людина, рос. деревянный человек), пол. *ze skały* (укр. з кременя, рос. из кремня), пол. *człowiek bez serca* (укр. людина без серця, рос. человек без сердца), *serce kamienne* (укр. кам'яне серце, пол. каменное сердце), пол. *lalka bezduszna* (укр. лялька бездушна, рос. бездушная кукла), пол. *mieć lód w duszy* (укр. мати лід у душі, рос. иметь лёд в душе) і под.

Почуття формуються у процесі суспільного розвитку людини і змінюються залежно від конкретних соціальних умов. Почуття виникають як результат узагальнення окремих емоцій, а формуються з розвитком свідомості. У почуттях людини виражаються установки, спрямованість, тобто важливі характеристики особистості. Спроектуючи ці особливості на фразеологічний матеріал, ми розробили таку класифікацію почуттів. При чому слід зазначити, що лише деякі почуття утворюють пари умовно позитивного чи негативного забарвлення. Усі почуття умовно розподіляються на 2 підгрупи: 1) ті, що позначають почуття особистості: пол. *odważny, silny jak lew* (укр. відважний, сильний як лев, рос. отважный, сильный как лев), пол. *zapalny jak proch* (укр. запальний як порох, рос. вспыльчивый как порох), пол. *zające serce* (укр. заяче серце, рос. заячьё сердце), пол. *spuścić, zwiesić głowę na kwintę* (укр. повісити нос на квінту, рос. повесить нос на квинту) і под. та 2) ті, що позначають міжособистісні почуття: пол. *usta komu nie zamykają* (укр. рот у когось не закривається, рос. рот у кого-то не закрывается), пол. *mieć serce na dłoni* (укр. мати серце на долоні, рос. иметь сердце на ладони), пол. *tajemniczy jak sfinks* (укр. таємничий як сфінкс, рос. таинственный как сфинкс), пол. *zamknąć się jak ślimak w skorupie* (укр. закритися як слимак у панцирі, рос. закрыться как улитка в скорлупе), пол. *tajemnicza osoba* (укр. таємнича особа, рос. таинственная особа), пол. *przyjacielska dusza* (укр. товариська душа, рос. компанейская душа), пол. *siostra miłosierdzia* (укр. сестра милосердя, рос. сестра милосердия) і под.

Обставини, які вимагають від особистості насамперед чіткого й усвідомленого сприйняття навколишньої дійсності, обдуманого, глибокого і оригінального розв'язання різних життєвих, виробничих і навчальних завдань, чітко висвітлюють **інтелектуальні** риси характеру. Їхню появу передбачають пізнавальні потреби.

Найбільша кількість позначає людину, яка повністю позбавлена будь-яких було розумових здатностей, тобто дурня: пол. *kapuściany łeb, barania głowa, zamknięta głowa*, (укр. капустияна голова, дурна голова, необачна голова, порожня голова, дубова голова і под.; рос. пустая голова, голова садовая, дурья башка); пол. *głupi jak sadło, mądry jak solomonowe portki*

і под. (укр. *дурний як пень*, рос. *глупый как осёл* і под.). Основною рисою, яку підкреслюють такі фразеологізми, є те, що у людини не просто відсутні й окремі інтелектуальні риси, такі як уява, думка чи здатність до навчання, а саме те, що такі звороти позначають дурня як цілісне поняття.

Серед фразеологізмів класу інтелектуальних властивостей людини є такі, які вказують на якусь одну негативну рису людини, а не на особистість у цілому. Так, у фразеологізмах пол. *świnie powinien pasać* (укр. *йому тільки свині пасти*, рос. *ему только свиньи пасти*), пол. *człowiek o ograniczonym horyzoncie* (укр. *обмежена людина*, рос. *ограниченный человек*) маємо вказівку на відсутність у людини видатного інтелекту. Таку людину не можна назвати дурнем чи розумово ненормальною, але, з іншого боку, тут говориться про рівень її інтелектуальних властивостей, точніше про їх невисокий рівень, тобто йдеться про обмежену людину.

Фразеологізми, що мають позитивно забарвлення у значенні інтелектуальної характеристики людини, є значно менше. Найбільша кількість зворотів позначає людину розумово нормальну, тобто не геніальну, а „просто” розумну – це і є тут норма – здатну мислити, робити висновки. Це фразеологізми пол. *mieć głowę* (укр. *мати голову*, рос. *иметь голову*), пол. *mieć głowę na karku* (укр. *мати голову на плечах*, рос. *иметь голову на плечах*), пол. *mieć swój rozum* (укр. *мати свою голову*, рос. *иметь свою голову*) і под.

Велике значення при інтелектуальній характеристиці людини набувають її освіченість, знання, а також те, що передує цьому – вивчення, інтелектуальний пошук, уява. Це можна простежити у таких зворотах як пол. *chodząca biblioteka / encyklopedia* (укр. *ходяча бібліотека / енциклопедія*, рос. *ходячая библиотека / энциклопедия*), що позначають ерудовану людину, яка щось вивчає, досліджує, і яка наділена великою кількістю енциклопедичних знань.

Внутрішні характеристики є доступними у своєму прояві; унаслідок цього зовнішня характеристика може служити засобом вираження характеристики внутрішньої, ментальної. Відповідне позначення таких характеристик може витлумачуватися двояким чином: 1) як таке, що вказує лише на певну зовнішню характеристику; 2) як свідчення людської ментальності, тобто як позначення внутрішньої характеристики; 3) одночасно як перше й друге. Наприклад, пол. *siedzieć jak tabaka w rogu* чи *tówić jak ślepy o kolorach* можуть позначати в залежності від контексту як сталі риси характеру людини, так і її окремо взяті дії. Словники, як правило не подають цього розрізнення.

Риси морального, вольового, емоційного та інтелектуального змісту є провідними рисами особистості і дають уяву про ментальну характеристику індивіда. Характеристику кожної людини складають

внутрішні (ментальні) та зовнішні риси. Коли ми говоримо про ментальність, то ми розглядаємо внутрішні характеристики людини, тобто все те, що стосується розуму, психіки, душі.

Бібліографія

- Загальна психологія* (1997). Курс лекцій, Правда Ярославичів, Київ.
- Неруш Г.І. *Зіставний аналіз чесько-української анімалістичної фразеології*. [In:] Зіставне дослідження української, чеської та російської мов: Зб. наук. праць. Київ, 1987.
- Півторак Г.П. (1993), *Українці. Звідки ми і наша мова*, Київ.
- Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х тт.* под. ред. С.А. Токарева (1987), Советская энциклопедия, Москва.
- SWJP - *Słownik współczesnego języka polskiego* (1996) pod red. B. Dunaja, Warszawa.
- Czurak M. *Frazeologia określająca cechy charakteru człowieka*. – PFPS IV, 1998. Jurkowski M. *Nazwy części ciała jako nominacje wtórne*. [In:] *Problemy nominacji językowej*. T. II. Katowice: Uniwersytet Śląski, 1983.
- Krawczyk-Tyrpa A. *Frazeologia somatyczna w gwarach polskich. Związki frazeologiczne o znaczeniach motywowanych*. Wrocław: Ossolineum, 1987. Pajdzińska A. *Związki frazeologiczne nazywające akt mowy. Semantyka i składnia*. Lublin, 1988.

Summary

The article is devoted to scientific investigation of the phraseologisms in the Polish language. The research is grounded on the world situation and individual mental characteristics. The mentality allows to display the personal characteristic, character and behavior. It also has it's own structure that can be rendered by correlations of it's inner features. Basing on scientific researches four groups of mental features can be distinguished.

Іна У. Каліта

СЕМАНТЫЧНАЯ СТРАТЫФІКАЦЫЯ ‘БЛАГА’ ВА ЁСХОДНЕСЛАВЯНСКІХ МОВАХ

Працэсы спецыялізацыі і стратыфікацыі моўных адзінак звычайна адбываюцца ў пераходныя перыяды, звязаныя з карэннымі палітычнымі і эканамічнымі зменамі ў грамадстве. Моўная сітуацыя ў Беларусі на мяжы XX–XXI стагоддзяў прывяла да разумення неабходнасці і непазбежнасці ўнармавання – рэформы правапісу, што дапаможа частковаму *тарэтычнаму* вырашэнню пытання корпуснага планавання. Закон Рэспублікі Беларусь ад 23.07.2008 № 420-3 «*Правілы беларускай арфаграфіі і пунктуацыі*», зацверджаны Прэзідэнтам Рэспублікі Беларусь, пачаў дзейнічаць з 1 верасня 2010 года. Гэты крок – сведчанне таго, што сучасны стан беларускай мовы – стан пераходны, стан чакання змен.

У пераходныя перыяды назіраецца абвостранае ўспрыманне моўных пазычанняў. Сучасная беларуская мова выкарыстоўвае шмат лексічных дублетаў, як, напр., *чай* (агульнаеўрапейскае з кітайскай) і *гарбата* (з лацінскай праз польскую), іх ужыванне ў XX ст. характарызавалася кантэкстуальнасцю і залежала ад палітычнай арыентацыі носьбітаў. На канцы XX ст. гэтыя адзінкі імкнуцца да стылістычнай стратыфікацыі, *чай* – азначэнне чорнага, зялёнага (што расце як чайнае дрэва), *гарбата* – травяны збор (рамонак, ліпа і інш.), спецыялізацыя значэнняў часта звязана з наяўнасцю ўласнай лексікі і пазычаннямі з рускай і польскай моў.

Старэйшы працэс інтэрнацыяналізацыі лексікі адносіцца да XVI–XVII стагоддзяў і характарызуецца ў беларускай мове *незасваеннем царкоўнаславянізмаў*, што былі зусім інакш успрыняты рускай мовай. Гэта ярка адлюстроўвае прыклад лексемы *блага* і аднакарэнных, адаптаваных усімі ўсходнеславянскімі мовамі па-рознаму. Гэты факт пацвяржае неабходнасць уліку сацыякультурных умоў засваення пазычанняў, сярод гэтых умоў неабходна падкрэсліць той факт, што сучасная беларуская літаратурная мова (таксама ўкраінская) фармавалася пазней за рускую літаратурную мову, і на той час ўплыў царкоўнаславянскай мовы ўжо быў мінімальны.

1. Старэйшыя працэсы інтэрнацыяналізацыі ў лютэрку сучасных ўсходнеславянскіх моў. Лёс царкоўнаславянізмаў

Папаўненне слоўніку да XV ст. у рускай і беларускай мовах ішло рознымі шляхамі. У рускай мове царкоўнаславянствы не замяняліся адзінкамі жывой гутарковай мовы, яны запазычваліся і становіліся яе неад’емнай часткай.

«Прыкладна да XV ст. завяршаецца хрысціянізацыя Русі. Тэрміны царкоўнага абиходу перасталі быць экзатызмамі для рускага вуха, ўвайшлі ў лік слоў, агульных для рускай і царкоўнаславянскай моў» (Мусорин 2000, пераклад).

У рускай мове царкоўнаславянствы, пры наяўнасці сінонімаў, набылі стылістычна ўзвышаную афарбоўку і захоўваюць яе як нарматыўны элемент, напр.: *очи, древо*.

«Часамі славянствы і расіянізмы зьяўляюць устойлівыя супраціўныя пары, дзе на ролю першых прыпадае значанне адцягненасці, кніжнасці, паэтычнасці, а на ролю другіх – канкрэтнасці, практычнасці, пабытовасці: *град – город, хлад – холод, мраз – мороз, злато – золото, глава – голова, страж – сторож, власть – волость, прах – порох, хранить – хоронить, надеж – надёж* <...>» (Пацюпа, 2009).

Царкоўнаславянствы арганічна ўвабраны лексічным запасам рускай мовы. Яны падзеленыя на групы, сярод якіх ёсць і непрадуктыўныя класы, тыпу дзеясловаў на -аць: *алкать, жаждасть, клеветать, лобзать*.

«На канцы XVII – пачатку XVIII ст. гэтыя дзеясловы былі зачлененыя ў агульны працэс моўнай сістэматызацыі форм – у парадыхмах па ўзору I прадуктыўнага класа дзеясловаў. Аўтары «Словаря Академии Российской» (выпускі 1789, 1822 гг.) ўпоравень з традыцыйнымі непрадуктыўнымі формамі паставілі «новыя» прадуктыўныя формы: *лбжу – лбжаю, стражду – страдаю і г.д.*» (Колосова 2007, пераклад).

Квантытатыўнасць царкоўнаславянскіх пазычанняў у беларускай (і ўкраінскай) мове значна меншая, часта яны ўспрымаюцца як пазычанні з рускай мовы, таму што, па-першае, з цяжкасцю падпарадкоўваюцца іманентным рысам беларускай фанетычнай сістэмы, па-другое, беларускі слоўнік мае ўласныя рэсурсы (што можа выступаць сведчаннем большай лексічнай разнастайнасці старажытнабеларускай мовы ў эпоху актыўных пазычанняў царкоўнаславянстваў). Царкоўнаславянствы, якія ў рускай мове з’яўляюцца *распаўсюджанымі*, у беларускай маюць свае эквіваленты:

<i>вещь, время, воздух, глагол, общий</i>				
↓	↓	↓	↓	↓
<i>рэч, час, наветра, дзеяслоў, агульны</i>				

Рознаму ўспрыманню царкоўнаславянстваў дзвюма роднаснымі мовамі садзейнічалі розныя працэсы іх развіцця ў адны і тыя ж гістарычныя перыяды, а таксама розныя ўмовы: (1) прынцыпова адрозны падыход да святаго тэксту ў Русі Маскоўскай і ў Русі Літоўскай, (2) факт, што на мяжы XVI–XVII ст. старажытнабеларуская мова ў ВКЛ валодала больш уплывовай пазіцыяй, чым царкоўнаславянская: гэтаму садзейнічаў пераклад Бібліі Ф. Скарыны на старажытнабеларускую мову (1517–1519, месца выдання – Прага, 1522–1523, Вільня), а ў сферы грамадска-камунікатыўных зносін – выкарыстанне Статутаў ВКЛ (1529, 1566, 1588, апошні часткова дзейнічаў да 1840 г.). Афіцыйны статус старажытнабеларускай мовы і статус яе ўжытку абумовілі абмежаваную колькасць царкоўнаславянскіх пазычанняў, частка з іх была адаптавана фанетычна і марфалагічна: (рус. : бел.) *окаянный* – *акаянны*, *исповедь* – *споведзь*, *Владимир* – *Уладзімір* (*Валадар* – *валодаць*).

2. Семантычная стратыфікацыя *блага* ва ўсходнеславянскіх мовах

Акрамя стылістычнай стратыфікацыі царкоўнаславянстваў, рознай квантыватыванасці і спосабаў граматычнага засваення, назіраецца семантычнае разгалінаванне аднаго з важнейшых этычных канцэптаў – лексемы *блага*.

2.1. Рускае *блага*

Сінонім рускага *блага* – *добро*, антонім *зло*, лексічная адзінка з’яўляецца словаўтваральнай базай для эмацыянальна-ўзвышаных складаных слоў з **пазітыўнай ацэнкай** (*благословение, благовидный, благоговеть, благодатный, благозвучие, благоденствие, благовоение, благодетель, благонадёжность, благоразумие*); у сучасных рускіх слоўніках сустракаем каля ста складаных адзінак з першай часткай *блага*. У сучаснай рускай мове яны ахопліваюць царкоўна-рэлігійную і грамадска-палітычную сферы: *(не)благонадёжность, благосостояние, (не)благополучный, (не)благосклонность, (за)благовременный*. Найбольш частотныя з іх: *благодарность, благодарить, благодарю*. Побач з нейтральным *спасибо* – *благодарю* гучыць больш афіцыйна. Руская літаратурная мова адназначна звязвае семантыку **блага** з паняццем *добро*, і толькі дыялекты, як сведчаць слоўнікі, фіксуюць адмоўную маркіраванасць.

2.2. Блага ў беларускай мове

У беларускай мове лексічная адзінка *блага* – прыслоўе (ў рускай мове – назоўнік), *добра* з’яўляецца антонімам *блага*, сінонімы: *кепка*, *дрэнна*, *млосна* (часцей пра душэўны ці фізічны стан чалавека). Прыметнік *благі*¹ ўваходзіць у склад парэміі, у якіх таксама нясе адмоўную семантыку: *благія вочы*, *благі час*, *на блгі канец* (рус.: *злой глаз*, *в недобрый час*, *на худой конец*), *Благі з ліхім знаюцца*, *адзін на другога спасылаюцца* (рус.: *Пётр кивает на Ивана*, *Иван кивает на Петра*).

2.3. Да пытання паходжання і спрэчнай этымалогіі

Да спрэчных пытанняў адносіцца, па-першае, паходжанне лексемы *блага*, гэта пытанне разглядалася ў шматлікіх слоўніках і лінгвістычных працах². З выкарыстаннем багатага матэрыялу разглядае названую лексему *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд*, Выпуск 2, 1975, (с. 173). Па-другое, аспрэчваецца і этымалагічная сувязь лексемы *блага* з *блажэць*, *блзан*, *блазнота* і інш (гл. ЭССЯ: 1975, с. 103-107, *блазнь* – *благь*).

Многія даследчыкі ў дачыненні да семантычнага разгалінавання лексемы *блага* – узнікнення палярных значэнняў гавораць аб працэсе энантыяміі, якая ў дыяхраніі была абумоўлена пераасэнсаваннем суадносін царкоўных нормы : бытавыя жыццёвыя нормы (Улуканов: 1972³).

¹ (Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: 1977, 381, 382)

«1. Які не мае станоўчых якасцей, не адпавядае патрабаванням; які адмоўна ацэньваецца.

2. Які не адпавядае патрабаванням маралі; дрэнны ў маральных адносінах.

3. Непрыемны для іншых (пра манеры, характар і пад.);

4. Нездаровы, з хваравітым выглядам;

5. Які не абяцае нічога добрага; несучасны;

6. Недастатковы для якой-н. мэты, у якіх-н. адносінах;

7. Які выклікае агіду; гадкі, непрыстойны (пра выразы, словы).

² ФАСМЕР М. ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ РУССКОГО ЯЗЫКА

«**блага** благой – цслав. заимств., вместо исконнорусск. *бологъ; см. болого. Весьма употребительно благо- в словосложениях как соответствия греч. εὖ-, напр.: благочестивый εὐσεβής, благонравный εὐήθης, благородный εὐγενής и т. д.».

³ «Слово *блаженный*, употреблявшееся ранее исключительно в церковном обиходе, попал в народный язык, было переосмыслено и получило новое значение. В значении «невозмутимо счастливый» слово употреблялось для называния святых. К их числу причислялись и юродивые: церковь поощряла юродивых – людей, добровольно, во имя веры, ставших нищими и бродягами, принявших вид безумных. «Блаженны нищие духом, ибо их есть царство небесное», – сказано в Евангелии (Матф., 5, 3; Лука, 6, 20). Однако не у всех юродивые вызывали почтение: в народе зачастую относились к ним отрицательно, ибо их вид и поведение не вызывали симпатии. Отношение к человеку отразилось и в названии этого человека: слово *блаженный* получило значение «глуповатый, чудаковатый». С ним связаны такие слова, как *блажь*, *блажить*. Славянизмы, имевшие

2.4. Блага ў словаўтварэнні: заходнеславянскае vs. ўсходнеславянскае

У рускай мове **блага** ўваходзіць у склад шматлікіх складаных адзінак, сярод найбольш распаўсюджаных – *благодарить, благодарность*. Беларускі і ўкраінскі эквіваленты рускага **благодарить** падобны **заходнеславянскім формам** і ўтвораны ад іншага кораня, аналагічнае адрозненне назіраецца і ў літоўскай мове, што тэрытарыяльна мяжуе з беларускай.

УСХОДНЕСЛАВЯНСКІЯ		
Беларуская	Украінская	Руская
дзякаваць падзяка удзячны	дякувати вдячність вдячний, вдячливий	благодарить благодарность благодарный

ЗАХОДНЕСЛАВЯНСКІЯ			Літоўская
Славацкая	Чешская	Польская	
pod'akovat' vd'aka vd'ačný	děkovat vděk, vděčnost vděčný	dziękować wdzięczność wdzięczny	dėkoti dėkingumas, padėka dėkingas

2.5. Блага ва ўкраінскай мове

Украінская мова, у адрозненні ад адназначнай для рускай *літаратурнай нормы* пазітыўнай семантыкі і негатыўнай беларускай (Атраховіч 1977: 381), знаходзіцца на пазіцыі дуалізма – мае адзінкі з пазітыўнымі канататамі (Бусел, 2004: 54[⇒]), семантычна тесныя з рускімі, і не характэрныя для беларускай мовы. Украінскія адзінкі *благоволити, благоговійно, благодатний, благодіяння, благодуюшно* і інш. слоўнік прыводзіць з паметкай *застарэлае*. Адначасова, як і беларуская, украінская мова адлюстроўвае адмоўную семантыку аднакарэнных лексем *блага, благий*, дэмінітыву *благенький* (*слабий, кволий*). Ва ўкраінскай мове адзінкі з коранем *благ-* (у значэнні *дабро*) сустракаюцца і ў складзе парэмій: *Благословляло/благословіло на світ* (бел.: *світала*).

положительное или нейтральное значение в церковнославянском языке, часто получают неодобрительную или ироническую окраску за его пределами» (Улуханов 1972).

⇒ (Бусел: 2004, 54)

«Благо, -а, с.

1. Добра, счастья
2. тільки мн. блага, благ. Достатки, вигоди, дари природы і т. ін; все те, чого потребує людина в житті.

2.6. Русіфікацыя сучаснай беларускай мовы ці запознены другарадны царкоўнаславянскі ўплыў?

Складаныя царкоўнаславянскія (якія ў значнай колькасці запазычаны рускай мовай, у т.л. у якасці прадуктыўнай словаўтваральнай мадэлі), не атрымалі распаўсюджвання ў беларускай мове.

«Гэтая рыса царкоўнаславянскага словаўтварэння на расейскай ніве атрымала далейшае развіццё: *видоизменять, разновидность, закономерность, победоносный, умиротворенный* (па-беларуску, адпаведна: *адмяняць (зьмяняць), адменьнік, рэгулярнасьць, пераможны, заміраны*). Да бізантыйскіх калек у XVIII–XIX стст. прытачыліся калькі з нямецкае мовы, дзе таксама пашыраныя складаныя словы. У беларускай мове часцей як у расейскай ужываліся нямецкія карані, словы з каранямі нямецкага паходжання: *кошт, кшталт, гвалт, меркаваць, кіраваць, мардаваць* прыжыліся даўно, але складаныя і складанаскарочаныя словаўтваральныя мадэлі амаль зусім не ўжываліся» (Пацюпа 2009).

Вывады

Суфіксальныя і складаныя лексемы, што ўжываюцца ў сучасных беларускіх СМІ, сведчаць пра запознены другарадны царкоўнаславянскі ўплыў, які сягоння адназначна ўспрымаецца як русіфікацыя*; таму што царкоўнаславянскія настолькі глыбока закарэненыя ў рускай мове, што яе сучасныя носьбіты не адчуваюць чужасць гэтых адзінак, і часта не падазраюць аб іх паходжанні. Адзінкі: *благородный, могущество, (пре)имущество, вероломный, предпочитают, гостеприимство, суеверие* цесна звязаныя з жыццёвым укладам, бытам і ўспрымаюцца як уласныя моўныя рэсурсы.

А. Макарава адзначае, што сэнсавыя акцэнтны *блага* ў сучаснай рускай мове змяшчаюцца з паняццяў духоўнае, нябеснае, боскае, небытавое ў сферу будзённую, рэчыўную, але такое разуменне *блага* як зямной, матэрыяльнай каштоўнасці не з’яўляецца агульным для ўсіх носьбітаў рускай мовы, сярод людзей веруючых захоўваецца разуменне *блага* як нечага, што ідзе ад Бога, што мае ў сабе духоўны стрыжань (Макарова 2006: 59).

Беларуская мова пры агульнай адмоўна-ацэначнай характарыстыцы лексемы *блага* адлюстроўвае дыяхронныя змены, звязаныя з прасоўваннем праваслаўя на беларускія землі. У сучаснай беларускай мове існуюць паралельныя назвы рэлігійнага свята *Звеставанне* і *Дабравешчанне*, слоўнікі прыводзяць і пазней утвораную

* Поцюпа дэфінуе сучасную русіфікацыю беларускай мовы перш за ўсё праз другарадны ўплыў царкоўнаславянстваў.

назву – *Благовешчанне*, якая ўзнікла пад уплывам рускай мовы, ў якой гэтакія сьвята мае назву *Благовест*. Традыцыйныя земляробчы каляндар беларуса быў цесна звязаны з паганскімі традыцыямі і вераваннямі, частка з якіх захавалася і да сёння, хрысціянізацыя не выцесніла цалкам старажытны паганскі вопыт беларуса, праваслаўныя сьвяты наклаліся на паганскія, гэтыя рэлікты прывялі да суіснавання ў сучаснай мове некалькіх варыянтаў адной назвы. Гэты факт пацвяржае пазнейшыя другасны ўплыў царкоўнаславянскіх праз рускае пасрэдніцтва, а разам з тым акрэслівае “прапанову” змен у ментальнай матрыцы беларуса, калі сумяшчаюцца паняцці з супрацьлеглай семантыкай.

Разгледжаны аспект засваення іншамовных пазычанняў пацвяржае неабходнасць уліку сацыякультурных умоў і гістарычных кантэкстаў засваення лексічных адзінак. Лінгвакультуралагічны і лексікаграфічны каментарыі становяцца неабходнымі элементамі ў даследаваннях мовных узаемадзеянняў. Прыклад успрымання канцэпта *блага* ва ўсходнеславянскіх мовах можа стаць асновай не толькі мовных, але і культуралагічных даследаванняў змен і развіцця рэлігійных традыцый усходніх славян.

Заўвагі

Цытаты з артыкула Ю.Пацюпы (стар. 2 і 6) прыведзены ў артыкуле без змен, з захаваннем аўтарскага напісання: Пацюпа Ю. (2009), *Беларуская мова ў часе*. Рэжым доступу: <http://nation-sos.info>. Доступ: [8.07.2009].

Бібліяграфія

- Атраховіч К.К. і кал. (1977), *Тлумачальны слоўнік беларускай мовы ў 5-ці тамах*. Атраховіч К.К. (red.), Мінск: БелСЭ 1977.
- Бусел В.Т. і кол. (2004), *Великий тлумачний словник сучасної української мови*. Бусел В.Т. (red.), Київ: ІРПНБ: ВТФ Перун 2004, 1217 с.
- Гирин Ю. (2006), *Об одном авангардистском концепте*. [In:] Академические тетради, выпуск 12, Тетрадь шестая. История литературы, М. 2006, Рэжым доступу: <http://independent-academy.net/science/tetradi/12/girin.html>. Доступ: [22.06.2010].
- Дронова Л.П. (2005), *Прилагательное благой в историко-культурном контексте*. [In:] «Известия Уральского государственного университета. Гуманитарные науки», № 39, 2005, Выпуск 10, с. 175-190.
- Колосова Е.И. (2007), *О грамматической синонимии у глаголов книжного характера*. [In:] В.А. Богородицкий: научное наследие и современное языковедение. Материалы Международной научной конференции. Казань: Казан. гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина. Рэжым доступу:

- <http://kls.ksu.ru/boduen/bogorart.php?id=3&num=13000000>.
Доступ: [25.09.2009].
- Клименко Л.П. (2001), *Лексика с корнем благо- и композиты с компонентом благо- в старославянском языке X-XI вв.* [In:] «Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского». Серия: Филология, 2001, с. 22-31.
- Макарова А.А. (2006), *История слов с частью «благо» как отражение русской ментальности.* [In:] Сборник статей студентов и аспирантов по материалам научной конференции Всероссийского форума молодых ученых-филологов *Родная речь – Отечеству основа*, М. 2006, с. 55-59.
- Мусорин А.Ю. (2000), *Церковнославянский язык и церковнославянизмы.* [In:] *Наука. Университет. 2000.* Материалы Первой научной конференции. Рэжим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics2/musorin-00.htm>. Доступ: [19.09.2009]
- Пацюпа Ю. (2009), *Беларуская мова ў часе.* Рэжим доступа: <http://nation-sos.info>. Доступ: [8.07.2009].
- Садчикова И.В. (2009), *Энантисемия как способ сосуществования противоположных оценочных компонентов в семантике слова.* [In:] «Известия Самарского научного центра Российской академии наук», т. 11, 4 (5), 2009.
- Улуханов И.С. (1972), *О языке Древней Руси.* М.: Наука 1972.
- Улуханов И.С. (2003), *Церковнославянский язык русской редакции: сфера распространения и причина эволюции.* [In:] «Исследования по славянским языкам», № 8. Сеул 2003, с. 1-26.
- Фасмер М., *Этимологический словарь русского языка.* Рэжим доступа: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Vasmer-term-958.htm>. Доступ: [20.06.2010].
- ЭССЯ (1975), *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд.* Под ред. О.Н. Трубачева. Выпуск 2, М.: Наука 1975.

Summary

The paper focuses on the contemporary interference in Belarusian language, touches on the older process of lexical internationalization and its impact on the contemporary east Slavonic languages. Interference is studied on the example of the adaptation of "cerkovnoslovjanisms" (Church Slavonic terminology), (on the example of the lexeme 'blago').

В статье анализируются отдельные проявления интерференции в современном белорусском языке. В ней описываются также некоторые процессы интернационализации, которые происходили в XVI–XVII вв. в восточнославянских языках при адаптации церковнославянизмов. Последствия этих процессов в современных белорусском, русском и украинском языках рассматриваются на примере лексемы *благо*.

Гульзухра К. Касимова, Ольга С. Жесткова

О МЕТОДОЛОГИИ АНАЛИЗА ОДНОТИПНЫХ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ГРУПП В НЕБЛИЗКОРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКАХ

Семантика мотивированных многозначных слов, во многом обусловленная семантикой мотивирующей основы, представляет собой сложное и разноплановое явление.

«Изучение разнообразных случаев проявления семантической соотносительности производных и производящих основ, которая, несомненно, носит характер закономерности, может пролить свет на многие нерешенные вопросы семасиологии, лексики, слово- и формообразования, грамматики» (Тихонов 1967: 113).

Исследование соотносительности семантики производящих и производных основ до сих пор остается актуальным, так как оно позволяет раскрыть источники формирования производных значений.

Объектом нашего внимания являются имена существительные, мотивированные глаголами созидания и разрушения, с точки зрения рассмотрения соотносительности семантики мотивирующих и мотивированных слов, выявления источников формирования многозначности и установления типов полисемии. Помимо этого результаты исследования сопоставляются с аналогичным материалом в английском языке. Большая часть анализируемых существительных в русском языке образована при помощи суффиксов *-ниж-*, *-к-*, нулевого суффикса и обладает деривационным значением опредмеченного действия, состояния (*nomina actionis*): *воспроизведение, образование, основание, переработка, постройка, порубка, засечка, разрушение, ликвидация* и т.п. В английском языке рассматриваются подобные по семантике девербативы на *-ing*, *-ion*, *-ment*, *-ance*, которые зачастую именуются перфектными существительными (Vendler 1967: 24): *affliction, mutation, erosion, impairment, extermination, logging, development, performance, division* и т.п. Данные существительные называют действие вне отношения ко времени его протекания, законченности, длительности, т.е. вне характеристик залога и вида, развивая неглагольные, субстантивные значения.

Отглагольные существительные характеризуются гибридной природой и вследствие этого семантической неоднородностью, которая проявляется в сочетании двух общекатегориальных значений: процессуальности и предметности. Глаголы созидания и разрушения относятся к семантическим разрядам активного действия и находятся в центре глагольной системы, поскольку они наиболее ярко выражают семантику глагола как части речи. Производные существительные образуются по продуктивным словообразовательным моделям и характеризуются разнообразием семантических структур. Словообразовательные процессы сопровождаются сложными семантическими преобразованиями, возникающими как между производящим словом и его производным, так и внутри производного слова.

В русском и английском языках семантика действия, процесса, состояния выражается, как правило, глаголами, а также их субстантивными дериватами со значением процессуального признака, которые, сохраняя значение мотивирующего слова в полном или частичном объеме, преобразуют исходную семантику в новую форму. Многие отглагольные существительные с таким значением в лингвистике (М. Докулил, Е. Курилович, Е.А. Земская) относят к области синтаксической деривации.

«При синтаксической деривации внутри одного деривата сплетаются два разнопорядковых категориальных значения при доминирующем положении одного из них и без особой конкретизации их отношений... Синтаксическая деривация представляет собой такую разновидность транспозиции, которая не влечет за собой никаких лексических последствий» (Кубрякова 1981: 150).

Ср.: *изготовление, обогащение, открепление, отравление, отсечение* и мн. др. В то же время отнесение всех отглагольных существительных со значением процессуального признака к области синтаксической деривации не совсем правомерно, так как детальное изучение девербативов показывает, что «транспозиция очень и очень часто осложняется семантическими сдвигами» (Кубрякова 1981: 156).

Анализ показывает, что рассматриваемые существительные обладают большим семантическим потенциалом и, зачастую, структура их лексических значений не тождественна структуре значений мотивирующих слов. В центре сложной семантической структуры *nomina actionis* находится значение опредмеченного действия, а вокруг него концентрируются связанные с ним вторичные предметные номинации, наделенные семой действия.

Глагол, как писал академик В.В. Виноградов (1972), является самой сложной и самой емкой грамматической категорией. В структуре предложения он занимает центральное место. Вокруг него

концентрируются различные компоненты: дополнения, обстоятельства, которые в лингвистической семантике называются аргументами, или актантами. Их наличие и количество определяется анализом обозначаемой глаголом ситуации. Другими словами, речь идет о семантических валентностях глагола, то есть о способности слова сочетаться с другими элементами. Состав валентностей у глагола варьируется в зависимости от его грамматических признаков: переходности/непереходности, залогового значения, возвратности.

Учеными установлено, что с семантической валентностью производящего глагола тесно связана регулярная многозначность синтаксических дериватов.

«Значения орудия, места, результата, объекта и т.д. у отглагольных существительных отражают связи действия с условиями его реализации. Сам глагол не может иметь вторичных значений вне общего значения действия, поэтому такого рода значения выражает его синтаксический дериват» (Апресян 1972: 182).

Глаголы созидания и разрушения требуют обязательного наличия объекта, создаваемого или разрушаемого.

«Глаголы созидания предполагают такое преобразование исходного объекта, в результате которого возникает новый (полезный для человека) объект. ...в схеме созидания есть два разных участника: исходный материал (обычно это множество каких-то объектов или вещество: *шить платье* – ткань; *лить пули* – металл; *варить суп* – продукты; *резать ложки* – дерево; *клеить бумажные коробочки* – бумага и т.п.) и конечный (создаваемый) Объект-Результат» (Кустова 2004: 87).

Глаголы разрушения, уничтожения имеют разный смысл.

«Применительно к живому это означает прекращение жизни (*сломать дерево; убить птицу*), применительно к артефактам – невозможность дальнейшего использования, функционирования (*сломать карандаш; раздавить коробок*) и т.д.» (Кустова 2004: 88).

Действие, производимое глаголами созидания, обязательно целенаправленно. Объект, в основном, неодушевленный, однако в отдельных случаях является одушевленным (*to procreate children - рождать детей*). Действие же деструктивных глаголов может быть как целенаправленным (*to liquidate a gang - ликвидировать банду*), так и нецеленаправленным (*to break a cup - разбить чашку*), объект при этом – как неодушевленный, так и одушевленный. По своей семантике эти глаголы имеют обязательные две валентности. При этом в анализируемых языках, помимо объекта, субъекта, глаголы созидания и разрушения предполагают орудие или средство осуществления действия, а также причины или условия.

Сопоставительный анализ семантики производящих глаголов и мотивированных ими *nomina actionis* в русском и английском языках позволяет выявить следующие закономерности:

1. У однозначных глаголов, как правило, производные существительные однозначны:

<i>изничтожать</i> – уничтожение;	<i>afflict</i> – affliction;
<i>искоренить</i> – искоренение;	<i>impair</i> – impairment;
<i>истребить</i> – истребление;	<i>disrupt</i> – disruption;
<i>попрань</i> – попранье.	<i>misappropriate</i> – misappropriation.

У многозначных глаголов производные существительные принимают:

а) все значения производящего глагола:

ВЫПОЛНИТЬ, сов., перех. (несов. **►ВЫПОЛНЕНИЕ**, ср. Действие по выполнять).

знач. глаг. выполнить–выполнять.

1. Осуществить, совершить что-л. задуманное или порученное; исполнить.

2. Изготовить, создать, сделать.

ERODE, vt [often passive] ~ (sth)

1. To gradually destroy the surface of sth through the action of wind, rain, etc.; to be gradually destroyed in this way

2. To gradually destroy sth or make it weaker over a period of time; to be destroyed or made weaker in this way.

►EROSION noun [U]: the erosion of the coastline by the sea ◊ soil erosion ◊ the erosion of her confidence

б) производные сохраняют лишь часть значений производящего глагола, чаще основное, чем переносное:

ОТРАВИТЬ, сов., перех. (несов. травить).

1. Умертвить с помощью отравы, яда.

2. перен. Оказать вредное, губительное влияние на кого-, что-л.

3. Сделать ядовитым что-л., приме-шав, всыпав яд.

4. перен. Лишить радости, сделать неприятным.

►ОТРАВЛЕНИЕ, ср. Действие по глаг. отравить–отравлять (в 1, 2 и 3 знач.); действие и состояние по знач. глаг. отравиться–отравляться (*ОТРАВИТЬСЯ*, сов. (несов. отравляться и травиться 1). Приняв отраву, яд, покончить с собой. || (несов. только отравляться). Заболеть или умереть в результате воздействия на организм ядовитых веществ.)

INFECT, vt ~ sb/sth (with sth)

1. to make a disease or an illness spread to a person, an animal or a plant.

2. [usually passive] to make a substance contain harmful bacteria that can spread disease contaminate.

3. to make a computer virus spread to another computer or program

→ ► *INFECTION*

1 [U] the act or process of causing or getting a disease.

→ 2 [C] an illness that is caused by bacteria or a virus and that affects one part of the body: an ear / throat, etc

в) значительная часть существительных добавляет свои значения, включая термины:

ДРОБИТЬ, несов., перех.

1. (сов. раздробить). Разбивать, рас-калывать на мелкие части; размель-чать.

2. (сов. раздробить). Делить на части; расчленять.

3. без доп. Разг. Часто, прерывисто стучать.

► *ДРОБЛЕНИЕ*, ср.

1. Действие по глг. дробить (в 1 и 2 знач.) и состояние по глг. дробиться (в 1 и 2 знач.).

2. Биол. Процесс деления оплодотворенного яйца многоклеточных животных организмов на клетки; сегментация.

В процессе деривации участвует часть значений мотивирующих глаголов; 1 и 2-й ЛСВ служат производящей базой для исходного значения девербатива, на основе которого наблюдается формирование вторичного, специализированного ЛСВ, термина. Другими словами, в существительном проявляется сужение семантики производящих глаголов *дробить*, *дробиться*, и в то же время отмечается расширение структуры девербатива за счет появления термина. Если первый ЛСВ существительного *дробление* – результат синтаксической деривации, то второй ЛСВ образуется в результате семантической деривации.

REVERSE, vt&t.

1 [vn] to change sth completely so that it is the opposite of what it was before:

2 [vn] to change a previous decision, law, etc. to the opposite one revoke.

3 [vn] to turn sth the opposite way around or change the order of sth around.

► *REVERSION*

1 [U, sing.] ~ (to sth) (formal) the act or process of returning to a former state or condition.

2 [U, C] (law) the return of land or property to sb.

3 (law) the process of allowing the former owner of a property to continue to use it if they pay rent to

4 (especially BrE) when a vehicle or its driver reverses or the driver reverses a vehicle, the vehicle goes backwards. the new owner; a legal agreement where this happens: a leaseback arrangement.

Мотивирующей базой для исходного значения английского существительного *reversion* («возвращение (к прежнему состоянию)») является первый ЛСВ глагола *reverse*. В результате семантической деривации происходит расширение смысловой структуры девербатива *reversion*, так как на его основе развиваются два вторичных ЛСВ, юридические термины: 2. возвращение имущества к первоначальному собственнику или его наследникам. 3. страховка, выплачиваемая после смерти.

В целом, наблюдения показывают, что существительные *nomina actionis*, образованные от глаголов созидания и разрушения, склонны к усвоению нескольких значений производящего, что служит развитию полисемии девербативов. Например, из 108 рассмотренных существительных русского языка многозначными являются 78 производных, а в английском - 67 из 94. При этом английские номинативы более последовательно и полно, хотя и не регулярно, отражают разные типы лексических значений производящего глагола: прямые, метонимические и метафорические. Полисемия отглагольных названий может возникать, на наш взгляд, различными путями. Многозначность производного существительного может быть как отражением многозначности мотивирующего глагола, так и результатом развития вторичных значений в структуре самого девербатива.

Выражение процессуальности глаголом и *nomina actionis* в русском и английском языках неодинаково: имя называет «отвлеченное от производителя и как бы субстантивированное (опредмеченное) действие, без указания на сам характер его протекания, то есть без оттенка времени, лица и числа...» (Новиков 1998: 29). В ряде случаев так называемый процесс «субстантивизации» имен действия приводит к тому, что производные существительные наряду с первичными (процессуальными) приобретают вторичные (предметные) значения, которые, в свою очередь, носят гибридный характер. Они тесно связаны с общим лексико-грамматическим значением имени существительного как части речи и в то же время испытывают на себе влияние специфики глагольной семантики. Исследования показывают, что разные суффиксальные типы при этом неодинаково передают значения действия и, кроме того, имеют различные возможности в приобретении вторичных значений.

Так, в русских отглагольных существительных на *-ние*, *-тие* «связь с глаголом и, следовательно, значение протекающего, совершающегося

действия ощутима [...] более живо, чем в прочих существительных со значением действия» (Потебня 1968: 95). Ср.: *развертывание*, ср. Действие по знач. глаг. *развертывать* и *развертываться*; *устранение*, ср. Действие по знач. глаг. *устранить*–*устранять*. Следует заметить, что значительная часть девербативов на *-ние* представлена сложной семантической структурой, в которой наряду с процессуальным значением содержатся и предметные номинации: *изобретение*, *образование*, *основание*, *построение*, *сооружение*, *создание*, *учреждение* и др.

Отглагольные имена с суффиксом *-к-* или нулевым также характеризуются совмещением в своей семантике процессуальных и предметных значений. Первые «отражают» соответствующие глагольные ЛСВ, обозначающие действие (процесс), вторые развиваются на их основе и лишь опосредованно мотивированы глагольной семантикой. Процессуальные ЛСВ девербативов «действие со значением результативности» мотивируют именные предметные ЛСВ «результата действия». Ср.: *Доделка*, ж. разг. 1. Действие по знач. глаг. *доделать*–*доделывать*; дополнительная обработка для окончательного изготовления чего-л. 2. То, что доделано, результат доделывания. *Выпуск* м. 1. Действие по знач. глаг. *выпустить*–*выпускать*. 2. Устар. Пропуск, пропущенное место; то, что исключено (из текста). 3. Часть литературного или научного произведения, издаваемая отдельной книгой, брошюрой. 4. Группа учащихся (класс, курс), окончивших учебное заведение одновременно. 5. Обл. Выгон для скота; пастбище. Наряду со значением результата действия девербатив *выпуск* содержит объектное (2, 3, 4 ЛСВ) пространственное значения (5 ЛСВ). Объект при этом может быть неодушевленным (2, 3 ЛСВ) и одушевленным (4 ЛСВ).

В английском языке наиболее близкими к семантической структуре мотивирующего глагола являются герундии (девербативы, образованные от глагола с помощью особого аффикса *-ing*: *baking*, *destroying*). Причем практически все глаголы могут присоединять этот суффикс, кроме модальных и ряда других (н-р, *beware*) (Quirk, Greenbaum, Svartvik 1985: 163). Герундии обладают смешанными семантико-синтаксическими свойствами, тем самым отличаясь широким дистрибутивным и функциональным диапазоном. В отличие от других отглагольных существительных (н-р, на *-ion*) герундии сохраняют ряд глагольных свойств: валентность, использование наречия в качестве определения и др. Именно поэтому принято считать, что глагольная составляющая герундия является определяющей, а номинативные свойства присущи ему лишь внешне (на уровне синтаксиса), а не внутренне. Однако многие номинативы на *-ing* (н-р, *building*, *flogging*, *beginning* и т.д.) в процессе лексикализации практически полностью переходят в разряд

существительных, расширяя тем самым свою семантику (Джандубаева 2007: 144).

В английском языке встречается также ряд существительных, образованных от глагола при помощи суффиксов *-ion*, *-ment*, а также конверсии (*to forge* – *forge*). Наиболее продуктивным и частотным среди них является аффикс *-ion*. Данные девербативы обладают большим лексическим потенциалом, представляя собой деривационные процессы с «открытой семантикой».

«Словообразовательные процессы с открытой семантикой обеспечивают образование единиц с обширными семантическими контурами; [...] семантика лексической единицы обусловлена определенным контекстом или ситуацией» (De Caluwe J. 1992: 138).

Данные номинативы в отличие от герундия имеют в своей семантической структуре не только значение процессуальности, но и развивают вторичные ЛСВ: объект, место, способность, качество. Ср.: **Performance**, noun. 1. [C] *the act of performing a play, concert or some other form of entertainment*. 2. [C] *the way a person performs in a play, concert, etc.* 3. [U, C] *how well or badly you do sth; how well or badly sth works*. 4. [U, sing.] (formal) *the act or process of performing a task, an action, etc.* 5. [sing.] (informal, especially BrE) *an act that involves a lot of effort or trouble, sometimes when it is not necessary*. **Creation**, noun. 1. [U] *the act or process of making sth that is new, or of causing sth to exist that did not exist before*. 2. [C] (often humorous) *a thing that sb has made, especially sth that shows ability or imagination*. 3. (usually the Creation) [sing.] *the making of the world, especially by God as described in the Bible*. 4. (often Creation) [U] *the world and all the living things in it*. В семантической структуре существительного **creation** на базе процессуального развиваются значения объекта (2, 4 ЛСВ), как одушевленного (4ЛСВ), так и неодушевленного (2, 4 ЛСВ).

Структура мотивированного слова, как известно, двухкомпонентна, она включает в себя мотивирующую часть и формант.

«Производное – это номинативный знак, сочетающий общекатегориальные значения исходного и результативного классов деривации и отражающий их в своей формальной и смысловой структуре расчлененным образом. Расчлененность цельнооформленной структуры производного обусловлена совмещением в нем разнородных первичных значений, каждое из которых получает отдельную форму выражения» (Кубрякова 1981: 65).

В то же время во многих словах после выделения мотивирующей и формантной частей остаются дополнительные семантические компоненты (Улуханов 2004: 96–101). Не являются исключением и рассматриваемые существительные.

Исследование показывает, что отдельные глаголы выступают в качестве мотивирующих одновременно в различных словообразовательных типах. Ср.

выпускать: выпустить:

edit – editing, edition, editor;

выпускание, выпуск;

break – breaking, breakage, breaker;

ломать: ломанье, ломка, лом;

build – building, builder, etc.

строить: строение, стройка,

строительство, строитель и т.п.

Следует отметить, что словообразовательные ряды в русском языке отличаются бо'льшим разнообразием деривационных аффиксов, чем в английском, где наблюдается определенная четкость в выборе форманта: *-ing* – в основном для образования герундия; *-er* – для имен лиц; *-ion*, *-ment* и др. – для имен действия (причем в зависимости от образующей основы используется лишь один суффикс: ср. *установление, установка – installation*).

Рассмотрение отдельных групп производных с одной мотивирующей основой и различными формантами показывает неоднозначную картину. Так, например, глагол **строить** содержит в своей структуре 9 ЛСВ, в создании же производных участвуют лишь первые два, что свидетельствует о сужении семантики глагола в производных единицах. Процессуальное значение по 1 и 2 ЛСВ глагола (**1. Сооружать, возводить, воздвигать** (здание, постройку, сооружение). **2. перен. Созидать, создавать**) представлено в качестве исходного у девербативов с различными формантами: **строение, стройка**. В существительном **строительство** 1 и 2 ЛСВ глагола распределяются по отдельным его значениям: **1. Возведение зданий, сооружений; стройка, постройка. 2. перен. Создание, построение, организация чего-л.**

Во вторичных предметных номинациях представлен результат актуализации объектного компонента пропозиции: **строение**, 2 ЛСВ; **стройка**, 2 ЛСВ; **строительство**, 3 ЛСВ.

Существительное **строитель**, являясь лексическим дериватом, характеризуется мутационным значением и содержит два ЛСВ. Значения лица передаются при помощи форманта *-тель*. Оба значения появляются в процессе актуализации субъектного компонента глагола в 1 и 2 значениях. Перед нами, согласно Шишову (1999), результат отраженной полисемии, при которой значения мотивирующего в полном или частичном объеме передаются мотивированному.

Сужение семантики производящего глагола наблюдается и в английском языке. Однако при рассмотрении группы производных от основы *build* выявляются некоторые различия. Так глагол *build* имеет 3 ЛСВ:

BUILD, verb. 1 to make sth, especially a building, by putting parts together. 2 [vn] to create or develop sth. 3 [v] (of a feeling) to become gradually stronger.

В результате конверсии от первого ЛСВ глагола *build* образуется существительное с объектным значением:

BUILD, noun [U, C, usually sing.] the shape and size of the human body.

Значения процесса и результата, развивающиеся также на базе первого ЛСВ глагола, передаются с помощью аффикса *-ing*:

BUILDING, noun. 1 [C] a structure such as a house or school that has a roof and walls. 2 [U] the process and work of building.

Следует заметить, что по форме существительное *building* совпадает с герундием, который реализует все значения базового глагола. Данная словоформа (герундий), как правило, объясняется в словарях путем ссылки на мотивирующий глагол.

При актуализации субъектного компонента глагола 1 и 2 ЛСВ глагола служат основой для образования имени лица, лексического деривата:

BUILDER, noun. 1 a person or company whose job is to build or repair houses or other buildings. 2 (usually in compounds) a person or thing that builds, creates or develops sth.

Так, выступая в качестве производящих одновременно в различных деривационных типах, английские глаголы менее разнообразны в выборе словообразовательных формантов, а также обнаруживают сравнительно меньшее количество ЛСВ в своей семантике, в отличие от русских дериватов.

Таким образом, отглагольные существительные, мотивированные глаголами созидания и разрушения, представляют собой богатый лексический материал для формально-семантического описания словообразовательных преобразований, что является важной лингвистической задачей, так как позволяет установить влияние семантики исходного слова на структурную организацию производного, показать особенности образования отдельных значений мотивированных слов, выявить влияние семантики мотивирующего слова на продуктивность тех или иных категорий мотивированных слов.

Литература

- Апресян Ю.Д. (1974), *Лексическая семантика. Синонимические средства языка*, Москва.
- Виноградов В.В. (1972), *Русский язык (грамматическое учение о слове)*, Москва.
- Джандубаева Н.М. (2006), *К вопросу о базовых характеристиках английского герундия*. [In:] «Филологические науки», № 3.

- Кубрякова Е.С. (1981), *Типы языковых значений. Семантика производного слова*, Москва.
- Кустова Г.И. (2004), *Типы производных значений и механизмы языкового расширения*, Москва.
- Новиков А.И. (1983), *Семантика текста и её формализация*, Москва.
- Потебня А.А. (1968), *Из записок по русской грамматике*, Москва.
- Тихонов А.Н. (1967), *О семантической соотносительности производящих и производных основ*. [In:] «Вопросы языкознания», № 1.
- Улуханов И.С. (2004), *Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания*, Москва.
- Ширшов И.А. (1999), *Теоретические проблемы гнездования*, Москва.
- Евгеньева А.П. (1981), *Словарь русского языка*: В 4-х т., Москва.
- De Caluwe J. (1992), *Bewildering polysemy of deverbal nouns. An onomasiological view on affixation with -er in Dutch*. [In:] «Spektator», № 21.
- Don Jan (1990), *Prefixed nouns in Dutch. Linguistics in the Netherlands*, University of Amsterdam, Amsterdam.
- Longman Dictionary of Contemporary English* (2001), Pearsons Education Limited, Cambridge.
- Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. (1985), *A comprehensive grammar of the English language*, Pearsons Education Limited, Cambridge.
- Vendler K. (1967), *Onomasiological approach to word-formation*, University Press, Cambridge.

Summary

The article is dedicated to the analysis of the semantics and the structure of derivatives (on the material of nouns motivated by verbs of construction and destruction in the Russian and English languages). We characterize lexico-semantic groups of the verb and deverbatives. In analyzed non-sister languages the correlation between the semantics of motivating and motivated words is studied, the sources of deverbatives' polysemy are revealed, types of polysemy are described.

Анна И. Бовсуновская, Наталия Г. Николаева

ЮГОЗАПАДНОРУССКОЕ И ПОЛЬСКОЕ ВЛИЯНИЕ В ЯЗЫКОТВОРЧЕСТВЕ ГРЕКОФИЛОВ

Развитие русского литературного языка на протяжении многих веков определялось влиянием книжных традиций Юго-Западной Руси. Первые проявления этого влияния связаны с началом христианизации Руси (X век), распространением религиозного просвещения и южнославянских (болгарских) богослужебных книг, представлявших собой переводы с греческого (Успенский 2002: 35-38). Греческие тексты, переведенные на Руси и южнославянские переводы, которые на Руси переписывались, составляли основу последующего развития литературы и языка. Вторая волна южнославянского (балканского) влияния относится к концу XIV века (Соболевский 1980: 147-150). Его значение заключается в начале последовательной книжной sprawy на Руси. Южнославянское влияние можно закономерно рассматривать как греческое, поскольку у южных славян были постоянные живые контакты с греками, постоянно осуществлялись переводы с греческого на церковнославянский язык и с XIII века имела место книжная справа, т.е. последовательная тенденция к нормализации церковнославянского языка. Второе южнославянское влияние непосредственно связано с византинизацией церковнославянского языка и церковной культуры.

В той же роли проводника греческого влияния в XVII веке выступает югозападнорусская традиция (т.н. «третье южнославянское влияние»), в значительной степени развивающая второе южнославянское влияние. Третье южнославянское влияние начинается с грекофильских настроений в 1640-е гг. Подобные настроения характерны для кружка московских «боголюбцев» во главе с протопопом Стефаном Вонифатьевым. В этот кружок входили Аввакум, Иоанн Неронов и будущий патриарх Никон. В 1649 г. по благословению Стефана Вонифатьева царь обращается к киевскому митрополиту с просьбой прислать в Москву сведущих в книжном деле людей, которые были бы «Божественного писания ведущи и еллинскому языку навичны», «для справки библии греческие на словенскую речь», т.е. для приведения церковнославянской Библии в соответствие с греческим текстом (Соболевский 1980: 418). В Москву

приезжают Епифаний Славинецкий и Арсений Сатановский, позднее, в 1650 г., к ним присоединяется Дамаскин Птицкий. Ртищев устраивает в 1648 г. в двух верстах от Москвы Андреевский училищный монастырь, заселив его югозападнорусскими монахами, которые преподают греческий язык. С середины XVII в., со времени патриарха Никона, имеет место массовая экспансия югозападнорусской культуры на фоне грекофильской ориентации. Греческие и югозападнорусские культурные стихии органически сливаются в русском культурном восприятии, например, Арсений Грек в приходно-расходных книгах Московского печатного двора именуется «киевлянином». Югозападнорусское влияние сказывается и на духовных школах. Они устраиваются непосредственно по югозападнорусским образцам, и, вместе с тем, там преподают представители Юго-Западной Руси. В частности, московская Славяно-Греко-Латинская Академия была точной копией Киево-Могилянской Академии (Верховской 1916: 100).

Однако надо учитывать, что Юго-Западная Русь находилась под сильным западным влиянием и, соответственно, выступала не только как посредник в контактах с греческой культурой, но и как посредник в контактах с культурой западноевропейской. Тем самым третье южнославянское влияние приводит к значительной латинизации русской книжной культуры и обуславливает борьбу грекофильской и латинофильской партии (к партии грекофилов относятся Епифаний Славинецкий, его ученик чудовский инок Евфимий, братья Лихуды, патриарх Иоаким; к партии латинофилов – Симеон Полоцкий и Сильвестр Медведев). Двойственность культурной и языковой традиции Юго-Западной Руси, включающей западноевропейский (латино-польский) и греческий компонент, находит свое отражение в трудах грекофилов, где, с одной стороны, последовательно выражается следование греческим образцам, с другой – лексические и грамматические особенности польского и латинского языков.

В трудах одного из представителей «грекофильства», выходца с территории Юго-Западной Руси, Епифания Славинецкого, влияние польского и латинского (а также украинского) языков обусловлено также длительной учительской деятельностью в Киевской братской школе (позже – Киево-Могилянской Академии), преподавание в которой велось на латинском языке.

В целях обучения латинскому языку в 1642 году Епифаний создает двуязычный словарь – Лексикон словено-латинский, – для основного реестра церковнославянской части которого использует «Лексикон словеноросский и именъ толкование» Памвы Берынды. Помимо материала Лексикона Берынды, в славянской части Лексикона Славяно-латинского обнаруживается значительное число авторских новообразований.

Особенно подобные образования распространены в сфере имен со значением лица. В их числе – композиты, представляющие собой кальки с греческого (**БОГОВОЛШЕВНИКЪ** (из греч. θεοπρόβος), **БРАНОНАЧАЛНИКЪ** (πολεμαρχος), **КЛОПОТОТВОРНИКЪ** (μεριμνοτόκος), украинизмы и полонизмы. Остановимся подробнее на двух последних.

К числу образований, не фиксируемых лексиконами XVII века, но включенных Славинецким в реестр Лексикона, относятся лексемы из польского и украинского языка, что явилось результатом происхождения составителя и длительного пребывания его на Украине. В СлРЯ XI-XVII в. эти слова в большинстве своем отсутствуют: **ЖУПНИКЪ** (польск. *żupnik* «управитель завода, начальник копей, солеварен» от *żura* «горный завод по производству соли, солеварня; в Старой Польше: копь, чаще всего соляная» (Uniwersalny słownik języka polskiego, 2003, 5: 807), **ШУБЕНИЧНИКЪ** (польск. *szubienicznik* – «тот, кто должен быть казнен на виселице» от *szubieniczny* – «висельный, связанный с виселицей», *szubienica* – «виселица» (Uniwersalny słownik języka polskiego, 2003, 4: 689)), **ПЫТЕЛНИКЪ** (польск. *pytelnik* – «мельник»), **КОЛЫСАТЕЛЬ** (от укр. **КОЛЫСКА** – «колыбель» – «качающий колыбель, баюкающий младенца»), **ГАЛАВАРТНИКЪ** (от укр. **ГАЛАВАРТЪ** – «алебарда» - «охранник, член свиты, вооруженный алебардой»).

Основная часть подобных лексем заимствована составителем из польско-латинско-греческого словаря Г. Кнапского, изданного в Кракове в 1621 г. («Thesaurus polonolatinograecum Gregorii Snapii»), о чем свидетельствует исследователь словарей В. Нимчук в предисловии к современному изданию: «Из этого труда в лексикон вошло много слов польского происхождения, правда, оформленных в соответствии с фонетикой староукраинского литературного языка. Они были настолько обычны в языке того времени, что могли восприниматься, как слова собственные, даже «славянские», иначе бы составитель не осмелился ввести их в реестр. Тем более, что составитель словаря происходил с территории распространения юго-западных говоров, где польско-украинские контакты имели достаточно длительную традицию <...>. Это как раз те слова, которые отсутствуют в Лексиконе Берынды (основном источнике реестра словаря Славинецкого. – А.Б.)» (Німчук 1973: 52).

Иногда фонетически адаптированные Славинецким полонизмы частично вступают в лексиконе в синонимические отношения с исконно русскими словами: **ЖУПНИКЪ** – «солевар, владелец соляных копей», **СОЛНИКЪ** – «солевар, солеторговец». Это проявляется и на уровне латинских соответствий: **ЖУПНИКЪ** – *salinator*, *salinarum praefactus*, **СОЛНИКЪ** – *salinator*.

Некоторые из них составитель пытается осмыслить с точки зрения русского языка, опираясь на соответствующие однокорневые лексемы, вследствие чего возникает полисемия.

Бесѣдникъ – «товарищ по застолью, сотрапезник» (*bescida* – «застолье, трапеза»), по-видимому, от польск. *biesiadnik* «участник беседы, принимающий участие в беседе» (*biesiada* – «банкет, прием, званый обед, застолье»). Славинецкий в своем Лексиконе приводит это значение: *conviva* – «гость, застольный товарищ, сотрапезник».

В СлРЯ XI-XVII в. **бесѣда** имеет значение «разговор, беседа». Присутствует образование **бесѣдникъ** в значении «собеседник». Это значение Славинецкий также отмечает: *collocutor* – «собеседник». Возможно, лексема **бесѣдникъ**, отмеченная в СлРЯ XI-XVII в., также, будучи заимствованной из польского, в русском языке приобретает соотношенность со словом **бесѣда**, но уже в ином значении. В связи с этим возникает омонимия, которую, однако, Славинецкий фиксирует как полисемию. Ни в одном из значений слово в языке не сохранилось, будучи вытесненным более ярким образованием **собесѣдникъ**, однако в языковом сознании Славинецкого оно было актуально, что, в первую очередь, объясняется значительным влиянием украинского языка.

Встречаются фонетические украинизмы: **змѣнникъ** (рус. **изменникъ**), **галавартникъ** (рус. **алевардникъ**).

Югозападнорусское влияние проявляется и в акцентологическом аспекте: большинство слов в Лексиконе имеет ударения, некоторые из которых не соответствуют норме церковнославянского языка: **лаѣтельбъ**, **зиждѣтель**, **танѣчникъ** («танцор, плясун»), **солнѣкъ** («солевар, солеторговец»), **скупнѣкъ**, («скупщик, торговец»), **ропотнѣкъ**, **рогожнѣкъ**, **пояснѣкъ**, **дѣвствѣнникъ**, **дровнѣкъ**, **брѣтнѣкъ**.

То, что Славинецкий активно осваивает и фиксирует в лексикографических трудах, он использует и в своей переводческой деятельности. В его переводе «Богословия» Иоанна Дамаскина мы встречаем такие слова, как **вага** (вариант – **вѣса**), фонетический полонизм **шкаредѣ** (вариант – **смадноѣ**), предлог **през** (вариант – **чрез**), возможно, этим же влиянием объясняется появление гапакса **глѣватость** (вариант слова **лѣпкость**). И в переводческой деятельности учеников Славинецкого встречаются югозападноруссизмы разного толка. Так, в переводе корпуса сочинений Псевдо-Дионисия Ареопагита Евфимием Чудовским обнаруживаются такие лексемы, как **первѣшій** (**прежднѣй** в первом переводе), **шкаредость** (**нелѣпота** в первом переводе), **горшій** (**хѣждѣшій** в первом переводе), **тревствѣетъ** (**подоваетъ** в первом переводе) и т.п.

Таким образом, как материал Лексикона, так и другие труды грекофилов свидетельствуют об их интенсивной работе над освоением

заимствований (фонетическим (**жүпникъ, шүвеничникъ**), семантическим (**всѣдникъ**) и др.) и их применением на практике. При этом не всегда возможно разграничить польские заимствования от югозападнорусизмов, те и другие – от случаев индивидуального словотворчества Славинецкого и других грекофилов, мыслящих, как это видно прежде всего из их лексикографической деятельности, в многоязычной парадигме (славяно-греко-латинской). Языковой эксперимент грекофилов почти полностью остался приметой их деятельности, языка и стиля, не оставив в словарном составе каких-либо значительных следов. Однако грекофилы были теми людьми, которые незаметно и невольно (ибо это не было их целью) подготовили почву для петровского «окна в Европу», расширив славянский и общеевропейский контекст русской истории.

Литература

- Верховской П.В. (1916), *Учреждение Духовной коллегии и Духовный регламент: К вопросу об отношении Церкви и государства. Исследование в области истории русского церковного права*, Ростов-на-Дону.
- Соболевский А.И. (1980), *Южнославянское влияние на русскую письменность в XIV-XV вв. Речь, читанная на годичном акте Археол. ин-та*, Санкт-Петербург.
- Успенский Б.А. (2002), *История русского литературного языка (XI-XVII вв.)*, Аспект Пресс, Москва.
- Німчук В.В. (1973), «Лексіконъ латинский» та «Лексікон словено-латинский» і їх місце в історії старої української лексикографії. [In:] *Лексикони Е. Славинецького та А. Корецького-Сатановського*, Наукова думка, Київ, с. 5-58.
- Uniwersalny słownik języka polskiego* (2003), т. 4, Wydawnictwo Naukowe PWN, Warszawa.
- Uniwersalny słownik języka polskiego* (2003), т. 5, Wydawnictwo Naukowe PWN, Warszawa.

Summary

The object of attention in this article is the reflection of Polish and South-West Russian influence in Russian literary language of XVII century. The material of the research is taken from lexicographic and translated works of such members of «graecophil»' association as Epiphaniy Slavinskij, Evphimij Tchudovskij and oth.

Лариса В. Рацибурская, Анастасия А. Тимофеева

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ТЕКСТАХ РУССКИХ И ЧЕШСКИХ СМИ

“Возрастание масштабов и интенсивности межкультурного и межъязыкового взаимодействия – одна из характерных примет современного общества” (Нещименко 2009: 29). В условиях современных глобализационных процессов особую актуальность приобретают вопросы, связанные со спецификой кросскоммуникации и культурно-языкового взаимодействия разных народов, и в частности проблема семантико-словообразовательной и прагматической эволюции интернациональной лексики в славянских языках.

По мнению исследователей, учет “прагматико-стилистических особенностей интернационализмов позволит судить как о специфике их освоения, так и о словообразовательном потенциале в каждом из сопоставляемых языков, отражающем особенности национального семантического мышления” (Коряковцева 2009: 182).

Интернационализмы и другие виды заимствований “не только подвергаются фонетической, морфологической и словообразовательной адаптации, но и включаются в словообразовательные процессы в языках-реципиентах” (Коряковцева 2009: 181).

“Интернациональные слова и морфемы способствуют увеличению фонда интернациональных языковых элементов в языках; эти элементы воздействуют на лексико-семантическую и словообразовательную системы языков, что проявляется в возникновении новых словообразовательных формантов и моделей; создаются лексические кальки и неологизмы по интернациональным словообразовательным моделям и др.” (Авина 2009: 64).

В современную эпоху “амероглобализации” (Е.И. Коряковцева), которая сменила трехсотлетнюю эпоху европейской глобализации, в разных языках наряду с латино-греческими элементами активно функционируют слова и морфемы английского происхождения. Более того, “греко-латинские аффиксы продолжают проникать в остальные

мировые языки, но уже при посредстве английского языка...” (Коряковцева 2009: 184).

На рубеже XX-XXI веков, отмеченном кардинальными изменениями в жизни мирового сообщества, в странах Восточной Европы “важные социально-экономические и общественно-политические преобразования протекали особенно стремительно и болезненно, завершившись одномоментным сломом не только общественной формации, но и мировоззренческих ориентиров” (Нещименко 2009: 30), что нашло отражение в англоязычной ориентации славянских языков: “Потребность в новых номинациях стала все чаще удовлетворяться за счет интенсивного притока англицизмов. Это не только облегчало доступ к современным достижениям в области науки, техники, культуры и пр., но и вводило этническую общность в мировой цивилизационный контекст” (Нещименко 2009: 30).

По мнению ученых, интернационализация в области словообразования протекает в трех основных направлениях: 1) активизация использования аффиксальных морфем иноязычного происхождения, которые сочетаются с основами как иноязычного, так и славянского происхождения; 2) трансформация иноязычных слов и корневых морфем в особые словообразовательные элементы (аффиксоиды); 3) включение заимствований в словообразовательные процессы, в которых иноязычные неологизмы выступают в роли деривационных основ, соединяющихся с аффиксами славянского происхождения (Gazda 2003: 70).

В этом аспекте актуально исследование словообразовательных элементов и деривационных процессов, которые находят отражение в текстах русских и чешских средств массовой информации. Ученые предполагают, что вследствие глобализации в славянских языках сложилась национальная и интернациональная словообразовательные подсистемы (Коряковцева 2009: 186). Об этом, в частности, свидетельствуют некоторые словообразовательные категории, которые обслуживаются интернациональными морфемами.

Так, в русском и чешском языках активно образуются существительные с суффиксами **-изм/-izmus**, **-изация/-izace**, называющие общественно-политические течения, направления, актуальные социальные явления. В текстах СМИ появляются новообразования с данными суффиксами: *Сокровенная суть телефильма состоит <...> не в оголтелом антизападничестве, антисемитизме, антипрогрессизме* (Завтра, 2008, № 7), *...чтобы их собственный дегенератизм не был виден* (К барьеру! 16.06.2009), *Зовут Павла Михайловича просто Пашей, а режим управления, который сформировался в Дзержинске, называют “пашизмом”* (Ленинская смена, 20.08.2009), *...до сих пор нет никаких реальных доказательств того, что Медведев отличается от Путина –*

или того, что “**медведизм**” существует (К барьеру! 2009, № 9), Малейшая йота “**бродскизма**” – в одной строке, в одном слове – и все стихотворение напрочь испорчено (Литературная газета, 15-21.07.2009), Сейчас заканчивается материальная эпоха. Закончились ее идеалы... А какие красивые были идеалы! Версаче! Все кругом Версаче! Туалетная бумага будет от Версаче, клетка будет от Версаче. **Версачеализация** всего и вся.... (Комсомольская правда, 25.12.08. – 01.01.2009), ...то, что у нас происходит, называют “**чеченизацией**” (Русский репортер, 18-25.06.2009), “**Эстонизация**” всей страны. Правительство Эстонии упростило процедуру “эстонизации” фамилий (Московский комсомолец, 27.03.2009), “**Пикалёвизация** страны (на базе топонима Пикалёво)” (К барьеру! 2009, № 9), В год 15-летия Рунета началась **web-ализация** чиновников (Известия, 08.04.2009); “**Natoizace**” (iHNED.cz, 16.12.2008), **YouTube-izace** americké politiky? (Aktuálně.cz, 25.10.2009) Esemesky se uplatňují také v politice. Takzvané “občanské kroužky”, které vznikly po těsné porážce pravice ve volbách v roce 2002, si slíbily, že vytvoří způsob tzv. **mobilizace**, aby v případě, kdy to bude potřeba, se pohnuly celé masy (Týdeník Rozhlas, 2004, № 24), Paradoxní je i Léviho-Straussova intelektuální pozice. Obhajoval mizející kultury a **ekologismus**. (Lidovky.cz, 05.11.2008).

В текстах русских и чешских СМИ широко представлены новообразования с суффиксом **-ucm/-ista**, называющие лиц – сторонников определенных идей, партий и движений, общественно-политических лидеров, известных деятелей культуры: ...различие между коммунистами и **солидаристами** (сторонниками «Солидарности» Г.К. Каспарова – Л.Р.) (Известия, 03.04.2009), Из парков исчезли “девушки с веслами” и прочие скульптуры, демонтированные **галатеистами**, обзаведшимися партнершами для парадного выхода (Завтра, 2009, № 23), **Граффитисты** разрисовали казармы (Ленинская смена, 21.05.2009), В ту пору нашими кинобогами были Феллини и Антониони. Во ВГИКе возник жесткий водораздел между **феллинистами** и **антонионистами** (Новая газета, 10.07.2009); Podle něj ji ale sjednocuje pohled, že “**ekologisté**” zneužívají dominantního vlivu člověka na globální teplotu. (Právo, 22.08.2009), Mluvit o titulu? Bezpředmětné, sykl **slávista** (футбольная команда Slavia – А.Т.) Šmicer (Týden.cz, 02.11.2009), Jestliže paní Mothejzliková a sdružení Meluzina, kam patří, jsou typickými “**nimbisty**” prostě jím elektrárny jako takové viceméně nevadí, jen je nechtějí mít za chalupou (Reflex, 22.11.2004), A nakonec nebo na začátek: **Privatista**. Tihle podnikatelé bez potřeby zisku podnikají cesty do neznáma, tedy do sebe (Právo, 06.08.2009), Dva góly kapitána Martina Dlouhého posunuly české **futsalisty** na finálový turnaj mistrovství Evropy 2010 v Maďarsku (Aktuálně.cz, 22.03.2009), Brněnští **beachvolejbalisté** slaví jubileum domácím šampionátem (iDNES, 07.09.2009).

В последние годы возросла словообразовательная активность греко-латинских по происхождению префиксов *супер-/super-*, *экс-/ex-*, *мега-/mega-*, чему, по мнению ученых, способствовала “амероглобализация” (Коряковцева 2009: 184). Данные префиксы функционируют не только в составе слов английского происхождения, но и присоединяются к исконным славянским основам. Префикс *супер-* указывает на высокую степень качества денотата - предмета или признака: *Две тысячи девятый станет для Германии годом супервыборов* (5-й канал, 19.01.2009), *Природа ответит на это появлением суперсорняков и супервредителей* (Телеканал РТР, 07.07.2009), *Строительство суперотеля* (Телеканал РТР, 07.06.2009), *Первый в 2009 году апрельский суперномер* вы, надеемся, с интересом прочли (Аргументы и факты, 2009, № 21), *...режиссер Айвен Райтман отпраздновал 2006 год выходом в свет своей новой комедии “Моя супербывшая”* (Акция, 13.11.2006).

В чешских СМИ префикс *super-* также является чрезвычайно активным: *...projel kolem nás první obří supermoderní a superdrahý traktor John Deere* (Novinky.cz, 29.09.2009), *Myslel jsem, že budeme alespoň devátí, neztrácel Banga humor při odchodu ze šaten..., Odvedli jsme superpráci, dodal* (Lidové noviny, 13.05.2009), *Nemyslím ale, že vytváření dalšího super-regulátora pro finanční služby by bylo přínosné* (E15, 27.10.2009).

Префикс *экс-* с семей “бывший”, заимствованной из английского языка, употребляется не только со словами, обозначающими звания, должности, но и со словами, обозначающими лицо в широком смысле – по профессии, роду деятельности, месту жительства, семейному положению: *Экс-начальник окружного отдела угрозыска* (Собеседник, 2009, № 22), *Экс-пилот “Русских витязей”* (Комсомольская правда, 20-27.08.2009), *Экс-инкассатору грозит судебно-психиатрическая экспертиза* (Телеканал РТР, 15.07.2009), *Михаил Овечкин, экс-лауреат многих конкурсов и террорист в отставке* (Телеканал НТВ, 16.05.2009), *Тогда-то и поползли слухи о романе экс-“Мисс-Вселенная” и танцора Александра Литвиненко* (Комсомольская правда, 08-15.01.2009), *Экс-неврастеник российского рок-н-ролла Петр Мамонов* (Известия, 29.04.2009), *Несколько часов экс-нижегородец нес его на себе по пустыне* (16-23.06.2005), *В отличие от экс-супруги Диброва, Полина решила, что карьера подождет, а дети - нет* (Собеседник, 2009, № 12), *Свидетелем со стороны жениха выступил адвокат Анатолий Кучерена, а тамадой – Евгений Болдин (экс-муж Пугачевой)* (Собеседник, 2009, № 12); *Komediální výstupy ex-ministryně Stehlikové a dalších to dokazují* (Novinky.cz, 21.09.2009), *Do Česka míří exvůdce Ku Klux Klanu* (Týden.cz, 07.04.2009), *Blažek se s ex-spart'any jen pozdravil* (Aktuálně.cz., 01.10.2009), *Druhou porážku United v letošní sezoně pak neodvrátil ani ex-liverpoolský útočník Michael Owen.* (Aktuálně.cz, 25.10.2009), *...že by mohl po volbách*

zkusit štěstí s novou stranou, jako to udělal **ex-lidovec** Miroslav Kalousek (DNES, 30.07.2009), *Madonna čepovala pivo v baru svého ex.* (Lidové noviny, 15.10.2009), *Politici podle něj se chovají nezodpovědně, pokud chtějí ex-špiónům práci pro stát nařizovat* (Právo, 01.08.2009).

Префиксальный элемент **мега-** размерно-оценочной семантики также достаточно активно участвует в образовании русских и чешских инноваций: *Мегафорум будет проходить с 20 по 23 мая...* (Радио России, местные новости, 13.05.2009), *Пятилетие отмечал и МегаФон. Поклонников пантомимы радовал мини-театр “Дождь”.* *А Мегахудожник дарил забавные карикатуры* (Московский Комсомолец в Чебоксарах, 18-25.09.2009), *“Мегаславяне”* (Собеседник, 2009, № 26); *V případě smíchovského a žižkovského megaprojektu je to spíše 15letý horizont.* (Hospodářské noviny, 22.10.2009), *Stomiliardová megaprivatizace je takovým lákadlem, že by tu neodolala ani úřednická vláda* (E15, 16.06.2008), *Na vlastní nebezpečí Filipa Renče vydělal v kinech skoro 17 millionů korun, což je po megaúspěšném Romanu pro ženy zklamání* (E15, 19.06.2008).

Из интернациональных префиксов продуктивность в последнее время проявляют также префиксы **анту-/anti-** со значением отрицания, противоположности, **псевдо-/pseudo-** с семантикой неистинности, ложности.

Как избежать наезда антирейдеров? (Наша версия, 11-17.08.2008), *80-е годы, глава “Новых технологий” Окаемов пытается вырастить антихакеров-профессионалов, способных предотвращать технологические преступления* (Комсомольская правда – Нижний Новгород, 30.06.2008), *Однако и эта “антиновация” не прошла* (Аргументы и факты, 2009, № 21), *Громкая история стала антипиаром для звезды* (Телеканал REN TV, 17.05.2009), *На фоне очередной антиманьячной кампании...* (Телеканал “Волга”, 03.05.2008), *В Москве пройдут антинатовские акции* (Телеканал REN TV, 02.04.2008); *У нас нет никакой оппозиции; то, что мы имеем, – это псевдоопозиция* (Телеканал РТР, 28.06.2009), *Компания отозвала партии псевдомилдроната из торговли* (Телеканал REN TV, 11.04.09), *Такой псевдоспред должен носить имя “молочно-растительный продукт”* (1-й канал, 25.08.2009), *Как распространители псевдомедицинских приборов могли обмануть ее, фронтовую медсестру!* (5-й канал, 13.07. 2009), *роман-предупреждение, революционный роман и эпитафия псевдоправлящему псевдоклассу* (Завтра, 2009, № 5); *Antiradnice roku* (Týden.cz, 01.11.2009), *Osvícenci chtěli sňatky pro bezverce, revolucionáři chtěli anti-sňatky* (Lidové noviny, 26.09.2009), *Jedenapadesátiletý Milan Pech je typický anticestovatel* (iDNES.cz, 12.07.09), *V púlce měsíce TÝDEN.CZ informoval o podobně laděné akci z dílny reklamních tvůrců: Anti-Santa* (Týden.cz, 24.12.2008), *...využijeme k tomu vašeho šíleného antikuřáckého zákona...* (Lidové noviny, 25.07.2009);

Dítě mám jedno a pseudo-celebrity jsou směšné (Blesk.cz, 01.09.2009), *...producenti podtrhli pseudo-romantický kýč....* (Novinky.cz, 02.10.2009), *I v něm kombinoval pseudo-dokumentaristický styl s precizními počítačovými efekty.* (Novinky.cz, 17.08.2009), *Proto jsou tyto pseudopodnikatelé běžnými nástroji ochrany trhu nepostižitelní.* (E15, 18.06.2008). Кроме того, высокую активность проявляют в чешском языке префиксы *gunep-/hyper-* (синонимичный префиксу *cynep-*) и *экстра-/extra-* с семантикой: *“Jeho Bobstvo” sice vzalo mnohdy hyper-patetické zpívanky s úctou, kterou už mnozí dávno pozbyli, a nazpívalo je po svém* (Aktuálně.cz, 02.11.2009), *V diplomatických kuloárech se o extra uvítání mluví jako o důkazu ne zrovna vřelých vztahů mezi oběma nejvyššími českými politiky* (Aktuálně.cz, 03.04.2009), *“Žádný další extra nadstandard současný český zdravotní systém ani nedovoluje”, podotýká Ludvík* (Aktuálně.cz, 18.01.2009),

Новообразования с префиксом *анти-* отражают противостояние различных социальных сил в современном обществе. Префиксы *gunep-, cynep-, мега-, экстра-* определяют оценочный характер новообразований. Негативная оценка связана с префиксом *псевдо-* и в некоторых случаях с префиксом *экс-*.

“В общеславянский фонд словообразовательных морфем, активно формулирующийся со второй половины XX века, входят заимствованные элементы преимущественно греко-латинского происхождения” (Коряковцева 2009: 189), которые в современном русском языке приобретают статус аффиксоидов и с помощью которых активно образуются новые слова: *евро-, кино-, макро-, -медиа, микро-, мини-, нано-, теле-, этно-; -ман, -мания, -филия, -фобия.*

В текстах русских СМИ появляются многочисленные новообразования с данными компонентами: *“Попсовая евромузыка, второстепенные персонажи...”* (Литературная газета, 20-26.06.2009), *Европаника. Кризис в ЕС приведет к распаду содружества? ...Евроскептики – так окрестили противников базового соглашения...* (Наша версия, 23.-29.06.2008); *В ту пору нашими кинобогами были Феллини и Антониони* (Новая газета, 10.07.2009), *Главный китайский кинодиссидент* (Телеканал “Культура”, 25.05.09), *Авдотья Смирнова утешала ее, как могла: “Что ж, добро пожаловать в наш добрый киномирок”* (Новая газета, 19.06.2009), *Это своеобразный кинопамятник* (Телеканал НТВ, 15.08.2009), *Великолепная кинотроица* (1-й канал, 24.06.2009), *Тотальное легкомыслие – это макрофеномены и макротенденции* (Завтра, 2008, № 8), *Первое в России здание с медиафасадом войдет в многофункциональный комплекс* (Литературная газета, 20-26.02.2008), *Тот факт, что негативная медиаканонада в адрес России в западных СМИ, похоже, даже не брала летней передышки, свидетельствует о том, что груз накопившихся проблем и взаимных претензий по-прежнему сохраняется* (Московские

новости, 21-27.09.2007), Именно в этот момент главный тренер Российской сборной Гус Хиддинк становится **медиафигурой** чемпионата (Телеканал НТВ, 22.06.2008), В Москве сейчас повальное увлечение **микрожизнью** – жизнью **микросуществ** (Телеканал ТНТ, 02.06.2008), Приставка **нано-** прочно обосновалась в русском языке <...> **нано-** происходит от греческого “карлик”.<...>В планах – производство **нановакцины** <...> Перспективы **наноалмазов** изучила Инна Осипова (Телеканал НТВ, 22.04.2009), Да, есть планы по перенастройке экономики в стиле **нано-** (Аргументы и факты, 2009, № 21), Но, пожалуй, главные победы ждали Максимову в специально поставленных для нее **телебалетах** (Известия, 29.04.09), От своего **теледетища** по имени “СМАК” давно устал и отстал (Телеканал “Мир”, 15.08.2009); Кому на руку **телерадиохапство** в России? (Комсомольская правда, 17-24.07.2009), Такой масштаб первых серий этой, с позволения сказать, **телезопеи** и ее мелкоотравчатых героев (Литературная газета, 20-26.05.2009), Главный редактор журнала “Кавказский эксперт” Энвер Кисриев определяет эти кланы как “**этнопартии**” (Русский репортер, 18-25.06.2009); ...я выступала сразу перед “Алисой”, так что первые пять минут **алисоманы** были не очень довольны, а потом многие прониклись (Акция, 13.11.2006), “В 96-м году волна **бродскомании** докатилась аж до “Нашего современника” (Литературная газета, 15-21.07.2009), Нижегородцы заболели “**лекарствоманией**” (Телеканал РТР, 07.03.2009), Сегодня Владивосток охватила **ретромания** (Телеканал ТНТ, 18.04.2009), Мир охвачен **обамаманией** (Аргументы и факты, 2009, № 4), **Барбимании** повториться уже не суждено, но эта игрушка стала такой же традиционной, как плюшевый мишка или желтая уточка для купания (Ленинская смена, 12-18.03.2009), Журналисту демократической ориентации полагается в этом месте статьи нанести удар “глаголом” по страдающей “**диктаторофилией**” российской власти (Московский комсомолец в Нижнем Новгороде, 25.02.-04.03.2009), Нам **американофобия** свойственна и на уровне массового сознания (Телеканал РТР, 01.02.2009), ...США при всей их **путинофобии** считают нынешних лидеров России вполне адекватными партнерами (Московский комсомолец в Нижнем Новгороде, 29.07.-05.08.2009).

В чешских СМИ также частотны образования с компонентами **euro-, etno-, nano-, makro-, mikro, mini, manie-**: Podle **eurokomisařky** pro hospodářskou soutěž... (Lidové noviny, 09.07.2009), V minulých **eurovolbách** získali sociální demokraté jen dva mandáty (Deník.cz, 09.06.2009), Jeho podpora smlouvy byla nevýrazná, hlavně v porovnání se zuřivou kampaní **euroskeptiků** (E15, 16.06.08), Vše by mělo točit kolem toho, že právě v něm mají své “**eurosídlo**” čeští fotbalisté (E15, 16.06.08), Ve středních Čechách by do poloviny příštího roku mělo být na toaletách v knihovnách či na nádražích

namontováno zhruba tisíc tkz. **eurozámků**, které mohou speciálním klíčem otevírat pouze zdravotně postižení (E15, 19.06.2008); Paradoxně největším poselstvím celého **etno-projektu** se - alespoň pro mě - stalo právě celkem jednoznačné jméno zmíněného papuánského náčelníka (Aktuálně.cz, 13.03.2009), Co na to rusofob a rusožrout, **etno-soudruh** Havel? A kníže ze Švancbrku? (iHNed.cz, diskuse, 02.10.2009), Tímto vítězstvím by se stal nesmrtelným a umožnilo by mu to, aby se stáhl "neporažen a neopakovatelný" do svého Drven-grada, **etno-vesničky** v pohoří Mečavnik v Srbsku (iHNed.cz, 03.05.2005); Navržené projekty se zabývají například problematikou **nanomateriálů**, robotiky, laserové techniky atd. (Lidové noviny, 18.09.2008), Cílem je vyvinout nové **nanoobvody**, které budou schopné měnit svoji činnost v závislosti na signálech, které jimi procházejí (iHNed.cz, 24.11.2008), Nejsem nějak ve své **nanokůži** (Pub.Web.cz, 06.10.2009); Výsledková sezóna v USA pokračovala ve velkém stylu. V úvodu týdne nebyla v **makrokalendáři** prakticky jediná důležitější událost (Novinky.cz, 24.07.2009), Začtvrté, Slovensko, náš **makro-lakmusový** papírek, euro vůbec nezničilo (iHNed.cz, 05.11.2009), **Mikro-strana** TOP 09 se pouští do **mikroblogu** (Aktuálně.cz, 29.07.2009), Tak by se daly oznáčit závěry dnešního **minisummitu** v Palais Sarde ve francouzském Nice (Aktuálně.cz, 14.11.2008), **Obamománie** upadá, prezidentovi klesá popularita (Deník.cz, 22.07.09).

В чешском языке высокую активность проявляет и компонент **bio-**, причиной чего "является также постоянное развитие технологий, основанных на использовании природных материалов". (Mitter 2003: 97): **Biopředpověď** (Právo, 25.-26.07.2009), *Journal of Clinical Nutrition* totiž zveřejnil studii dokazující, že **biopotraviny** jsou na tom se zdravotním efektem stejně jako **nebiopotraviny** (Lidovky.cz, 08.08.2009), V obchodním rejstříku Novotného jméno figuruje v řadě společností, od podniků prodávajících plastové polotvary...či výrobou veterinárních **biopreparátů** (Právo, 25.-26.07.2009), Pan Novák má pravdu stejně jako ji má jiný pan Novák, který se zakousne se stejnou chutí do **biomrkve** (Lidovky.cz, 08.08.2009), ...na český trh přišel **biopárek**. Z **biohovězího** masa, bez náhražek... (Lidovky.cz, 21.08.2008), V Rakousku se mu ještě donedávna říkalo **biopapež** (24.08.2009), Společnost přitom výrobek propagovala jako 1. českou **biokojeneckou** výživu na trhu (Lidovky.cz, 11.03.2009), ... Ta počatá klasicky jsou „**bioděti**“, ta umělá jenom děti. Takže za chvíli už budeme informovat známé, že máme „**biochlapečka**“ nebo „**bioholčičku**“ (Lidovky.cz, 18.07.2009); Sony Ericsson dnes představí **eko mobil** (iDNES.cz, 04.06.2009), Finalistka soutěže Česká Miss Tereza Budková se momentálně připravuje na soutěž **Miss Eko...** (iDNES.cz, 09.07.2009), ...velký propagátor **ekozemědělství**... (Lidové noviny, 04.06.2009), Někdy jde jen o proklamované úsilí udržet krok s modními **ekotrendy** (Lidovky.cz, 08.10.2009), ...od praktické ochrany přírody a krajiny přes informační aktivity, **ekoporadenství**, **ekovýchovy** a vzdělávání, až po

watchdogové aktivity, obhajobu zájmů místních lidí (Noviny Prahy 2, červen 2008).

Менее активно ведет себя в русском и чешском языках англоязычная морфема **-gate**, искусственно созданный суффиксоид, который сконденсировал в себе значение “политический скандал”: *Моникагейт*, *Шеригейт* (Коряковцева 2009: 194), *Алтагейт* (Дуэль, 2009, № 5). Низкая продуктивность моделей с суффиксом **-zeŭm/-gate** отчасти обусловлена экстралингвистическими причинами: в чешском языке – “лингвокультурной модой, “англо-американоманией”; в России – неподсудностью власть имущих (Коряковцева 2009: 195).

Как видно из примеров, иноязычные (интернациональные) аффиксы сочетаются как с заимствованными (*антипрогрессизм, дегенератизм, версачелизация, чеченизация, эстонизация, web-ализация, галатеисты, граффитисты, феллинисты, антонионисты, суперотель, суперномер; futsalista, anti-Santa, anti-celebrity, minisummit, mikroblogy, ekotrendy*), так и с исконными (*наиист, наиизм, медведизм, супервыборы, суперсорняк, супервредитель, экс-супруга, экс-муж, мега-славяне, теледетище, киносообщество; superpráce, exvůdce, eurozámky, etno-soudruh, nanokůže, bioděti*) основами.

Появление производных от заимствованных слов связано с определенным этапом освоения иноязычных слов, предполагающим включение иноязычных слов в процессы словопроизводства в языке-реципиенте. При этом в качестве формантов могут выступать как иноязычные, заимствованные морфемы: *антирейдеры, антихакеры, псевдооппозиция, псевдомилдронат, псевдоспред, экс-инкассатор, экс-лауреат, европаника, евромузыка, кинодиссидент, телебалет*, так и исконные аффиксы: “Среди нынешних поклонников условных картё и мерседесов очень популярно слово “лузер”. Мерзейшее словечко, пришедшее к нам вместе с **макдональдцами** и пастой **блендамед**” (Дуэль, 2008, № 13).

Таким образом, в ходе словообразовательного освоения разных видов иноязычий происходит использование их в качестве производящих основ, активизация иноязычных аффиксов, приобретение заимствованными элементами статуса аффиксов/аффиксоидов.

Под влиянием английского языка в деривационных системах русского и чешского языков укрепляются модели, представленные агглютинативными структурами с препозиционной постановкой несогласованного определения: *бизнес-сообщество, бизнес-виза, бизнес-отношения, бизнес-опека, бизнес-элита; интернет-класс, интернет-клуб, секс-торговля, шорт-лист, шоу-бизнес, шоу-группа* и под. (Нещименко 2009:38); “Кто он, новый президент США, **-пиар-проект** или настоящий реформатор, решивший преодолеть инерцию экспансии?”

(Литературная газета, 15.-21.07.2009), “Бум на **вамп-индустрию** в России скоро достигнет ощутимых масштабов?” (Наша Версия, 31.08.-06.09.2009).

“Ослабление флективности”, рост “агглютинативных черт” отмечают и чешские ученые (Bozděchová): **Sci-fi seriál** (Právo, 25.-26.07.09) **In line hokej** (Právo, 01.-02.09.2009) **Kite prkna** (Lidové noviny, 06.07.2009) **Bluetooth technologii** (Právo, 06.08.2009).

Как показывает анализ новообразований в текстах чешских и русских СМИ, в деривационных процессах активизируются те интернациональные элементы, “которые актуальны для данного социума в данный период для номинации определенных социокультурных реалий” (Авина 2009: 72). Тенденцию к интернационализации и интеграции ученые приветствуют как процесс, который “в конечном итоге упрощает международную коммуникацию и способствует развитию взаимопонимания между народами как в средневропейском регионе, так и за его пределами” (Gazda 2003: 72).

Литература

- Авина Н. (2009), *Проявление интернационализации в русском языке в ситуации этнокультурного взаимодействия*. [In:] Elena Koriakowcewa (red.), *Prezjawy internacjonalizacji w językach słowiańskich*. Wydawnictwo Akademii Podlaskiej, Siedlce.
- Коряковцева Е. (2009), *Интернациональное vs. национальное в словообразовательной системе: к постановке вопроса*. [In:] Elena Koriakowcewa (red.), *Prezjawy internacjonalizacji w językach słowiańskich*. Wydawnictwo Akademii Podlaskiej, Siedlce.
- Нещименко Г. (2009), *Заемствования vs. Интернационализмы в современной вербальной коммуникации*. [In:] Elena Koriakowcewa (red.), *Prezjawy internacjonalizacji w językach słowiańskich*. Wydawnictwo Akademii Podlaskiej, Siedlce.
- Bozděchová I. (2009), *Projevy internacionalizace v současné české odborné komunikaci, zejména lékařské*, [In:] Elena Koriakowcewa (red.), *Przejawy internacjonalizacji w językach słowiańskich*. Wydawnictwo Akademii Podlaskiej, Siedlce.
- Gazda J. (2003), *Internacionalizační tendence v rozvojislovní zásoby současných zapadoslovanských jazyků*. [In:] *Internacionalizace v nové slovní zásobě. Sborník příspěvků z konference Praha 16.-18. června 2003*. Praha.
- Mutter P. (2003), *Komponent BIO v hybridních složeninách a jeho význam*. [In:] *Internacionalizace v nové slovní zásobě. Sborník příspěvků z konference Praha 16.-18. června 2003*. Praha.

Summary

The article presents a study of derivational activity of borrowed morphemes in the texts of the Russian and Czech mass-media. The derivational processes reflect the trend of internationalization in the Russian and Czech languages.

Jadwiga Stawnicka

PRZEKŁAD ROSYJSKICH *AKTIONSARTEN* NA JĘZYK POLSKI. WYBRANE ZAGADNIENIA

Celem niniejszego artykułu jest przedstawienie wybranych problemów przekładu rosyjskich *Aktionsarten* na język polski¹. Wskazano w nim odpowiedniki tekstowe rosyjskich *Aktionsarten* (rodzajów akcji, dalej RA) w języku polskim².

W artykule zawarto uwagi dotyczące podobieństw i różnic o charakterze kwantytatywnym i kwalitatywnym poszczególnych grup ekwiwalentów w przekładach na język polski i rosyjski³.

Charakter związków między tekstem oryginału, a tekstem przekładu jest przedmiotem licznych badań na gruncie translatoryki. Uznanie zasady przekładalności wysuwa na plan pierwszy zagadnienie ekwiwalencji przekładowej⁴. Na zróżnicowanie definicji ekwiwalencji zwraca uwagę A.D. Szwiejcer: „Подобно

¹ Całościowemu ujęciu zagadnienia poświęcona jest monografia *Studium porównawcze nad kategorią semantyczno-słotwórczą Aktionsarten w języku rosyjskim i polskim. Tom II. Czasowniki z formantami modyfikacyjnymi w konfrontacji przekładowej (na materiale rosyjsko-polskim i polsko-rosyjskim)*. Tom I *Studium porównawcze nad kategorią semantyczno-słotwórczą Aktionsarten w językach słowiańskich Tom I Czasowniki z formantami modyfikacyjnymi w języku rosyjskim i polskim*, poświęcony charakterystyce kategorii semantyczno-słotwórczej *Aktionssart* w języku rosyjskim i polskim w celu stworzenia synchronicznego opisu tej kategorii semantyczno-słotwórczej w obu językach, ukazał się nakładem Wydawnictwa Uniwersytetu Śląskiego w 2009 roku. Projekt *Studium porównawcze nad kategorią semantyczno-słotwórczą Aktionsarten w językach słowiańskich* został sfinansowany przez Ministerstwo Nauki i Szkolnictwa Wyższego (numer projektu N104 012 31/0898).

² Materiał badawczy zaczerpnięto z tekstów rosyjskiej literatury pięknej (XX wieku) tłumaczonych na język polski. Kierunek postępowania badawczego przebiega od tekstu rosyjskiego zawierającego czasowniki należące do rodzajów akcji, dla których określono odpowiedniki tłumaczeniowe w przekładach na język polski. W ten sposób sporządzono korpus, który liczy 10 204 przykładów, tj. 5102 par zdań (fragmentów tekstu) w obu językach. Znaczenie badań tekstowych będących źródłem materiału przekładowego dla opracowania odpowiedniości przekładowych podkreśla A. Bogusławski (Bogusławski 1997: 7-22).

³ Są to dane na tyle obiektywne, na ile pozwoliło to stwierdzić badany materiał.

⁴ Teoria przekładu charakteryzuje ekwiwalencję jako m. in. formalną i dynamiczną (Nida 1977), komunikatywną i maksymalną (Jäger / Müller 1982), totalną, tj. całościową (totale Äquivalenz), częściową (partielle Äquivalenz) i zerową (Nulläquivalenz) (Gładrow 1977: 14-15; 1979: 12-16; por. także Wotjak 1982: 115-119).

тому как различные определения перевода соответствовали этапам развития науки о переводе, различные понимания эквивалентности отражали эволюции взглядов на сущность перевода.” (Швейцер 1988: 76). Нр. J.I. Recker (Рецкер 1974: 10) definiuje ekwiwalenty (kategorie odpowiedników) szeroko jako ekwiwalenty *sensu stricto* (stała równoznaczność niezależna od kontekstu), warianty i odpowiedniki kontekstowe (obecność w języku przekładu kilku możliwości realizacji znaczenia jednostki wyjściowej) oraz wszystkie typy transformacji⁵. Natomiast dla W. Kollera ekwiwalencja oznacza rodzaj stosunku (Äquivalenzrelation, Übersetzungsbeziehung) między tekstem (elementami tekstu) jednego języka (języka oryginału) i tekstem (elementami tekstu) w języku przekładu⁶.

W powieściach rosyjskich najbardziej liczną grupę RA stanowią czasowniki inicjalne, np. *заплакать, заговорить, пробежать* (1569 / 30,8%), drugie miejsce zajmują czasowniki semelfaktywne, np. *скрипнуть, вздрогнуть* (814 / 16,1%). Kolejne miejsce zajmuje determinatywno-deminutywny, np. *поговорить немного, посидеть несколько минут* RA (474 / 9%), formacje prefiksально-postfiksalne augmentatywnego RA, np. *расплакаться, намучиться, задуматься* (398 / 7,8%), determinatywno-momentального RA, np. *пробормотать, выговорить* (281 / 5,5%) oraz formacje prefiksalne augmentatywnego RA, np. *расспросить, расспроситьб перепугаться* (250 / 4,9%). Najmniej odnotowano przykładów podnormatywnego RA, np. *недоедать, недооценивать* (17 / 0,3%) i iteratywno-suplementarno-deminutywnego, np. *дописать, приплачивать* RA (20 / 0,4%).

W tłumaczeniu na język polski największą grupę ekwiwalentów stanowią ekwiwalenty wyrażone czasownikiem tego samego RA (2343 / 45,93%). Stanowią one prawie połowę wszystkich ekwiwalentów rosyjskich RA, np. *Забастовала Московско-Казанская железная дорога.* (Б. Пастернак: *Доктор Живаго*) *Zastrajkowała Kolej Moskiewsko-Kazańska.* (B. Pasternak: *Doktor Żywago*, 32); *Дойдя с ним до подъезда, сказала: - Иди, я еще немного похожу.* (А. Рыбаков: *Дети Арбата*) *Dochodząc z nim do drzwi powiedziała: - Idź, ja jeszcze trochę pospaceruję.* (A. Rybakow: *Dzieci Arbatu*, 78); *Когда*

⁵ Рог. „... любое соответствие слову или словосочетанию подлинника в данном конкретном контексте, или другими словами, любое правильно найденное соответствие микроединице перевода.” (Рецкер 1974: 10).

⁶ Autor wyróżnia 5 typów ekwiwalencji przekładowej (rodzajów stosunków ekwiwalencji): ekwiwalencja denotacji (die denotative Äquivalenz) – typ ekwiwalencji zorientowany na rzeczywistość pozajęzykową (außersprachliche Sachverhalt); opiera się na przekładzie zawartych w tekście oryginału znaczeń denotatywnych; ekwiwalencja konotacji (die konnotative Äquivalenz) – typ ekwiwalencji odnoszący się do sposobów werbalizowania, zachowania stylu; ekwiwalencja normy tekstowej (textnormative Äquivalenz) – zachowanie normy tekstowej; ekwiwalencja pragmatyczna (die pragmatische Äquivalenz) – ukierunkowanie na wiedzę odbiorcy; ekwiwalencja formalna (die formal-ästhetische Äquivalenz) – zorientowana na cechy formalno-estetyczne tekstu oryginału (Koller 1997: 215-216).

черный от влаги паркет **несколько подсох**, все зеркала покрылись баннным налетом и звонки прекратились. (М. Булгаков: Собачье сердце) *Kiedy czarny od wody parkiet **niesco podsechl** wszystkie lustra pokrył laziebny nalot i dzwonki umilkły.* (М. Bułhakow: *Psie serce*, 76).

Drugie miejsce zajmują ekwiwalenty wyrażane czasownikami nienależącymi do RA i niebędącymi ekwiwalentami czasowników bazowych języka oryginalu (726 / 14,23%), np.

Перед отъездом он вымыл ее водой, и на неровных боках "Антилопы" заиграло солнце. (И. Ильф, Е. Петров: Золотой теленок) *Przed wyruszeniem w drogę wyrusował wóz i w pogiętych błotnikach „Antylopy” odbiło się słońce.* (I. Ilf, E. Pietrow: *Złote ciele*, 72); *Теперь сам он был одержим сходным припадком саморазоблачения, всего себя переоценивал, всему подводил итог, все видел в жаровом, изуродованном, бредовом извращении.* (Б. Пастернак: Доктор Живаго) *Teraz sam był opętany manią autodemaskatorską, wciąż analizował swoje uczynki, wszystko podsumowywał, wszystko widział w zdeformowanej, wypaczonej gorączkowym majaczeniem postaci.* (B. Pasternak: *Doktor Żywago*, 495); *Жара замучила.* (А. Стругацкий, Б. Стругацкий: *За миллиард лет до конца света*) *Upał mnie zmęczył.* (A. Strugacki, B. Strugacki: *Miliard lat przed końcem świata*, 12).

Na trzecim miejscu należy zamieścić grupę эквивалентов выраженных иным RA (657 / 12,88%), np. *Мы достаточно поговорили.* (Б. Пастернак: Доктор Живаго) *Już dość się nagadaliśmy.* (B. Pasternak: *Doktor Żywago*, 521); *Женищина посвистала, пощелкала пальцами и пес, немного поколебавшись, последовал за ней.* (М. Булгаков: Собачье сердце) *Kobieta gwizdnęła, pstryknęła parę razy palcami i pies po chwili wahania ruszył za nią.* (M. Bułhakow: *Psie serce*, 11); *Ее дерзкие глаза разгорелись.* (Б. Пастернак: Доктор Живаго) *Jej bezczelne oczy zabłyśły.* (B. Pasternak: *Doktor Żywago*, 237); *Мне необходимо тебя видеть срочно. - Хорошо, - провоцирал он. - В девять у "Художественного".* (А. Рыбаков: Дети Арбата) *- Koniecznie muszę się z tobą zobaczyć w pilnej sprawie. - Dobrze - warknął - o dziewiątej pod "Artystycznym".* (A. Rybakow: *Dzieci Arbatu*, 130).

Na четвертом месте znalazła się группа эквивалентов выраженных czasownikiem неналежачим до RA ze значением даного RA (382 / 7,49%), np. *Ты преувеличиваешь.* (Б. Пастернак: Доктор Живаго) - *Przesadzasz.* (B. Pasternak: *Doktor Żywago*, 480); *Роберт разглядывал площадь.* (А. Стругацкий, Б. Стругацкий: *Далекая радуга*) *Robert oglądał plac.* (A. Strugacki, B. Strugacki: *Daleka tęcza*, 70); [...] посетитель присматривался к меблировке кабинета взглядом разборчивого покупателя. (И. Ильф, Е. Петров: Золотой теленок) [...] *przybysz wzrokiem wybrednego nabywcy taksował umeblowanie gabinetu.* (I. Ilf, E. Pietrow: *Złote ciele*, 14); *Потом он лег животом на пол и, дождавшись прибытия санитаров, принялся выкрикивать [...]* (И. Ильф, Е. Петров: Золотой теленок) *Następnie*

rzucił się na podłogę, a kiedy przybyli sanitariusze, zaczął **wrzeszczeć**: (I. Ilf, E. Pietrow: *Złote ciele*, 189); *Саша **неперебурал** кульки и пакеты, аккуратно сложенные мамой, а потом раскиданные чужими руками [...]* (A. Rybakow: *Детю Арбата*) *Sasza **przeglądał** zawiniątka i paczuszki, starannie ułożone przez matkę, a potem rozgrzebane cudzymi rękami [...]* (A. Rybakow: *Dzieci Arbatu*, 156).

Tłumacze zatem zdecydowanie wybierają ekwiwalenty tego samego RA w tłumaczeniu na język polski. Wyjątek stanowią w korpusie ekwiwalenty deminutywno-iteratywnego, iteratywno-prospektywnego i augmentatywnego RA. Największą grupę ekwiwalentów rosyjskich czasowników deminutywno-iteratywnego RA w języku polskim stanowią ekwiwalenty rosyjskich czasowników bazowych (46,3%), np. *В это время вместо ожидаемого снега начал **накрапывать** дождь*. (Б. Пастернак: *Доктор Живаго*). *W tej chwili zamiast spodziewanego śniegu zaczął **kropić** deszcz*. (B. Pasternak: *Doktor Żywago*, 398).

Wśród polskich ekwiwalentów iteratywno-prospektywnego RA największą grupę stanowią ekwiwalenty wyrażone czasownikiem nienależącym do RA ze znaczeniem prospektywnym (51,7%), np. *предупредить / предупредить – ostrzec, предсказывать – przypuszczać, предупредить – zawiadamiać: **Предстояли** испытания, может быть, даже гибель*. (Б. Пастернак: *Доктор Живаго*) ***Czekały** ich ciężkie próby, a może nawet zguba*. (B. Pasternak: *Doktor Żywago*, 199).

Natomiast wśród polskich ekwiwalentów augmentatywnego RA (formacje prefiksalne) największa grupa to ekwiwalenty wyrażone czasownikiem nienależącym do RA niebędące ekwiwalentami czasowników bazowych ze znaczeniem tego RA (38,8%), np. *разглядывать – studiować, obserwować; рассматривать – oglądać coś, przyglądać się, studiować, obserwować: Человек мерил кабинет, останавливаясь по временам и **рассматривая** эстамп, прибитый у окна*. (М. Булгаков: *Жизнь господина де Мольера*) *Mężczyzna ów przemierzał gabinet, przystając od czasu do czasu i **przyglądając się** zawieszonemu koło okna miedziorytowi*. (M. Bułhakow: *Życie Pana Moliera*, 193).

Charakterystykę kwantytatywną ekwiwalentów rosyjskich rodzajów akcji w języku polskim przedstawia poniższa tabela:

Typ ekwiwalentu	Liczba ekwiwalentów	Udział procentowy danego typu ekwiwalentów w ogólnej liczbie ekwiwalentów
Ekwiwalent wyrażony czasownikiem tego samego RA	2343	45,94%
Ekwiwalent wyrażony czasownikiem innego RA	766	15%
Adverbialia i wyrażenia adverbialne z czasownikiem niewyrażającym rodzaju akcji	184	3,61%
Ekwiwalent wyrażony czasownikiem nienależącym do rodzaju akcji (ze znaczeniem danego rodzaju akcji) ⁷	440	8,63%
Ekwiwalent wyrażony czasownikiem nienależącym do rodzaju akcji (ekwiwalent rosyjskiego czasownika bazowego)	375	7,35%
Ekwiwalent wyrażony czasownikiem nienależącym do rodzaju akcji (niebędący ekwiwalentem czasownika bazowego, ale niewyrażający znaczenia danego rodzaju akcji)	548	10,74%
Ekwiwalent opisowy	296	5,8%
W roli ekwiwalentu związku frazeologiczne i kolokacje	149	2,93%
RAZEM	5101	100%

Znaczna liczba przekładów rosyjskich czasowników inicjalnych za pomocą konstrukcji *zacząć / zaczynać* jest przejawem systemowej różnicy między językiem rosyjskim i polskim. Język rosyjski dysponuje bowiem znaczną liczbą czasowników ingresywnych typu *заговорить, запоботать, закричать*. Polskie czasowniki inicjalne (*zadrzeć, zaszczekać, zastukać*) wyrażają krótkie trwanie akcji z podkreśleniem jej zainicjowania, zajmują zatem miejsce pośrednie między inicjalnym a determinatywno-momentalnym, determinatywno-deminutywnym i semelfaktywnym RA. Dlatego też często polskie czasowniki

⁷ Wśród typów ekwiwalentów wyróżniono trzy grupy wyrażone czasownikiem nienależącym do rodzaju akcji. Do pierwszej z nich należą ekwiwalenty wyrażone czasownikiem nienależącym do rodzaju akcji (ze znaczeniem danego rodzaju akcji). W pozostałych dwóch grupach znaczenia rodzaju akcji nie są w ekwiwalentach wyrażane. Jedną z nich zawiera ekwiwalenty rosyjskich czasowników bazowych, w których nie wyrażono modyfikacji znaczeniowej wyrażanej czasownikiem należącym do rodzaju akcji w języku oryginału, np. *Амалия Карловна боялась задумываться о будущем.* (Б. Пастернак, *Доктор Живаго*) *Amalia Karłowna bała się myśleć o przyszłości.* (B. Pasternak: *Doktor Żywago*, 29);. Druga natomiast ekwiwalenty wyrażone czasownikiem nienależącym do rodzaju akcji i niebędące ekwiwalentem czasownika bazowego, np. *В буфетной пахло липовым цветом, тминной горечью сухих веток, как в старых парках, и легким угаром от двух духовых утюгов, которыми попеременно гладила Лариса Федоровна, ставя то один, то другой в вытяжную трубу, чтобы они разгорелись.* (Б. Пастернак: *Доктор Живаго*) *W pokoju pachniało kwiatem lipowym, kminkową goryczką suchych gałązek jak w starych parkach i lekkim swędem dwóch żelazek, którymi Larysa Fiodorowna prasowała, wstawiając je na przemian do rury wentylacyjnej, aby się nagrzały.* (B. Pasternak: *Doktor Żywago*, 156).

inicjalne są tłumaczone przez rosyjskie semelfaktywa, np. *Lampa zgasła. Zaskrzypiała deska podłogi, potem fotel.* (K. Boruń: *Próg nieśmiertelności*) *Лампа погасла, скрипнула доска пола, потом кресло.* (К. Борунь: *Грань бессмертия*).

Konsekwencją braku typu słowotwórczego *простонать* jest tłumaczenie poprzez inny rodzaj akcji, np. - "*Юность Мира*", - **пробормотал** он. Он был красен от удовольствия. (А. Стругацкий, Б. Стругацкий: *Далекая радуга*) - „*Młodość Świata*” - **mruknął**. Poczerwieniał z zadowolenia. (А. і В. Стругасцы: *Далека тэча*, 13) lub ekwiwalent wyrażony czasownikiem nienależącym do rodzaju akcji: *Вот вы и давайте оба и рассказывайте*, - **проговорил** Малянов... (А. Стругацкий, Б. Стругацкий: *За миллиард лет до конца света*) - *No to opowiadajcie obaj* - **zapropozował** Malanów... (А. Strugacki, В. Strugacki: *Miliard lat przed końcem świata*, 49).

Brak dokładnego ekwiwalentu czasownika w języku przekładu jest rekompensowany między innymi pojawieniem się ekwiwalentu opisowego, np. *Юра с вожделением предвкушал, как он на день-на два исчезнет с семейного и университетского горизонта [...]* (Б. Пастернак, *Доктор Живаго*) *Jura czuł już przedsmak rozkoszy, z jaką na dzień, dwa zniknie z łona rodziny [...]* (В. Pasternak: *Doktor Żywago*, 100) ekwiwalentem rosyjskiego czasownika bazowego, np. *Но Изнуренков, пританцовывая у кассы и хватаясь за галстук, как будто его душили, бросал на стеклянную дощечку измятую трехрублевку и, благодарно бляя, убежал.* (И. Ильф, Е. Петров: *Двенадцать стульев*) *A tymczasem Iznurenkow tańcząc koło kasy i łapiąc się za krawat, jakby go ktoś dusił, rzucał na szklaną podstawkę zmiętą trzyrublówkę i bełkocząc podziękowania, zniknął jak kamfora.* (I. Ilf, E. Pietrow: *Dwanaście krzeseł*, 244).

Pojawiają się przykłady swobodnego tłumaczenia, np. *Это предлагается домыслить.* (А. Стругацкий, Б. Стругацкий: *Волны гасят ветер*) *Jest gdzieś między wierszami.* (А. Strugacki, В. Strugacki: *Fale tłumią wiatr*, 48); *Нужно где-нибудь переночевать, поесть, раздобыть денег на билеты.* (И. Ильф, Е. Петров: *Золотой теленок*) *Musimy zdobyć jakiś nocleg, coś do jedzenia i pieniądze na bilety kolejowe.* (I. Ilf, E. Pietrow E.: *Złote ciele*, 288-289).

Interesujące byłyby badania przeprowadzone na szerszym materiale, w celu potwierdzenia, bądź uzupełnienia wynikających z jego analizy wniosków. Przeprowadzona charakterystyka sposobów przekładu rosyjskich rodzajów akcji na język polski pozwoliła jednak wskazać pewne prawidłowości w sposobach przekładu modyfikacji znaczeniowych czasowników w języku wyjściowym na język przekładu. Badania takie mogłyby być również uzupełnione wskazaniem zależności między pojawieniem się w języku przekładu czasowników należących do rodzajów akcji wówczas, gdy w języku oryginału brak takich czasow-

ników. Celowe byłoby również uzupełnienie badań tego typu o wielojęzyczne przekłady tego samego tekstu oryginalnego.

Lista wykorzystanych dwutekstów źródłowych rosyjsko-polskich

- Булгаков М.А. *Жизнь господина де Мольера*.
(<http://www.lib.ru/BULGAKOW/molier.txt>)
- Bułhakow M., 1999: *Życie pana Moliera*. Przekład z ros. I. Lewandowska, W. Dąbrowski. Warszawa.
- Булгаков М.А.: *Собачье сердце*.
(<http://www.lib.ru/BULGAKOW/dogheart.txt>)
- Bułhakow M.: *Psie serce*. Przekł. I. Lewandowska. Warszawa 1989.
- Ильф И., Петров Е.: *Двенадцать стульев*.
(<http://www.lib.ru/ILFPETROV/dwenadcatx.txt>)
- Ilf I., Pietrow E., 1976/1987: *Dwanaście krzeseł*. Tłum J. Brzechwa, T. Żeromski. Warszawa.
- Ильф И., Петров Е., 1995: *Золотой теленок*. Ковчег.
(<http://www.lib.ru/ILFPETROV/telenok.txt>)
- Ilf I., Petrow E., 1958: *Złote ciele*. Przeł. J. Brzechwa, T. Żeromski. Warszawa.
- Пастернак Б.Л.: *Доктор Живаго*.
(<http://www.bestlibrary.ru/download/class/class21.shtml>)
- Pasternak B., 1990: *Doktor Żywago*. Przekł. E. Rojewska-Olejarczuk. PIW. Warszawa.
- Рыбаков А.Н., 1988: *Дети Арбата. Роман*. Москва.
<http://www.gramotey.com/dooks/111133717023.htm>
- Rybakow A. N., 1989: *Dzieci Arbatu*. T. 1. Przeł. M. B. Jagiełło; T. 2. Przeł. Z. Gadzinianka. Warszawa.
- Стругацкий А., Стругацкий Б.: *Волны гасят ветер*.
<http://www.lib.ru/STRUGACKIE/wolny.txt>
- Strugacki A., Strugacki B.: *Fale tłumią wiatr*, przeł. Irena Lewandowska, Warszawa 1989.
- Стругацкий А., Стругацкий Б.: *Далекая радуга*.
(<http://www.lib.ru/STRUGACKIE/rainbow.txt>)
- Strugacki A., Strugacki B.: *Daleka tęcza*. Przekł. E. Madejski. Warszawa: Alfa 1988.
- Стругацкий А., Стругацкий Б.: *За миллиард лет до конца света*
(<http://www.lib.ru/STRUGACKIE/milliard.txt>)
- Strugacki A., Strugacki B.: *Miliard lat przed końcem świata*. Tłum. I. Lewandowska. Warszawa 1984.
- Boruń K.: *Próg nieśmiertelności*. Copyright by Tower Press, Gdańsk 2000
(www.literaaura.net.pl)

Боруњ К.: *Грань бессмертия*. Пер. с польск. - Е. Вайсброт. Перев Е. Вайсброт. Москва.

Bibliografia (wybór)

- Bogusławski A. (1997), *Zagadnienie jednostek przekładowych*. [In:] Bogusławski A., Mędeliska J. (red.), *Współczesny język rosyjski. Konfrontacja przekładowa*, Warszawa.
- Gładrow W. (1977), *Zur Frage der zwischensprachlichen Äquivalenz*. [In:] «Zeitschrift für Slawistik», nr 22.
- Gładrow W. (1979), *Die Determination des Substantivs im Russischen und Deutschen. Eine konfrontative Studie*, Verlag Enzyklopadie, Leipzig.
- Jäger G., Müller D. (1982), *Kommunikative und maximale Äquivalenz von Texten*. [In:] Jäger G., Neubert A. (red.), *Äquivalenz bei der Translation*, Verlag Enzyklopädie, Leipzig.
- Koller W. (1997), *Einführung in die Übersetzungswissenschaft*, Quelle & Meyer, Heidelberg.
- Wotjak G. (1982) *Äquivalenz, Entsprechungstypen und Techniken der Übersetzung*. [In:] Jäger G., Neubert A. (red.), *Äquivalenz bei der Translation*, Verlag Enzyklopädie, Leipzig.
- Рецкер Я.И. (1974), *Теория перевода и переводческая практика*, Москва.
- Швейцер А.Д. (1988), *Теория перевода: статус, проблемы, аспекты*, Москва.

Summary

The aim of the article is a description of one of the group of Russian verbs of Aktionsarten (action types) and an examination of the ways of translating them into Polish. The term «types of verbal action» subsumes semantic-derivational classes of verbs distinguished on the basis of modifications in the meanings of verb bases, from the point of view of quantitative characteristics. Russian is the source language, while Polish is the language of translation. The corpus consists of specimens of modern Russian literature and their translations into Polish.

III.

VARIA

Наталья Ю. Авина

ПРОЯВЛЕНИЕ АНАЛИТИЗМА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ В УСЛОВИЯХ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

1. Проявления аналитизма в русском языке: проблемы исследования

Аналитизм – типологическое свойство языка, проявляющееся в раздельном выражении основного (лексического) и дополнительного (грамматического, словообразовательного) значений слова (например, Гак 1998: 31). Исследование проблем аналитизма связано с работами Ш. Балли, Дж. Гринберга, Е.Д. Поливанова, Б.А. Успенского, М.В. Панова и др. Аналитические черты в грамматическом строе русского языка подробно рассматриваются, например, в коллективной монографии «Русский язык и советское общество» (1968). Исследователи доказывают, что медленное движение в сторону аналитизма обнаруживается в русском языке на протяжении столетий.

На рубеже XX-XXI вв. отчетливая тенденция к аналитизму в русском языке проявляется прежде всего в языке средств массовой информации (см. об этом Ильина 1996: 326-344). В целом же рост аналитических черт отмечается в следующих фактах грамматики (см., например, Валгина 2001: 155-164): а) в сокращении числа падежей (процесс, начавшийся в древнерусском языке), что приводит к нарастанию аналитических черт в использовании форм словоизменения (например, варианты падежных окончаний); б) в росте класса имен, прежде всего существительных, которые обнаруживают тенденцию к несклоняемости; в) в применении форм мужского рода к обозначениям лиц женского пола; г) в изменении способа обозначения собирательности в именах существительных.

Большинство действующих в направлении аналитизма морфологических процессов развивается в течение нескольких столетий. Но такие процессы носят волнообразный характер, и это отражается в русском языке новейшего периода (Гловинская 2008: 227-237). Аналитизм ярко проявляется в области морфологии имени: постоянно

растет группа неизменяемых существительных. Так, рассматривая иноязычные слова в русской речи в период последних десятилетий, Е.В. Маринова (2008) выделяет следующие факторы, поддерживающие несклоняемость существительных: позиция в атрибутивной конструкции, в которой иноязычие в качестве определения относится к существительному, обозначающему более широкое понятие (например, *в стиле фолк*); препозиция данного слова к определяемому существительному (*ресени стойки*); использование в функции наречия, прилагательного (*быть он-лайн*); употребление иноязычных слов в графике языка-источника (*подключиться к Internet*).

Активизация несклоняемых слов - это факт динамичности, тенденции к языковой экономии во флективных языках.

Важным представляется исследование аналитических черт в грамматической системе в ситуации языкового контактирования. Вопрос о преобладании аналитических средств, как известно, интересовал основоположников компаративистики уже в начале XIX в. (см. об этом подробнее: Зеленин 2007: 45-54), а позже – и исследователей языковых контактов. А. Мартине (1979) пишет о том, что контакт порождает подражание, а подражание вызывает лингвистическую конвергенцию. Как известно, упрощение, свойственное для конвергенции, приводит к использованию ограниченного набора языковых средств – именно тех, которые являются общими или подобными в контактирующих языках (Шухардт 1950). Предпочтительным оказывается выбор аналитических форм – это универсальное положение теории языковых контактов (Вайнрайх 1999). При этом не прекращаются и дивергентные процессы, отражающие внутренние закономерности развития данной конкретной системы и образующие ее специфику.

Современные исследователи русского языка зарубежья – Е.А. Земская (2001), М.Я. Гловинская (2001), Е.Ю.Протасова (2004), А. Зеленин (2007) и др. – обращают внимание на более активный характер проявления аналитических черт в речевой практике эмигрантов в сравнении с языком метрополии, и прежде всего рост несклоняемых существительных. Однако проявления аналитизма отличаются противоречивостью:

«В речи эмигрантов борются две тенденции. Одна – ослабить русское словоизменение, прежде всего склонение, другая – сохранить его. Первой тенденции благоприятствует вовлечение в речь русской диаспоры большего числа неизменяемых заимствований – имен существительных и прилагательных, чем это наблюдается в русской речи в России. Вторую тенденцию поддерживает формообразование прежде всего глаголов и словообразование всех частей речи. Сильный словообразовательный механизм русского языка порождает на базе иноязычных основ имена

и глаголы, включающие суффиксы, приставки и флексии, т.е. оформленные по законам русской грамматики» (Земская 2001: 207).

Цель нашей работы – рассмотреть особенности склонения региональных инноваций, обусловленных русско-литовским взаимодействием, как одно из проявлений аналитизма. Материалом исследования являются факты как письменной речи (русскоязычных газет Литвы за период последнего десятилетия), так и устной разговорной речи (преимущественно русских жителей г. Вильнюса) в ситуации этнокультурного взаимодействия. Рассматриваемые в работе региональные языковые явления обозначаются общим понятием – “инноваций” (ср. другие термины, используемые в лингвистике: заимствования, варваризмы, экзотизмы и др.).

2. Особенности склонения региональных инноваций как проявление аналитизма (на материале русско-литовского взаимодействия)

Общеизвестно, что в синтетических языках возможности слова к изменению определяет исходная форма осваиваемого слова. Именно это обуславливает в принимающем языке категорию рода, числа и отнесенности к определенному типу склонения. Следовательно, для выявления склоняемости слова важным является его исход. При отсутствии системы окончаний слова осмысливаются как особый морфологический класс – класс неизменяемых имен. Большинство несклоняемых существительных оканчивается на гласный основы. Их несклоняемость, как известно, объясняется тем, что русские именные флексии не могут присоединяться к основам на гласный, поскольку исторически сложившийся тип исконных русских именных основ характеризуется конечным согласным (например, Шведова, Лопатин 1989).

Анализируемые в нашей работе региональные инновации – в основном имена существительные собственные, разнообразные по структуре и представляющие собой наименования различных тематических групп. Склоняемость региональных инноваций проявляется по-разному.

2.1. Склоняемые региональные инновации

Это имена существительные, грамматическая форма рода и числа которых та же, что и в контактирующем языке – литовском.

1) Региональные инновации в форме мужского рода с исходом на согласный: *В Вильнюсе изделия «Жемайтийос пенаса» из-за транспортных расходов подскочили в цене почти на 5 процентов* (ЛР,

№ 2, 1999); Возглавляемый *«Эйсмасом»* консорциум обязался за 102 млн. лт. внедрить автоматическую систему светофоров (Эк.Н., № 23, 2009) и под.

Так же склоняются имена нарицательные: в устной разговорной речи – *А он мне говорит: “У вас два **трукумаса**”* (trūkumas ‘недостаток’); в письменной речи – *Впрочем, к пиву в “Nakties paukštė” подаются и особые закуски, например, “Охотничья” – шедевр из грудинки, **кумписа**, огурчиков, лучка и хренка* (ЛК, № 6, 2005) – лит. kumpis ‘окорок’.

Между тем подобные наименования с исходом на согласный проявляют непоследовательность склонения. В текстах газет имена собственные могут употребляться как несклоняемые (что обусловлено, вероятно, и традициями той или иной газеты): *По материалам «**Вяйдас**»* (Обз., № 52, 1998); *70% акций «**Летувос драудимас**» принадлежит датской страховой компании Codan ...* (Эк.Л., № 209, 1999); *Сдается 1-комнатная квартира ... по **Эйшишюкю плянтас*** (Обз., № 12, 2002). Примеры несклоняемости подобных наименований встречаются также в устной речи: *Я учусь в «**Teisės universitetas**»* (‘Университет права’).

В некоторых наименованиях, оканчивающихся на согласный, отмечается переосмысление грамматических форм. Известно, что система окончаний может присоединяться не к исходной форме иноязычного прототипа, а к форме множественного числа (см. об этом, например, Маринова 2008). Так, форма женского рода множественного числа – *Lietuvos **dujos*** (‘Литовский газ’) – воспринимается в русском языке как форма мужского рода ед. числа и изменяется по соответствующему типу склонения; см. согласование с прилагательным в форме ед. числа: *Приятная новость: «Газпром», дождавшийся возврата долга от «**Литовского дуеса**», согласился пускать российский газ без ограничений* (Обз., № 38, 1999). В следующем примере, наоборот, в русском языке слово используется в форме множественного числа (как и в литовском) – ср. согласование со сказуемым: *Кроме того, «**Шилутес вандянис**» **информировали** соответствующие инстанции об аварии не сразу, а лишь спустя 3 дня* (Р, 3 августа 2009).

2) Региональные инновации в форме женского рода единственного числа с исходом на –а: *51 процент акций принадлежит «**Утенос статибе**»* (ЛР, 1999); *Администратором банкротства «**Инкараса**» тоже был назначен руководитель «**Йонавос статибы**» ...* (Р, 25 мая 2007).

Такова же склоняемость имен нарицательных: в устной разговорной речи – *надо **саскайту** papildyti* (papildyti sąskaitą ‘пополнить счет’); ***Пашалту** тебе дали?* (pašalpa ‘пособие денежное’); в письменной речи – *По поводу посещения дневного центра люди могут обращаться в свои **сянюнии**...* (ЛК, № 2, 2007) (перевод затруднителен).

В склоняемости имен существительных на **-а** обычно не наблюдается отступлений.

Особый же случай склоняемости-несклоняемости в ряду существительных женского рода на **-а(я)**, а также мужского рода с исходом на согласный, – это имена собственные в составе приложения. Как известно, в современном русском языке в кругу иноязычных географических наименований, употребляемых в сочетании со словами типа *республика, штат* и т.п., тенденция к несклоняемости проявляется очень сильно, в официальном стиле речи – постоянно; в разговорной же речи возможна склоняемость (см. об этом, например, Валгина 2001: 160). Наш материал демонстрирует противоречивость данной тенденции. В письменной речи подобные слова могут не склоняться: *С включением в систему «Содра» (фонд социального страхования) и в другие системы...* (ЛК, № 23, 2009); *...попросил предпринимателей о помощи на заключительном этапе реконструкции парка **Вингис*** (Обз., № 20, 2009). В устной же речи подобные наименования обычно склоняются, например: *Были в парке **Вингисе**.*

2.2. Несклоняемые региональные инновации

Рассматриваемые в русском языке несклоняемые региональные инновации в литовском языке представляют собой слова как склоняемые, так и несклоняемые.

1) Региональные инновации, склоняемые в литовском языке.

Это определенные грамматические формы литовских слов, которые в русском языке осмысляются как несклоняемые. В зависимости от исхода слова выделяются следующие группы.

а) Слова с исходом на **-е**, которые в литовском языке представляют собой грамматическую форму единственного числа женского рода: *Продают квартиру в **Шяшкине*** (Обз., № 20, 2009); *Продается дом в **Вильняус Ерузале*** (Р, 13 мая 2009);

также не склоняются имена нарицательные в разговорной речи: *Сходи в **савивальдибе*** (лит. *savivaldybė* ‘самоуправление’); *Купи **grūdėta varškė** две пачки* (лит. ‘зернистый творог’).

б) Слова, которые в литовском языке являются формой именительного падежа множественного числа:

– женского рода с исходом на **-ес**: *Для решения проблем стоянки автомобилей в **Сантаришкес** с 4 мая с.г. будут платные места ...* (ЛК, № 18, 2009); *На **Žolinės** в деревню ездили* (РР) – ‘католический праздник, у православных – праздник Успения Богородицы’;

– мужского рода с исходом на **–ай(-яй)**: *В гостях у ветеранов Шяуляй* (ЛК, № 20, 2005); *Продают заброшенную усадьбу в Вильнюсском районе, возле Кальвяляй* (Р, 15 мая 2009).

в) Слова с исходом на **–ойи (-ейи)** (компоненты составного наименования или отдельные слова): *В 1405 году великий литовский князь Витаутас пригласил бенедиктинцев из Польши, расселил их в Сенейи Тракай...* (ЛР, № 35, 1999); *С 11 мая лица, работающие по патентам или занимающиеся фермерской работой и проживающие как в Вильнюсе, так и в Науейи Вильне, регистрируются страхователями только в Вильнюсском городском отделении* (Обз., № 20, 2009).

Обычно не склоняется в русском языке название города Šventoji: *Недельный отдых в Паланге, Швянтойи* (Р, 15 мая, 2009). Но ср. в языке рекламы: *8 дней отдыха в Паланге “Zunda”, Швентойе “Vaivorykštė”, “Salduvė” (удобства, автобус, проживание, завтраки)* (ЛК, № 30, 2009).

г) Слова, представляющие собой грамматические формы родительного падежа единственного или множественного числа литовских слов. Прежде всего это названия улиц, проспектов, площадей, которые используются именно в такой форме в письменной речи и часто – в устной: *Участники марша пройдут... по пр. Гядимино, улицам Вильняус, Вокечю и Диджеи до Аушрос Варту* (ЛК, № 19, 2009).

Рассмотренные инновации, проявляющие тенденцию к несклоняемости, также непоследовательны в изменении, и это касается прежде всего устной речи. Так, слова на **–ай(-яй)** могут склоняться, причем подобные употребления фиксируются и в речи людей, владеющих литературной нормой: *Жила в Шяуляе, в районе Дайняе* (РР, студентка) – лит. Šiauliai, Dainiai); *Наша экспедиция проходила под Зарасаем* (из устного выступления на конференции доктора филологических наук) – лит. Zarasai; *А брат двоюродный живет в Швенченеляе* (лит. Švenčionėliai). Кроме того, такие литовские слова (и собственные, и нарицательные) в устной речи могут русифицироваться и менять окончание – *Люблю цепелины* (лит. cepelinai); ср. топонимы: *Сантаришки* (а также *Сантары*), *Юстинишки* (а также *Юсты*) – лит. Santariškės, Justiniškės.

В устной речи также могут изменяться слова на **–е**: *Мы к бабушке в Плунгу ездили* (название города – Plungė).

Возможна вариативность употребления литовских топонимов в форме родительного падежа. Ср.: в письменной речи – *По заказу Каунасского самоуправления был подготовлен инвестиционный проект капитального ремонта стадиона им. С. Дарюса и С. Гиренаса* (ЛК, № 30, 2009) – склоняемая в русском языке форма родительного падежа единственного числа; в устной речи – *Живу на Даряус-Гирено* (в соответствии с литовской формой родительного падежа единственного числа).

В связи с непоследовательностью склонения наименований интересным представляется следующее наблюдение Б. Синочкиной (1990), рассматривающей изменение литовских топонимов в русскоязычных газетах 80-х гг. в Литве и России. Отмечается, что литовский язык гораздо более последовательно, чем русский, вовлекает в свою систему словоизменения разные по происхождению географические названия, адаптируя, если требуется, исходную форму. В русском же языке, напротив, прослеживается явная тенденция сохранять этнокультурные особенности заимствуемого слова, по возможности точно передавать его исходную форму. Выбор склоняемой или аналитической формы в языке периодики, по мнению Б.Синочкиной, зависит от двух факторов: от степени известности топонима, экзотичности для русского читателя (тенденция к аналитичности малоизвестных топонимов проявляется в русском языке достаточно широко), а также от традиций конкретного печатного издания.

2) Региональные инновации, не склоняемые в литовском языке.

Функционирование подобных инноваций отмечается обычно в устной речи. Это несклоняемые слова разных частей речи. Среди них выделяются междометия, особенно характерные для экспрессивной речи: *Ой, что будет, siaubas!* ('ужас'); *Ничего не выходит, šakės!* (в данном контексте – выражение досады); реже отмечаются глаголы – *einam* пешком ('идем'), наречия: *Я купила эту тушь, плюс nemokamai* мне дали помаду ('бесплатно'). К несклоняемым относятся также широко распространенные в устной речи литовские этикетные слова, например, предикативы, частицы и др.: *gerai!* 'хорошо', *viskas* 'все'; *tvarkoj* 'в порядке', *labas!* 'привет'; *извините (atsiprašau)*, да (*taip*), нет (*ne*). Некоторые включения встречаются в газетном тексте: *Совет молодежных организаций Литвы (СМОЛ) начинает информационную кампанию «Мне не дзын!»*, призывающую молодежь к активному участию в выборах (Р, 13 мая 2009) – жаргонизм в значении 'не все равно'.

Следует также отметить, что ряд несклоняемых слов в письменной речи пополняют литовские наименования, написанные латиницей, которые довольно распространены в русскоязычных газетах Литвы: *ГП «Vilniaus miškų urėdija» в 2007 г. планирует приобрести участок черного леса в Вильнюсском районе* (Эк.Н., № 18, 2007); *...сельскохозяйственный кооператив «Lietuviškio ūkio kokybė»* (Обз., № 23, 2009). Но и здесь проявляется непоследовательность – возможна вариативность написания и, соответственно, склонения: *Польша уже жалеет, что купила «Mažeikių nafta»* (Обз., № 21, 2009); *...генеральный директор «Мажейкю нафты»...* (Р, 21 мая 2009); это может наблюдаться в одной и той же газете и даже в пределах одного и того же контекста: *Выставили в библиотеке книгу «Santara – Šviesa», выпущенную к 25-летию движения «Сантары –*

Швесы” (Эх.Л., май, 1999). Ср. также использование латиницы в написании адреса: ул. *Миндауго, Вильнюс (около “МАХИМА”)* (Эк.Н., № 50, 2009) – и склоняемость данного названия в разговорной речи: *встретимся около Максимы, зашли в Максиму, были в Максиме* и т.д.

На основе рассмотренного материала, касающегося проявления аналитизма, отметим основные факторы (как внутриязыковые, так и экстралингвистические), поддерживающие несклоняемость региональных инноваций. Это структурные особенности инноваций (их исход); использование инноваций в функции приложения в атрибутивной конструкции; грамматическая омонимия - использование инноваций в функции других частей речи, обычно неизменяемых; соотносительность с языком-источником, где подобные слова представляют собой определенные грамматические формы (например, множ. числа, род. падежа); использование инноваций в иноязычной графике (латинице) в письменном тексте; функционирование в определенной форме речи (устной или письменной); использование в определенной сфере функционирования языка (например, бытовой, официальной); сложившиеся традиции изменения (неизменения) подобных слов в том или ином печатном издании (например, газете); степень распространенности, употребляемости данного слова и др. факторы.

3. Региональные инновации как проявление аналитизма в условиях этнокультурного взаимодействия

Исследования показывают, что язык, сознание, культура, этнос находятся в детерминационной зависимости (В. Гумбольдт, Б.Л. Уорф, А.Н. Леонтьев, Н.Д. Арутюнова, Ю.С. Степанов, В.Н. Телия, А.Д. Шмелев и др.). Языковое контактирование, соответственно, необходимо рассматривать в процессе взаимодействия этнокультур (например, Н.И. Толстой, В.Н. Топоров, А.С. Герд).

Расширение этнокультурных и языковых контактов обуславливает специфику речевой деятельности билингвов. Лингвистические явления, наблюдаемые в языке в ситуации этнокультурного взаимодействия, – это прежде всего отражение универсальных процессов языкового контактирования, проявление конвергенции, ведущего при языковом контактировании лингвистического процесса, выражающегося в стремлении к общности, оптимизации.

Один из результатов процесса языкового контактирования – увеличение количества несклоняемых слов как проявление аналитизма. Класс несклоняемых существительных пополняется за счет новых источников – региональных инноваций. Наш материал, между тем, показывает противоречивость проявления аналитизма. Непоследователь-

ность склонения региональных инноваций обусловлена разнообразными факторами.

Региональные инновации выступают как этнокультурный компонент, характерный для ситуации языкового взаимодействия. Они отражают специфику языковой картины мира коммуникантов в данном социуме. Сложные ментальные процессы, сопровождающие усвоение иной культуры, проявляются в реакции употребляемого языка на окружающее. Региональные инновации, в частности, специфика их грамматической адаптации, связанной со склоняемостью и проявлением черт аналитизма, отражают некоторые особенности языкового сознания билингвов. В связи с этим необходимо обратить внимание на особую функцию региональных употреблений – показатель модуса “свой”. Он характеризуется тем, что внутренние и языковые усилия коммуникантов направлены на то, чтобы “чужое” сделать “своим” (см., например, работы философов Э. Левинаса, Б. Вальденфельса). Это обусловлено коммуникативной целесообразностью.

Условные сокращения

ЛК – “Литовский курьер”;
ЛР – “Летувос ритас”;
Обз. – “Обзор”;
Р – “Республика”;
Эх.Л. – “Эхо Литвы”;
Эк.Н. – “Экспресс неделя”;
разговорная речь – РР.

Литература

- Вайнрайх У. (1999), *Одноязычие и многоязычие*. [In:] *Зарубежная лингвистика*, III, Москва.
- Валгина Н.С. (2001), *Активные процессы в современном русском языке*. Москва.
- Гак В.В. (1998), *Аналитизм*. [In:] Ярцева В.Н. (гл. ред.), *Языкознание. Большой энциклопедический словарь*, 2-е изд., Москва.
- Гловинская М.Я. (2001), *Общие и специфические процессы в языке метрополии и эмиграции*. [In:] *Язык русского зарубежья*, Москва – Вена.
- Гловинская М.Я. (2008), *Активные процессы в грамматике*. [In:] Крысин Л.П. (отв. ред.), *Современный русский язык. Активные процессы на рубеже XX-XXI веков*, Москва.

- Зеленин А. (2007), *Язык русской эмигрантской прессы (1919-1939)*, Санкт-Петербург.
- Земская Е.А. (2001), *Общие языковые процессы и индивидуальные речевые портреты*. [In:] Е.А. Земская (отв. редактор), *Язык русского зарубежья*, Москва – Вена, с. 25-277.
- Ильина Н.Е. (1996), *Рост аналитизма в морфологии*. [In:] Е.А.Земская (отв. редактор), *Русский язык конца XX столетия (1985-1995)*, Москва.
- Маринова Е.В. (2008), *Иноязычные слова в русской речи конца XX – начала XXI в.: проблемы освоения и функционирования*. Москва.
- Мартине А. (1979), “Предисловие” к книге. [In:] У. Вайнрайх. *Языковые контакты*, Киев.
- Панов М.В. (ред.) (1968), *Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. Социолого-лингвистическое исследование*, Москва.
- Протасова Е.Ю. (2004), *Феннороссы: жизнь и употребление языка*, Санкт-Петербург.
- Синочкина Б.М. (1990), *Литовская топонимика и грамматические нормы русского языка*. [In:] “Kalbotyra”, nr 41 (2), Vilnius.
- Шведова Н.Ю., Лопатин В.В. (ред.) (1989), *Краткая русская грамматика*, Москва.
- Шухардт Г. (1950), *Избранные статьи по языкознанию*, Москва.

Summary

The article studies peculiarities of declension of regional innovations conditioned by Russian-Lithuanian interaction as one of manifestations of the analytism. Data for study are facts of both written language (of Russian-language newspapers of Lithuania for the last decennium) and those of the spoken colloquial speech (mainly of Russian residents of Vilnius) in the situation of ethno cultural interaction.

Our stuff demonstrates increase in number of indeclinable words in the situation of ethno cultural interaction owing to new sources, i.e. regional innovations. Incoherency of declension of regional innovations is the reflection of inconsistency of analytism manifestation. Peculiarities of declension of regional innovations and activation of indeclinable words as manifestation of analytism are stipulated by communicative expediency. Regional innovations and processes of grammatical adapting thereof related to manifestation of analytism also is the ethno cultural component in the situation of lingual interaction reflecting some peculiarities of linguistic consciousness of bilinguals.

Katarzyna Czarnecka

PROBLEMY SŁOWOTWÓRSTWA POŁUDNIOWOKRESOWEGO NA TLE POLSZCZYZNY OGÓLNEJ (na przykładzie rzeczowników ekspresywnych)

1. Wstęp

Choć słowotwórstwo języka dawnych Kresów południowo-wschodnich nie zostało jeszcze kompleksowo opisane, pewne zjawiska – interesujące z punktu widzenia użytkownika polszczyzny ogólnej – były sygnalizowane przez badaczy w monografiach poszczególnych gwar, w pracach o języku pisarzy kresowych i o kresowej polszczyźnie historycznej. Mam tu na myśli głównie prace i artykuły Zofii Kurzowej pt. *Polszczyzna Lwowa i Kresów południowo-wschodnich do 1939 r.* (Kurzowa 1983), Ireny Seiffert-Nauki, *Dawny dialekt miejski Lwowa* (Seiffert-Nauka 1993), Jana Zaleskiego, *Polszczyzna Kresów południowo-wschodnich* (Zaleski 1983), Alicji Pihan, *Studia o języku Józefa Ignacego Kraszewskiego. Słowotwórstwo i leksyka drugiego okresu twórczości* (Pihan 1991), Heleny Sojki-Masztalerz, *Niektóre zjawiska słowotwórcze i leksykalne we współczesnej polszczyźnie lwowian* (Sojka-Masztalerz 1999) i in. (por. np. Kurzowa 1958; Szulgan 2006; Zaleski 1975).

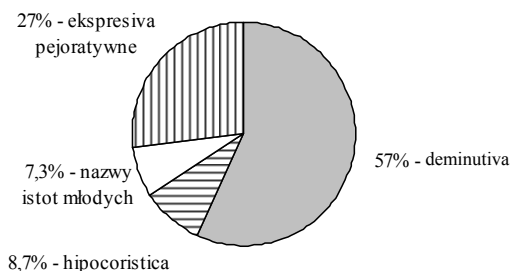
Jako najbardziej interesująca grupa formacji jawią się w tych publikacjach rzeczowniki ekspresywne, które stanowią również temat niniejszego opracowania.

2. Zakres i charakter badań

Badaniami objęłam 1197 formacji ekspresywnych pochodzących z następujących gwar: Mościska wraz z okolicznymi wsiami (tj. Strzelczyska, Krysowice, Czyszki i Lipniki) (Lwowskie), Draganówka (wraz z Poczapińcami) i Stary Skałat (Tarnopolskie), Hreczany, Maćkowce, Oleszkowce, Wójtowce i Zielona (Podole) oraz Nowosielica (Wołyń). Ich orientacyjną lokalizację na terenie Kresów południowo-wschodnich pokazuje mapa (na końcu artykułu). Podczas ekscerpacji korzystałam z różnorodnych źródeł – zarówno z nagrań zgromadzonych

w Pracowni Polszczyzny Kresowej IJP PAN przez prof. Janusza Riegera wraz ze współpracownikami oraz ze słowników gwarowych.

Wśród analizowanych 1197 formacji ekspresywnych zapisałam najwięcej deminutivów – 680, tj. prawie 57%, 105 hipocoristiców – 8,7%, 88 nazw istot młodych, tj. 7,3% oraz 324 ekspresiw pejoratywnych – 27%. Na wykresie kołowym te proporcje wyglądają następująco (p. wykres 1):

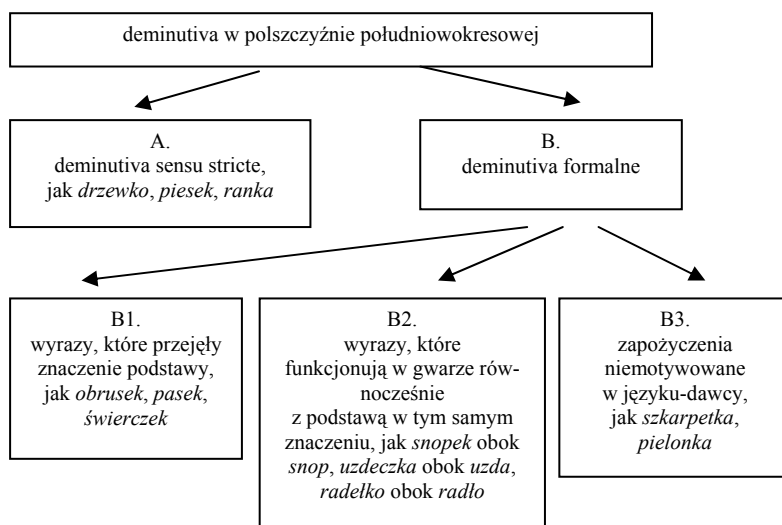
Wykres 1. Formacje ekspresywne w gwarach polskich na Ukrainie

3. Formacje o strukturze deminutivów

Przesycanie wypowiedzi zdrobnieniami i spieszzeniami uznaje się za jedną ze swoistych cech języka Kresów, tak południowych (Seiffert-Nauka 1993: 68; Zaleski 1975: 125), jak i północnych (Dubicka 1986: 9–14; Kurzowa 1993: 251). W opozycji do opinii naukowych, niejako „zewnątrznych”, pozostają obserwacje „wewnętrzne”, pochodzące od użytkowników gwary bądź obserwatorów niejęzykoznawców. W ich mniemaniu język Kresów nie jest szczególnie delikatny czy pieszczotliwy: „Charakterystyczną cechą mowy draganowskiej jest pewna twardość, brak wyrazów zdrobniałych (...)”, „[mowa ta] jest surowa, twarda, jak charakter typów podolskich” – tak opisuje gwara Draganówki ks. J. Chromik (2008: 18–19). Jedna z informaterek z Maćkowiec, pytana o deminutiva drugiego stopnia, nie potrafiła podać żadnej odpowiedzi, usprawiedliwiała się następująco: *U nas troche... W Polsce, kiedy pszenieszli howor is Polszczy tu, i un sie usawierszenstwował* [z ros. ‘ulepszył’ – niejasne], *un stał troche twiordy howor, taki że samego maluškigo ot nim`a: „docia”, „d`oczeczka”, „doci`unia”, to u nas bedo kazać „docia”, to same umienszytel`ne* [‘najbardziej zdrobniałe’], *„dociunia” nie bedo kazać, nim`a takiego*.

Z moich badań wynika, że obok deminutivów sensu stricto w gwarach polskich na terenie Ukrainy istnieje zróżnicowana grupa formacji o strukturze zdrobnień, jednak pozbawionych współcześnie deminutywnego ładunku seman-

tycznego. Przyczyną takiego stanu jest natężona leksykalizacja zdrobnień, a także proces zapożyczania z języka ukraińskiego (w którym zdrobnień jest wiele) oraz rosyjskiego, przy czym obydwie zjawiska mogą występować łącznie. A zatem pośród formacji z wykładnikami deminutywności w gwarach polskich na Ukrainie można wyróżnić: deminutiva sensu stricte (A.) i deminutiva formalne (B.), tj. derywaty, które bądź przejęły znaczenie podstawy (jak *obrusek*, *pasek*, *świerczek*)¹ – podobnie jak ma to miejsce w polszczyźnie ogólnej (B1.), bądź też funkcjonują w gwarze równocześnie z podstawą w tym samym znaczeniu (jak *radelko* obok *radło*, *snopek* obok *sноп*, *uzdeczka* obok *uzda*)² (B2.), bądź też są to zapożyczenia niemotywowane w języku-dawcy (jak *szkarpetka* czy *pielonka*) (B3.) (por. wykres 2). Granica między grupami B1., B2. i B3. jest płynna – nie zawsze bowiem udaje się ustalić, czy w gwarze funkcjonuje odpowiednia podstawa słowotwórcza (por. np. *łuszpajka* ‘łupina’, *maślniczka* ‘przyrząd do ubijania masła’ i in.), ponadto – w różnych gwarach może to wyglądać inaczej.

Wykres 2. Deminutiva w polszczyźnie południowokresowej

¹ [A *obrusek* to małe czy wielkie?] *Je zdrowy* [tj. wielki] *obrusek*, *je małeńki obruseczki*. [A jak wielki, to jak mówicie?] *Obrusek*. [A *obrus* nie mówicie?] *U nas kažo „obrusek” na wielgi*. *W Polsci „obrus” kažo, a u nas nie*. [A jak mały?] *Obruseczek* (informator w Hreczanach); *Świrczyk my kaem* [= *każem* ‘mówimy’], *świrczyk da*. [A duży?] *Świrczyk ta i fsio* (informator w Zielonej).

² *Radło to to, że podgartuje się baraboli*. *Radłem radli się*. *Mówili to samo, ji radelko na niego, i radło* (informator w Oleszkowcach).

W materiale uwagę zwracają nazwy ptaków domowych: *gąska*, *kurka*, *kwoczka*. Ich postać z jednej strony wynika z wpływu ukraińskiego (por. ukr. *к`урка* ‘kura’, *кв`очка* ‘kwoka’), z drugiej – można je interpretować jako formalne upodobnienia do rzeczownika *kaczka*. Dużą grupę stanowią też nazwy środków czynności, typu *dojniczka*, *kołotuszka*, *kopystka*, *maślniczka*, *cedzidełko*, *świderek*, z których większość funkcjonuje w gwarach jako wyrazy neutralne (w wielu wypadkach nie notowano niezdrobniałych synonimów). Można tu rozważyć wpływ formacji na *-arka*, typu *kosarka*, *maglarka*, czy *-aczka*, typu *tolkaczka*, *wyżymaczka*, derywowanych bezpośrednio od nazwy czynności bądź rezultatów czynności.

Deminutiva formalne zapowiadają się jako grupa bardzo ciekawa – zwłaszcza w aspekcie współwystępowania w danej gwarze wyrazów neutralnych i z wykładnikiem deminutywności (w kontekście, który nie wskazuje na użycie hipokorystyczne) por. cyt.: *Unas było to tak, że mama stawali na stolku, a tu dopiro ta szatkownica, kapusty sikali, bo tak nigodni byli [tj. nie dała rady], bo dziżka wienksza byela jak un`i* (O); *To się kryszy nożem na doszczynci takiej dużej* (StS).

4. Formacje ekspresywne pejoratywne

Kolejną grupą, która wyraźnie odróżnia system słowotwórczy gwar polskich na Ukrainie od systemu języka ogólnopolskiego, są rzeczowniki ekspresywne pejoratywne. W dotychczasowych – wspomnianych na wstępie – pracach wskazuje się, że jest to bodaj najbardziej zróżnicowana pod względem formalnym kategoria w słowotwórstwie kresowym, szczególnie widoczne są tu wpływy języka ukraińskiego. Z dostępnych opracowań wynotowałam 18 wskazywanych jako charakterystyczne sufiksów, tj.: *-yło*: *burmyło* (od *burmosić się* ‘dąsać się’), *murmyło* ‘gbur’, *-ydło*: *pysczydło* ‘pysk’, *-ajło*: *drymbajło* ‘wielki przedmiot’, *jakajło*, *podlizajło* (← *podlizywać się*), *strugajło* (← *strugać*), *-adło*: *czupiradło*, *-ała*: *bajtała*, *-acha*: *biedolacha* (← *biedny*) (por. ukr. *бідол`аха*, *бідол`ага* ‘biedaczyna’), *rubacha* (← *rubaszny*), *-aga*: *łamaga*, *paniaga* (← *pan*), *-uga*: *hadiuga* ‘gad’, *-uha*: *katuha* ‘kat’, *pjaniuha* ‘pijak’, *-yga*: *baciaryga*, *batiaryga*, *-uch*: *flejtuch*, *gnieciuch* ‘zakalec’, *kłapciuch* ‘Żyd’, *najduch* ‘podrzutek’, *-us*: *odrús* ‘sknera’, *-un*: *biegun* (← *biegać*), *brechun* (← *brechać* ‘kłamać’), *krykun*, *szczekun*, *-iszcze*: *dworyszcze*, *-ysko*: *pyszczyisko*, *-icha*: *donicha* (← *donica*), *-ęga*: *łazęga*, *-yna*: *batiaryna*.

Analiza ponad 300 derywatów o charakterze ekspresywnym pejoratywnym potwierdziła znaczne zróżnicowanie formalne tej kategorii słowotwórczej na tle innych – zanotowałam tu aż 60 różnych sufiksów (ponadto także formacje paradygmatyczne i złożenia). Jednakże wskazywane jako charakterystyczne dla Kresów ekspresywne sufiksy typu: *-aka*, *-uha*, *-ucha* i in. są reprezentowane najczęściej przez 1–3, maksymalnie 7–8 wyrazów (wobec 26 derywatów z naj-

bardziej produktywnymi w języku ogólnopolskim formantami *-isko/-ysko*, 22 z *-ak* i 21 z *-ina/-yna*), wyjątkiem jest formant *-uch* – 13 derywatów (por. tabela 1.):

Tabela 1. Zasób formantów w derywatach ekspresywnych pejoratywnych (liczby w rubrykach parzystych oznaczają, ile formacji z danym wykładnikiem zanotowano)

-isko/-ysko ³	26	<i>-as</i>	2
<i>-ak</i>	22	<i>-ol</i>	2
-ina/-yna	21	<i>-ctwo/-dztwo</i>	2
<i>-acz</i>	15	<i>-eniec</i>	1
-uch	13	<i>-elec</i>	1
<i>-ec</i>	8	<i>-ownik</i>	1
<i>-nik</i>	8	<i>-niarz</i>	1
<i>-aka</i>	8	<i>-aha</i>	1
-uha	8	<i>-uła</i>	1
<i>-ik</i>	7	<i>-ala</i>	1
<i>-ota</i>	7	<i>-ała</i>	1
<i>-arz</i>	6	<i>-eń</i>	1
<i>-ara</i>	6	<i>-er</i>	1
<i>-ek</i>	5	<i>-och</i>	1
<i>-ucha</i>	5	<i>-ocha</i>	1
<i>-al</i>	5	<i>-ok</i>	1
-un	4	<i>-or</i>	1
<i>-ula</i>	4	<i>-ca</i>	1
-us	4	<i>-ista</i>	1
<i>-ko</i>	4	<i>-ica/-yca</i>	1
<i>-uk</i>	3	<i>-ownica</i>	1
-uga	3	<i>-stwo</i>	1
-ęga	3	-icha	1
<i>-ura</i>	3	<i>-echa</i>	1
<i>-ka</i>	3	<i>-ało</i>	1
<i>-sa</i>	3	<i>-idło</i>	1
<i>-aniec</i>	2	<i>-ajka</i>	1
<i>-owiec</i>	2	-yga	1
-aga	2	<i>-ysz</i>	1
<i>-uka</i>	2	<i>-szczyk</i>	1

W omawianym materiale w ogóle nie pojawiły się formacje ekspresywne pejoratywne z sufiksami *-yło*, *-adło*, *-yszcze* (pojawiają się one w neutralnych nazwach środków czynności), *-ajło* oraz *-acha*. Zapisalam natomiast (nieliczne) formacje z nienotowanymi we wcześniejszych opracowaniach sufiksami, jak *-ota* (*chamota*, *nieudałota*), *-ara* (*byczara* ‘zły byk’, *psiara* ‘zły pies’), *-ura* (*La-*

³ Przez **wytluszczenie** oznaczono sufiksy wcześniej wskazywane jako charakterystyczne.

szura ‘pogardliwie o Polaku’, *babura* ‘babsko’) i in. Zróżnicowanie formalne, jak pokazują zgromadzone derywaty, nie zależy od geograficznej lokalizacji gwary. Największa różnorodność cechuje materiał z Mościsk i okolic – z jednej strony język większości mieszkańców jest tu mocno skażony pożyczkami ukraińskimi i rosyjskimi⁴, z drugiej zaś – materiał z tej gwary jest najobszerniejszy.

Jednakże zróżnicowanie ekspresywizmów pejoratywnych dotyczy także polszczyzny ogólnej – stanowią one grupę „liczną i nieograniczenie pomnażaną przy użyciu różnorodnych wykładników formalnych, ciągle zmienianych i odświeżanych po to, by mogły pełnić funkcję indywidualnej ekspresji” (Grzegorzczkowska, Puzynina 1998: 427). Różnica między polszczyzną ogólną a polszczyzną kresową zasadza się głównie na genetycznej pochodności poszczególnych formacji. Na Kresach obok derywatów *kamieniuka* ‘kamień’, *dziewucha*, *pleciucha* ‘plotkara’, *koniaka* ‘koń’ mamy bowiem rzeczowniki ekspresywne typu: *robotiaha* ‘pracuś’ (por. ros. pot. *рабо́т'яга*), *bajtluha* ‘gadula; osoba, która bajtluje, tj. gada dużo i bez sensu’, *hadiuka* ‘człowiek niegodziwy’, *splucha* ‘śpioch’ (por. ukr. *чнл'юха*), *kołociucha* ‘człowiek kłótlivy, gderliwy; kobieta i mężczyzna’ (por. ukr. *ко́лот'уха* ‘swarliwa kobieta’) i in.

5. Nazwy istot młodych

W języku ogólnopolskim jest to kategoria niezróżnicowana, ograniczona do dwóch formantów – paradygmatycznego na *-ę* (*-ęć-*, *-ęt-*, *-qt-*) i sufiksalnego *-ak*, który może wносить dodatkowe nacechowanie deminutywne lub hipokorystyczne (Grzegorzczkowska, Puzynina 1998: 429–430), przy czym formację z *-ę* uznaje się za starsze, zaś z *-ak* – za nowsze⁵. Liczne rzeczowniki na *-ę* i na *-ak*, jak np. *cielę*, *prosię*, *szczenię*, a także *cielak*, *prosiak*, *szczeniak*, synchroniczne uznaje się za wyrazy niepodzielne słotwórczo, pozostające tylko w relacji semantycznej do wyrazów *krowa*, *świnia*, *pies* itd. (Grzegorzczkowska, Puzynina 1998: 430). Tu analizuję je i przytaczam wśród formacji synchronicznie motywowanych⁶, jak *kozie*, *lisie*, *gęsiak*, *kociak* itp., głównie w celu oddania proporcji nazw istot młodych z poszczególnymi wykładnikami formalnymi.

Zadziwia różnorodnością zasób formantów wykorzystywanych do tworzenia deminutiwów w gwarach polskich na Ukrainie, czego nie sygnalizowano we wcześniejszych opracowaniach. Wykscerpowałam rzeczowniki z następującymi wykładnikami (p. tabela 2):

⁴ Szczegółowe dane na temat wsi i gwary – Kostecka-Sadowa, 2008a: 113–128; Kostecka-Sadowa, 2008b: 247–255.

⁵ Formant *-ę* ma źródło w prasłowiańszczyźnie, pierwsze derywaty z sufiksem *-ak* datuje się na początek XVII w. (Dobrzyński, 1974: 54).

⁶ Podobnie zresztą jak w innych opracowaniach, por. m.in. Dobrzyński 1974; Kowalska 2001: 231–232; Pomianowska, 1963: 115–116).

Tabela 2. Zasób formantów w nazwach istot młodych

-ę (np. <i>kozie, psie</i>)	24
-ątko (-ętko) (np. <i>bydlątko, kurczętko</i>)	24
-ąteczko (<i>prosiąteczko</i>)	1
-ak (np. <i>łośzak, prosiak</i>)	8
-aczek (np. <i>gąsiaczek, psiaczek</i>)	5
-uk (np. <i>indiuk, sarniuk</i>)	7
-uczek (<i>paciuczek, psiuczek</i>)	2
-a (np. <i>niemowla, źrebia</i>)	3
-atko (-etko) (np. <i>kaczątko, niemowlatko</i>)	7
-enia (<i>kaczenia</i>)	1
-eniatko (<i>kaczeniatko</i>)	1
-ynię (np. <i>chłopczynię, kozynię</i>)	3
-yniątko (<i>kaczyniątko</i>)	1
-aczę (<i>psiaczę</i>)	1

Jak widać, w zebranych materiale na 88 rzeczowników oznaczających istoty młode najwięcej było wyrazów z -ę oraz -ątko (po 24 derywaty, łącznie z nieżywoтными i pluraliami tantum), notowano je we wszystkich omawianych gwarach. Formacji z -ak i -uk było trzykrotnie mniej (8 i 7). Formacje z -ak również notowano we wszystkich omawianych gwarach, przy czym najczęściej były to *cielak, łośzak* i *prosiak*, być może zleksykalizowane (można też zastanawiać się nad elementem męskożywności niesionym przez -ak, jak w *świniak*). Podobnie formacje z -uk: notowane były niemal we wszystkich gwarach – najczęściej w rzeczownikach *bliźniuk* i *paciuk*. Formacji z -atko zanotowano 7 (z gwar Hreczan, Maćkowiec, Nowosielicy, Starego Skąlatu i Zielonej).

Postać podanych wyżej formantów wynika także z różnego typu kontaminacji podstawowych form -ę, -ątko dla języka polskiego oraz -я, -ятко dla języka ukraińskiego. Formanty -enia, -eniatko (-еня, -енятко) przyjęły się w języku ukraińskim i gwarach ukraińskich, gdzie funkcjonują równolegle z -я, -ятко, por. качен`я, качен`ятко, котен`я, котен`ятко (Аркушин, 2004: 83; Dobrzyński, 1974: 75). W częstkach -ynię, -yniątko mamy polskie -ę, -ątko w połączeniu z ukraińskimi częstkami -ен-, -еня- (y w miejscu e może wynikać z południowokresowej realizacji e jako i, y, zazwyczaj w pozycji słabej). Częstka -aczę powstała prawdopodobnie pod wpływem rzeczowników typu *kaczą, kurczą* (gdzie cz jest w temacie; interpretacja jako *psiak* + -ę wydaje się mało wiarygodna).

Mimo że kategoria nazw istot młodych – na tle innych – nie jest liczna, zapisałam tu szereg dubletów strukturalnych. Niektóre z nich notowano w obrębie tych samych wsi:

bliźnię (H) – *bliźniuk* (Mk, N, O, W, Z),
cielę (D, H, M, N, O, StS, W, Z) – *cielak* (N, StS),
gąsiaczek (M) – *gęsiątko* (D, N, O, Z),

kaczatko (StS, Z) – *kaczatko* (Z) – *kaczenia* (H),
kocię (H, O, Z) – *kotynię* (D),
koźlątko (H, StS) – *koźlatko* (H, M),
kurczatko (StS, Z) – *kurczątko* (H, N, StS, Z),
łoszę (D, H, N, O, Z) – *łoszak* (D, H, M, Mk, N, O, StS, Z) – *łoszuk* (N),
łoszatko (StS) – *łoszątko* (D, H, N, O, StS, Z),
niemowlatko (M) – *niemowlątko* (Z),
psiak (M) – *psię* (N, W),
psiaczek (M) – *psiuczek* (D, O) i in.

Zazwyczaj w parze dubletów znajdują się wyrazy z tożsamymi, lecz genetycznie obcymi formantami. Trudno jednak jednoznacznie stwierdzić, czy może to być już dowód na rywalizację pewnych formantów, czy tylko świadectwo ich współwystępowania w gwarach.

Podsumowanie i wnioski

Słowotwórstwo południowokresowe – w zakresie nazw ekspresywnych – od języka ogólnopolskiego odróżnia przede wszystkim bogactwo i zróżnicowanie formantów, a także współfunkcjonowanie czy konkurowanie wykładników równych ogólnopolskim z formantami genetycznie obcymi (ukraińskimi bądź rosyjskimi). Uwidacznia się to zwłaszcza w kategorii nazw istot młodych, która dotąd była w opisach pomijana, a także – w mniejszym stopniu – w rzeczownikach ekspresywnych o charakterze pejoratywnym.

Jeśli chodzi o natężenie deminutiwów w polszczyźnie południowokresowej – trzeba tu upatrywać raczej innej struktury całej kategorii deminutiwów (wydaje się jednak, że jest to zagadnienie z pogranicza synchronii i diachronii, warte rozpatrzenia także w perspektywie genetycznej). Trzeba też przyjrzeć się (w szczegółowych badaniach kwestionariuszowych), jak wygląda odbiór przez informatorów rzeczowników formalnie niezdrobniałych znanych z innych gwar, typu *cedzidło*, *dojnica*, *kopyś* (jako neutralne czy augmentatywne?).

Rzeczowniki ekspresywne w gwarach polskich na Kresach południowych są niewątpliwie tematem interesującym, zasługującym na szczegółowe prześledzenie i opracowanie, także w kontekście czynników pozajęzykowych. Jak zauważa Krystyna Kleszczowa: „Utworzenie bądź zanik derywatu w małym stopniu wyznaczają wewnętrzne wymogi języka (...), derywaty giną bądź zanikają w zależności od potrzeb społeczeństwa, któremu służy zbiór leksemów tak derywowanych, jak i niemotywowanych, od kontaktów z innymi narodami (ich językami), w zależności od prestiżu fali pożyczek” (Kleszczowa 2000: 116).

Literatura

- Аркушин Г. (2004), *Іменний словотвір західнополіського говору*, Луцк.
- Chromik J. (2008), Draganówka. *Ludzie – towa – tradycja*. [In:] J. Rieger (red.), *Słownictwo kresowe. Studia i materiały*, Warszawa, s. 13-111.
- Dobrzyński W. (1974), *Z badań nad rozwojem polskich deminutywów*, t. I, *Historyczny rozwój rzeczowników z formantem -ę na tle słowiańskim*, Wrocław.
- Dubicka B. (1986), *Niektóre odrębności słowotwórcze polszczyzny wileńskiej*. [In:] J. Rieger, W. Werenicz (red.), *Studia nad polszczyzną kresową*, t. IV, Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk–Łódź, s. 9-14.
- Grzegorzczukowa R., Puzynina J. (1998), *Rzeczownik*. [In:] R. Grzegorzczukowa, R. Laskowski, H. Wróbel (red.), *Gramatyka współczesnego języka polskiego. Morfologia*, Warszawa 1998, t. II, s. 389-468.
- Kleszczowa K. (2000), *Trwałość i zmienność w systemie słowotwórczym*. [In:] K. Rymut, W. Rzepka, *Studia historycznojęzykowe*, t. III, *Rzeczownik polskiego systemu językowego*, Kraków, s. 115-122.
- Kostecka-Sadowa A. (2008a), *Słownictwo gwar polskich w Mościskach i wsiach okolicznych*. [In:] J. Rieger (red.), *Słownictwo kresowe. Studia i materiały*, Warszawa, s. 113-260.
- Kostecka-Sadowa A. (2008b), *Stan współczesnej polszczyzny Mościsk i okolic*. [In:] Z. Cygal-Krupa (red.), *Współczesna polszczyzna. Stan – perspektywy – zagrożenia*, Kraków–Tarnów 2008, s. 247-255.
- Kowalska A. (2001), *Studia nad dialektem mazowieckim*, Warszawa.
- Kurzowa Z. (1958), *Język pamiętników krzemienieckiego lekarza*. [In:] «Poradnik Językowy» z. 1, s. 7-16, z. 2, s. 49-57 [za: Kurzowa Z. (2007), *Z przeszłości i teraźniejszości języka polskiego*, t. III, Kraków, s. 142-162].
- Kurzowa Z. (1983), *Polszczyzna Lwowa i Kresów południowo-wschodnich do 1939 r.*, Warszawa–Kraków.
- Kurzowa Z. (1993), *Język polski Wileńszczyzny i Kresów północno-wschodnich XVI-XX w.*, Warszawa–Kraków [lokalizacja wg wydania II, Kraków 2006].
- Pihan A. (1991), *Studia o języku Józefa Ignacego Kraszewskiego. Słowotwórstwo i leksyka drugiego okresu twórczości*, Poznań.
- Pomianowska W. (1963), *Klasyfikacja rzeczowników odrzeczownikowych. Studium ze słowotwórstwa i geografii lingwistycznej*, Wrocław–Warszawa–Kraków.
- Seiffert-Nauka I. (1993), *Dawny dialekt miejski Lwowa*, cz. I, *Gramatyka*, Wrocław.
- Sojka-Masztalerz H. (1999), *Niektóre zjawiska słowotwórcze i leksykalne we współczesnej polszczyźnie lwowian*. [In:] J. Rieger (red.), *Studia nad polszczyzną kresową*, t. IX, Warszawa, s. 237-243.

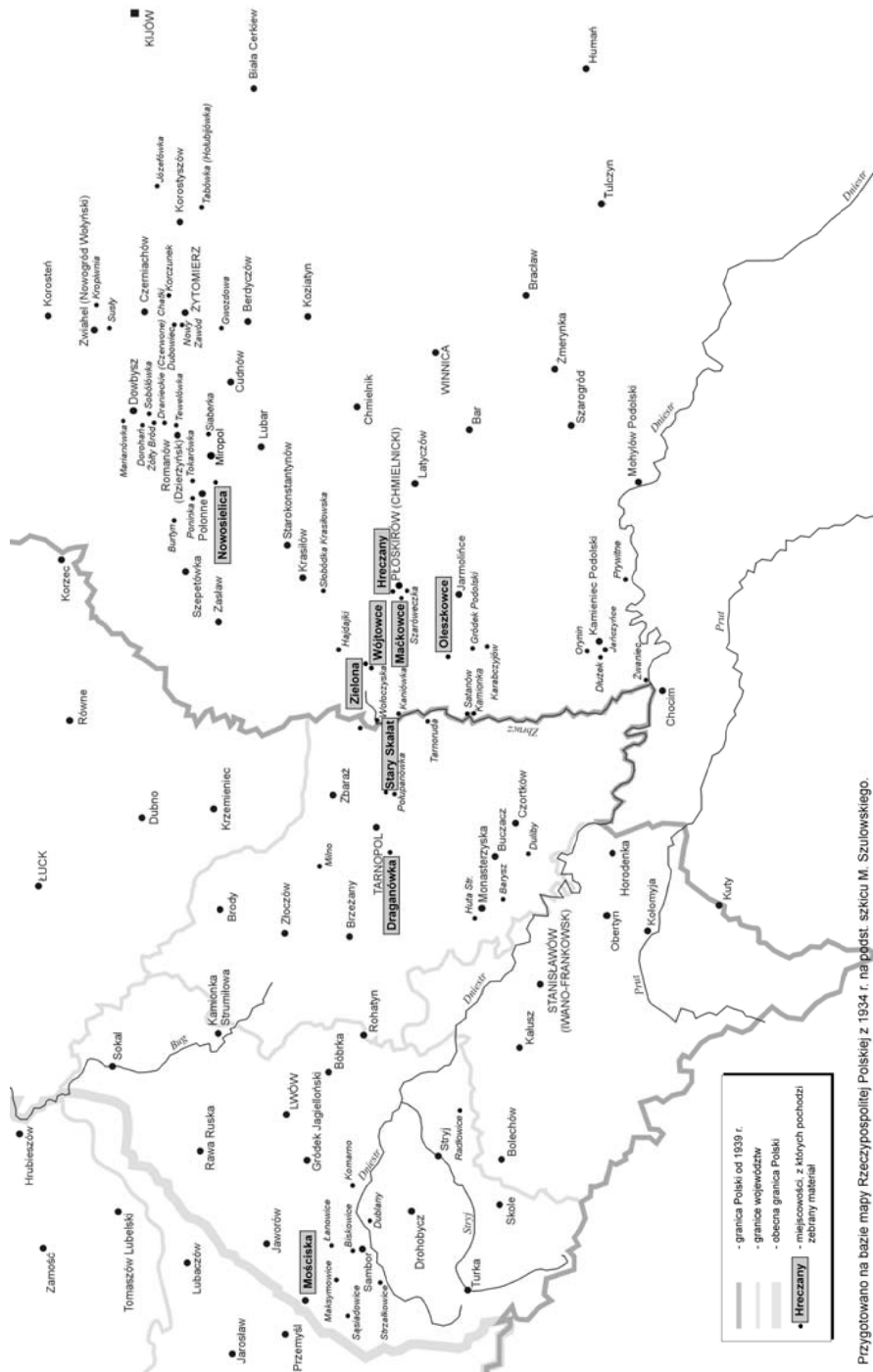
- Szulgan A. (2006), *Język polski starszego pokolenia polonijnego w Krzemieńcu na Ukrainie*. [In:] «Poradnik Językowy», z. 5, s. 58-67.
- Zaleski J. (1975), *Język Aleksandra Fredry*, cz. II, *Fleksja, składnia, słowotwórstwo, słownictwo*, Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk.
- Zaleski J. (1983), *Polszczyzna Kresów południowo-wschodnich*. [In:] J. Rieger, W. Werenicz (red.), *Studia nad polszczyzną kresową*, t. II, Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk–Łódź, s. 9-14.

Summary

The article shows the nature and structure of expressive derivatives in slangs of Polish recent South-Eastern territories. Research has been conducted on 1197 expressive formations of the following local slangs: Mościska (Lviv Oblast), Draganówka and Stary Skalat (Ternopil Oblast), Hreczany, Maćkowce, Oleszkowce, Wójtowce and Zielona (Podolia) and Nowosielica (Volhynia) – see map. Diminutives are dominant in the article – 57%, hypocorisms 8,7%, names of young beings – 7,3%, while the expressive pejoratives constitute 27%.

Word formation of South-Eastern Kresy (in expressive names) differs from the nationwide Polish language primarily in wealth and diversity of affixes, as well as cofunctioning (competing) of markers, equal to the nationwide, with genetically foreign affixes (Ukrainian or Russian). This is particularly evident in the category of names of young beings, as well as expressive nouns of pejorative nature. As for diminutives – different structure of the category should be ascribed.

Expressive nouns in slangs of South-Eastern Kresy are an interesting topic, worth detailed analysis and development, including non-linguistic factors.

Przygotowano na bazie mapy Rzeczypospolitej Polskiej z 1934 r. na podst. szkicu M. Szulowskiego.

Orientacyjne położenie miejscowości, z których pochodzi omawiany materiał

Надежда К. Онипенко

КОНЦЕПЦИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ ГРАММАТИКИ И ЕЕ МЕСТО В СОВРЕМЕННОЙ РУСИСТИКЕ

В 1998 г. была опубликована книга "Коммуникативная грамматика русского языка" (Г.А. Золотова, Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидорова), в которой изложена концепция коммуникативной грамматики и предъявлены ее объяснительные возможности на материале анализа конкретных текстов. В 2000 г. М.Ю. Сидорова публикует книгу «Грамматика художественного текста», в которой «подтверждается значимость лингвистического исследования произведений словесного творчества для углубления и обоснования таких традиционных литературоведческих понятий, как *жанр, сюжет, система персонажей*» (с. 2). В 2003 году «Коммуникативная грамматика русского языка» была удостоена Шахматовской премии РАН, а в 2004 г. вышло ее 2-е дополненное издание. Теория коммуникативной грамматики – это попытка русистики конца XX века представить русскую грамматическую систему как многомерное пространство изнутри, с точки зрения носителя языка, а не извне, не с точки зрения стороннего наблюдателя, дистанцированного от русского языка и русской культуры, соединить системное описание грамматики и анализ текста.

Принципы и основополагающие понятия концепции коммуникативной грамматики – результат многолетней научной деятельности доктора филологических наук, профессора Галины Александровны Золотовой. Будучи ученицей академика В.В. Виноградова, Г.А. Золотова в своем научном творчестве соединила системное представление языка в целом с коммуникативно-текстовым подходом к конкретным языковым фактам, лингвистику и поэтику текста, грамматику и лексикографию.

Так уж сложилось в истории науки, что каждое значимое имя соотносят с "ключевыми словами", то есть с идеями и понятиями, которые были введены в науку тем или иным исследователем. В русистике имя Г.А. Золотовой связано с идеей принципиальной двусоставности

предложения и признанием за некоторыми косвенными падежами роли подлежащего (субъекта), с критерием изосемичности/неизосемичности и идеей синтаксического поля предложения, с понятием минимальной синтаксической единицы – синтаксемы, с категорией оценки, рематической доминантой и, наконец, понятием коммуникативного регистра речи.

Книга Г.А. Золотовой «Очерк функционального синтаксиса русского языка» (1973) заложила основы методологии будущей концепции коммуникативной грамматики. Сегодня эта методология строится, во-первых, на признании трехмерности значимой единицы языка, представляющей собой единство формы, значения и функции, во-вторых, на единстве семантики и синтаксиса и динамическом представлении русской синтаксической системы и, в-третьих, на идеях, соединяющих системное представление грамматики и анализ текста.

Всякая научная концепция находится в диалогическом взаимодействии с другими научными концепциями, существующими на том же этапе развития научной дисциплины.

В русистике конца 20-го века сосуществуют три направления, использующие в качестве терминологического самообозначения прилагательное «функциональный». Это (1) теория функциональной грамматики (ТФГ), разрабатываемая группой ученых под руководством А.В. Бондарко, (2) функционально-коммуникативная грамматика (КГ), основанная на концепции Г.А. Золотовой, и (3) прикладная теория функционально-коммуникативного синтаксиса (ФКС) М.В. Всеволодовой.

ФСК М.В. Всеволодовой представляет собой лингво-методическую модель порождения русской речи, модель прикладную, педагогическую, предназначенную для преподавания русского языка как неродного.

Рассмотрим подробнее два других направления функциональной грамматики, для которых исходной является общетеоретическая направленность.

А.В. Бондарко в книге «Основы функциональной грамматики: Языковая интерпретация идеи времени» (СПб, 2001) пишет о различиях грамматики традиционной (описательной) и грамматики функциональной:

«Если традиционная грамматика отвечает прежде всего на вопрос *как устроена языковая система?*, то функциональная грамматика, разумеется, учитывая устройство этой системы и ее элементов, стремится ответить на вопрос *как она функционирует?* Если традиционная грамматика анализирует и описывает языковые факты преимущественно или исключительно в направлении от формы к значению, то функциональная грамматика предполагает доминирующую роль анализа языкового материала в направлении от смысла к его выражению, от функций к средствам их реализации. Это связано со стремлением отразить

в грамматическом описании позицию говорящего, важнейшую сторону его мыслительно-речевой деятельности – движение от смысла, который он хочет выразить, к реализации этого намерения в конкретном высказывании» (с. 5-6). При этом он считает, что традиционная (уровневая, описательная) грамматика и грамматика функциональная находятся в отношениях взаимного дополнения: «Эти типы грамматики дополняют друг друга в широком поле грамматических исследований» (с. 8).

Для характеристики разных направлений в рамках функциональной грамматики А.В. Бондарко предлагает принцип доминанты: ТФГ он характеризует как модель с системно-языковой доминантой, а КГ – как модель с коммуникативно-речевой доминантой (с. 8-9).

Это не означает, что ТФГ не интересуется реальное функционирование языковых единиц в речи, а КГ не является системным значением о языке. Это означает, что каждая теория отличается своим приоритетом: ТФГ – системно-описательным, КГ – системно-объяснительным. Для этого каждая из теорий предлагает собственные исследовательские инструменты – идеи, положенные в основу всей концепции. В ТФГ – понятия *семантической категории*, *функционально-семантического поля* и *категориальной ситуации*. «Семантические категории (время, пространство, качество, количество и т.п.) как универсальные семантические константы представляют собой содержательное основание ФСП» (с. 28). Функционально-семантическое поле – «это семантическая категория, рассматриваемая в единстве с системной средств ее выражения в данном языке» (с. 17).

«Если описание каждого ФСП дает представление о парадигматической системе разноуровневых языковых средств, служащих для выражения вариантов определенной семантической категории в исследуемом языке, то КС (категориальные ситуации), представленные в многоступенчатой системе вариативности, отражают репрезентацию семантических категорий в речи» (с. 26). Таким образом, ФСП – это способ собирания (исследователем) языковых средств разных уровней вокруг одной семантической категории и способ представления этой категории в описательной грамматике. Понятие КС «служит для анализа функциональных вариантов данной семантической категории, выражаемых в высказывании» (с. 27).

Понятие КС в ТФГ используется для объяснения отношений между языковой категорией и условиями ее выражения в речи, то есть, по мнению А.В. Бондарко, для объяснения отношений между системой и средой (системой при этом является совокупность ФСП, а средой речевая деятельность языкового коллектива).

Для того чтобы соединить систему ФСП с традиционной грамматической моделью, А.В. Бондарко вводит еще одно понятие – «грамматическое единство». Таким грамматическим единством становится часть речи («грамматически характеризованный класс лексики» – с. 31), а также предложение («оно и интегрирует в себе свойства грамматической единицы и грамматического единства» – с. 31).

Теория коммуникативной грамматики (КГ), в отличие от ТФГ, предлагает такие исследовательские инструменты, которые позволяют (а) соединить все значимые единицы языка в процессе порождения текста, (б) построить функционально обоснованную модель грамматической системы русского языка. Такими инструментами являются идея коммуникативного регистра речи, модель субъектной перспективы текста и таксис как техника межпредикативных отношений в тексте.

В ТФГ и в КГ функциональность понимается как предназначенность языковой единицы, но в ТФГ это предназначенность выражать определенное значение, а в КГ – предназначенность выражать свое значение в определенных коммуникативных условиях (в рамках предложения или текста). Чтобы понять разницу между двумя концепциями рассмотрим пример А.В. Бондарко. Он пишет: «При анализе структуры поля темпоральности глагольные формы времени, синтаксические конструкции (ср. номинативные, инфинитивные конструкции и т.д. – *Тишина; Тебе дежурить* и т.п.), лексические показатели времени (*вчера, вот-вот* и т.п.) рассматриваются прежде всего с точки зрения потенциальных назначений этих средств, их потенций по отношению к выражению темпоральных отношений» (с. 44). Тем самым утверждается, что функция (как потенция, так и реализация) – это предназначенность по отношению к семантической категории темпоральности, то есть по отношению к значению. В КГ каждое из упомянутых А.В. Бондарко языковых средств получит иную функциональную характеристику: (1) глагольные формы времени рассматриваются в системе видо-временных форм по отношению к коммуникативным регистрам речи и при этом обнаруживаются аористивная, имперфективно-характеризующая, имперфективно-процессуальная и перфективная текстовые функции глагольных форм; (2) по отношению к коммуникативным регистрам устанавливаются и функции синтаксических конструкций: для номинативной – репродуктивно-описательная, для инфинитивной типа *Тебе дежурить* модально-информативная или модально-волеитивная (= Я поручаю тебе дежурить); (3) лексические показатели времени выполняют темпорально-дейктическую функцию в рамках субъектной перспективы текста, соотнося данное предложение с одной из субъектных сфер в рамках структуры образа автора. Так, предложение *Он только вчера приехал*,

а успел уже поссориться с тремя стариками (Лермонтов) указывает на отнесенность этого предложения к субъектной сфере говорящего – в нашем примере к субъектной сфере Печорина: наречие *вчера* относится к эгоцентрикам, соотносящим время действия и время мысли-речи.

Основными объектами внимания в КГ становятся трехмерные синтаксические единицы – синтаксемы и предложения, которые понимаются как результат соединения формы (морфологической), значения (лексико-семантического) и функции (коммуникативно-синтаксической). В отличие от КГ, ТФГ представляет все языковые единицы в уровневой системе как единицы двухмерные, функциональное измерение при этом принадлежит не самой единице, а исследователю, который обнаруживает «функцию-потенцию» или «функцию-реализацию».

Таким образом, ТФГ создает классификационную, системно-описательную модель категориальной грамматики. Эта модель, возникнув в рамках ленинградской типологической школы, представляет русскую грамматическую систему в ряду грамматик других языков. Сопоставительный аспект ТФГ обусловил категориально-морфологический характер ТФГ, в отличие от КГ, которая обращена к тексту и говорящему как творцу текста. КГ – это системно-объяснительная грамматика, признающая приоритет синтаксиса над морфологией, интерпретирующая морфологические категории имен и глаголов в рамках минимальной синтаксической единицы – синтаксемы – по отношению синтаксическому целому тексту.

КГ тесно взаимодействует со стилистикой функциональной и стилистикой художественной речи: концепция КГ позволяет грамматически интерпретировать те явления русской речи, которые исследуются в рамках стилистики, дает стилистике и литературоведению прочную лингвистическую базу для анализа текста.

Итак, КГ, будучи интегрирующей грамматической теорией, отличается от других лингвистических дисциплин и научных школ. В отличие от стилистики, внимание КГ обращено не только на конкретный текст, язык одного автора или на определенную сферу общественного сознания (дискурс, функциональный стиль), но и на грамматическую систему в ее функциональных возможностях. В отличие от синтаксиса речи, в котором рассматриваются экспрессивные (периферийные в системном синтаксисе) языковые средства, КГ охватывает всю систему значимых единиц языка. В отличие от ТФГ, КГ понимает функцию как роль языковой единицы в реализации коммуникативных задач говорящего, в построении текста. В отличие от уровневой лингвистики, рассматривающей уровни системы изолированно, КГ предлагает интегрирующий взгляд на языковую систему в ее реальном бытии, в текстовом воплощении.

Наиболее значимыми достижениями коммуникативной грамматики признаются идеи, соединяющие языковую систему и текст. В коммуникативной грамматике была выработана общая схема анализа текста как модель четырех ступеней интерпретации текста. Если двигаться от языка, то ступень А – это языковые средства, выбранные автором, ступень В – это речевые приемы оформления языковых моделей, ступень С – это приемы текстовой тактики (предписываемые жанром и стилем или выработанные самим автором), ступень D – стратегия автора, т.е. основная задача, ради которой создается текст. Филологическое исследование возможно в двух направлениях: от А к D – это лингвистика текста, от D к А – литературоведение. К сожалению, как правило, преобладает частнодисциплинарный подход: лингвистика не соотносит языковые средства с авторским замыслом, а литературоведение не добирается до языковых средств. При этом если литературоведение замыкается на ступенях D и С, то оно оказывается на принципиально гипотетической территории и литературоведческие тексты носят чисто эссеистический характер, перестают быть научными, если же литературоведение захватывает нижние ступени, оно сближается с лингвистикой. Эти четыре ступени можно сопоставить – с определенными оговорками – с четырьмя «причинами» Аристотеля: материальная (язык), действующая (речевая деятельность говорящего), формальная (тактика), целевая (стратегия). По Аристотелю, который определял категорию причины на примере эстетического творения (статуи), представить целостность эстетического объекта можно, лишь соединив все причины (или ступени).

Описательная лингвистика подробно разработала формальный аспект языковых единиц, но для соединения в одном исследовании структуры, семантики и функции нужны такие лингвистические „инструменты”, которые бы обнаружили связь между словом, предложением и текстом, во-первых, и грамматической системой и текстом, во-вторых. Теория коммуникативной грамматики предложила такие грамматические инструменты. Это

- (1) модель субъектной перспективы,
- (2) понятие коммуникативного регистра речи,
- (3) таксис как техника межпредикативных отношений в тексте.

Если конкретное высказывание исследовать с использованием каждого из трех инструментов, то станет очевидным, что отношение высказывания к изображаемой действительности интерпретируется системой коммуникативных регистров, отношение высказывания к сфере человека мыслящего и говорящего представлено субъектной перспективой, а отношение высказывания к другому высказыванию объясняется теорией таксиса.

Такой подход восходит к трудам В.В. Виноградова: в основе модели субъектной перспективы – с одной стороны, грамматическая и стилистическая интерпретация категории лица, с другой – структура «образа автора»; теория коммуникативных регистров речи опирается на принципы лингвистического анализа текста, разработанные В.В. Виноградовым в статье «О стиле «Пиковой дамы» (1936 г.), в книге «Стиль Пушкина» (1941 г.) и в разделе книги «Русский язык», посвященном глаголу.

1. Чтобы понять, что такое коммуникативный регистр речи, обратимся к модели 4-х уровней интерпретации текста. В ней между уровнем языковых структур (ступень А) и уровнем текста (ступени С, D) есть ступень (ступень В), на которой обнаруживаются репертуар речевых технологий, или определенных моделей речевой деятельности. Между языком-системой и речью-результатом есть третий компонент – речевая деятельность, которую осуществляет человек говорящий. В его распоряжении разные технологии использования языковой системы в соответствии с его коммуникативными задачами. Набор (репертуар) этих технологий зависит от культурно-исторических условий функционирования языка, от социально-коммуникативных и эстетико-коммуникативных потребностей общества в разные периоды его развития.

Эти ментально-речевые модели не принадлежат конкретному тексту и конкретному автору, они обеспечивают функционирование языковой системы в соответствии с определенными коммуникативными задачами любого говорящего (пишущего). Эти модели и получили название коммуникативных регистров речи.

Коммуникативный регистр речи – понятие, которое позволяет преодолеть противопоставление языка и речи. Коммуникативный регистр речи – трехмерное понятие: (1) фрагмент, обнаруживаемый в речевой последовательности (в тексте), (2) модель речевой деятельности и (3) языковые средства, предназначенные для реализации этой модели в тексте. Тем самым понятие коммуникативного регистра оказывается обращенным к языковой системе, к тексту и к говорящему, который творит текст.

Идея существования разных моделей речевой деятельности была выдвинута Г.А. Золотовой в 60-е годы, уточнялась в книгах 1973 г. и 1982 г. и получила окончательное воплощение в «Коммуникативной грамматике русского языка» (1998 г.). Пять регистров с учетом описательной и повествовательной разновидностей репродуктивного и информативного регистров образуют семичленную функциональную парадигму.

Понятие коммуникативного регистра появилось в результате грамматического анализа текста и представляет собой возведение

грамматических категорий времени и модальности до уровня текста. Коммуникативный регистр речи – это не простое переименование уже известных сущностей, не расширение контекста для интерпретации идеи времени, это – модель речевой деятельности, позволяющая соединить уровень слова (синтаксему) и уровень текста, лексику и грамматику, интерпретировать определенные грамматические значения в связи с точкой зрения говорящего.

Анализ текстов позволяет разграничить:

- (I) Перцептивно обусловленные фрагменты, в которых слово прямо констатирует наблюдаемую действительность в статике (1) или в динамике (3), (9) - (12). Такая речевая модель названа **репродуктивным регистром**, в двух разновидностях: статической – **репродуктивно-описательный регистр** – и динамической – **репродуктивно-повествовательный регистр**.
- (II) Информативные фрагменты, обусловленные точкой зрения субъекта мнения (2) и знания (4) оформляются средствами **информативного регистра**, для которого тоже возможны статическая и динамическая разновидности – **информативно-описательная** (*Богат и знатен Кочубей, Довольно у него друзей...* – Пушкин, Полтава) и **информативно-повествовательная** (*Оставил он свое селенье, ... И начал странствия без цели, ...Он возвратился и попал, как Чацкий, с корабля на бал* – Пушкин, Евгений Онегин).
- (III) Фрагменты, в которых формулируется общечеловеческая мораль, истины, законы человеческого бытия (*У сильного всегда бессильный виноват* – Крылов; *Влюбленные часов не наблюдают* – Грибоедов; *Обычай деспот меж людей* – Пушкин) – **генеритивный регистр**.
- (IV) Фрагменты, в которых говорящий выражает свою волю, направляя ее конкретному или обобщенному адресату (*Поэт! Не дорожи любовью народной.* – Пушкин, Поэт; *Но в день печали, в тишине, Произнеси его тоскуя; Скажи: есть память обо мне, Есть в мире сердце, где живу я...* – Пушкин, Что в имени тебе моем?) – **волюнтивный регистр**.
- (V) Отдельные слова или синтаксические структуры, выражающие реакцию говорящего на ситуацию или чужое слово (*Увы! Невеста молодая Своей печали неверна..; И нынче – божье! – стынет кровь..; Поздравим Друг друга с берегом. Ура!* – Пушкин, Евгений Онегин) – **реактивный регистр**.

Таким образом, коммуникативные регистры различаются следующими дифференциальными признаками:

- (а) пространственно-временная дистанцированность говорящего по отношению к изображаемой действительности (репродуктивный – информативный – генеритивный);

(б) характер изображаемой действительности – статика/динамика (описательные и повествовательные разновидности репродуктивного и информативного регистров);

(в) отношение слова к действительности, то есть коммуникативная задача говорящего (представить действительность – репродуктивный, информативный, генеритивный; воздействовать на действительность – волюнтивный; выразить отношение к действительности – реактивный).

2. Текст создается автором в соответствии с его стратегией, строится по законам его тактики в соответствии с функциональными возможностями и семантикой языковых единиц. Организующим центром текста является авторское Я, избранная им точка зрения. Любой текст рождается в результате взаимодействия двух миров: *Я* говорящего и *Не-Я* изображаемой действительности. Текст как творческий поступок (по М.М. Бахтину), как высказывание (в широком смысле этого слова) соединяет сферу авторского *Я* и сферу персонажей (сферу 3-го лица). Персонажи различаются как своей ролью в развитии действия, так и степенью близости к говорящему *Я*.

Если, исследуя разные тексты, соединить все возможные для текста субъектные роли, то можно построить модель потенциальной субъектной организации любого текста, или **модель субъектной перспективы**.

Субъектная перспектива – это ось, соединяющая субъектные сферы героев (субъектов действия, состояния, качества), внутритекстовых субъектов мысли и речи, а также автора и читателя. Субъектная перспектива является механизмом, обеспечивающим понимание, соотнесение конкретного фрагмента текста к определенной точке зрения, соотнесение как минимум двух субъектных сфер – субъекта действия (героя, о котором идет речь) и субъекта мысли и речи (автора, рассказчика).

Полная модель субъектной перспективы насчитает 5 типов субъектов и соответственно 5 субъектных сфер. В КГ они рассматриваются в том порядке, в каком они появляются в полипредикативных предложениях (в которых вербализованы минимум две предикативных единицы и соответственно не одна субъектная сфера) – справа налево. Такой порядок вполне соответствует расположению семантически самодостаточных (свободных) и семантически несвободных компонентов. Семантически несамодостаточные компоненты в русском предложении занимают левую позицию (в русском языке используются предлоги, а не послелог, модальные слова в составном сказуемом располагаются перед инфинитивом, модусные рамки (в составе сложноподчиненного предложения с придаточным изъяснительным) – перед диктумной частью, т.е. перед пропозицией. Поэтому в модели субъектной перспективы высказывания субъектные зоны нумеруются справа налево:

М о д у с			Д и к т у м		
S5	S4	S3	S2	S1	
(адресат)	(говорящий)	(авторизатор)	(каузатор)	(субъект базовой модели)	

Каждая из перечисленных субъектных сфер находит свое языковое воплощение. Иногда они соединяются в одном высказывании:

Бедный смотритель не понимал, каким образом мог он сам позволить своей Дуне ехать вместе с гусаром (Пушкин, Повести Белкина).

В данном примере вербализованы три субъектные сферы: S1 – *Дуня поехала вместе с гусаром*; S2 – *Самсон Вырин позволил Дуне ехать с гусаром*; S3 – *Самсон Вырин не понимал, каким образом...* Кроме указанных трех субъектных сфер, имплицитно представлена и четвертая S4 – сфера говорящего (рассказчика – титулярного советника А.Г.Н.), который одновременно является и субъектом речи, и субъектом мнения, поскольку именно он называет Самсона Вырина *бедным* смотрителем. Невербализованной сферой остается читатель (адресат речи), занимающий третью зону модуса – S5.

Категория лица, работая между модусом и диктумом, обнаруживает отношение между субъектами сообщаемого факта и субъектом речи (*Я был рожден для жизни мирной, Для деревенской тишины* – синтаксическое лицо выражено местоимением).

Категория лица выражает и отношения в рамках модуса – совпадение/несовпадение субъекта сознания и субъекта речи: 1-е лицо – *По-моему, он прав*; 3-е лицо – *Онегин был по мнению многих* (*Судей решительных и строгих*) *Ученый малый, но педант*. И в том и в другом случае точкой отсчета оказывается Я говорящего.

Те же пять субъектных сфер в тексте являются основой структуры образа автора. Каждая из субъектных сфер может быть представлена несколькими субъектами (например, несколько героев в одной повести или несколько рассказчиков в «Повестях Белкина»). В свою очередь, один и тот же персонаж может быть не только субъектом действия, но и субъектом сознания, субъектом речи, адресатом чужого слова.

Пять субъектных сфер – это пять ролей, возможных для субъекта личного. Субъекты не-личные и вне-личные (исключая случаи персонификации) ограничены диктумом. Комбинация субъектных сфер в рамках структуры образа автора принадлежит тактике пишущего, воплощенной в конкретном тексте.

На фоне полной субъектной перспективы текста одно и то же высказывание может осмысливаться по-разному. Так, знаменитая пушкинская фраза *Гений и злодейство – две вещи несовместные* может прочитываться по-разному в зависимости от того, кто ее произносит. В маленькой трагедии Пушкина первым ее произносит Моцарт: «[Моцарт] *Он же гений, Как ты да я. А гений и злодейство - Две вещи несовместные. Не правда ль?*». Разговор шел о Бомарше, и Моцарт имел в виду, что гений и злодейство не могут ужиться в одной душе, и если Бомарше - гений (в чем Моцарт не сомневается), то он не может быть злодеем. В финале ту же фразу произносит Сальери: «...но ужель он прав, И я не гений? *Гений и злодейство Две вещи несовместные*». Гений Моцарт судит о Бомарше по себе, так же как и Сальери, который, применив этот закон к себе, делает вывод, что если в его душе злодейство, то значит, он не гений. И в том и в другом случае ареной борьбы гения и злодейства оказывается человеческая душа. Но если читатель соотнесет ту же фразу с точкой зрения автора, то он прочтет ее как характеризующую мир: в этом мире гений (Моцарт) и злодей (Сальери) – *две вещи несовместные*, в злом мире гениям нет места. Таким образом, осмысление высказывания обусловлено той субъектной перспективой, которую выстраивает читатель или критик, пишущий литературно-критическую статью. Но если обычный читатель сживается с одним из персонажей и смотрит на художественный мир его глазами, то критик, как писал И. Анненский в Предисловии к «Книге отражений», «стоит обыкновенно вне произведения: он его разбирает и оценивает; он не только вне его, но где-то над ним» (Анненский 1987: 176).

Таким образом, модель субъектной перспективы позволяет интерпретировать отдельные высказывания, фрагменты текстов и тексты целиком с точки зрения типа повествования, избранного автором (о типах повествования см., например книгу Н.А. Кожевниковой «Типы повествования в русской литературе 19-20 вв» (1994), а также жанры в рамках художественного, публицистического, научного и др. стилей. При этом модель субъектной перспективы необходимо соединить с другим исследовательским инструментом – типологией коммуникативных регистров речи.

3. Третьим текстовым измерением является его линейная речевая последовательность и, следовательно, грамматическая техника соединения в синтагматической последовательности минимум двух предикативных единиц.

Для интерпретации механизма синтагматического взаимодействия предложений в тексте используется термин связность (когезия), под который обычно подводят такие понятия, как актуальное членение, тематическое взаимодействие, анафора, катафора, повтор. В этом наборе

представлены лексические объекты (повтор слова или лексического значения), морфологические классы слов (местоимения) и суперсегментные средства (интонация, порядок слов). Но при этом вне поля зрения исследователей оказывалось грамматическое «согласование» предикативных форм по каждой из трех предикативных категорий. Это отношение было названо таксисом. Таксис обеспечивает синтагматическое взаимодействие (1) двух предикативных единиц в рамках (а) простого осложненного и (б) сложного предложения, (2) двух предложений в регистровом композитиве, (3) композитивов в тексте.

(1а) В простом полипредикативном предложении (осложненном) зависимая предикативная единица может быть выражена неспрягаемыми формами глагола (причастие, деепричастие, инфинитив), производными именами (девербативами и деадъективами), признаковыми именными синтаксемами (см. подробнее в КГ). Рассмотрим примеры с деепричастиями:

(а) *Герман стоял, **прислонясь** к холодной печке.*

(б) ***Раздевшись**, она села у окна в вольтеровы кресла и отослала горничных.*

В обоих примерах употреблены глаголы в прошедшем времени и деепричастия от возвратных глаголов совершенного вида. В условиях репродуктивно-описательного регистра (*стоял, прислонясь...*) в соединении с несовершенным видом глагола состояния деепричастие совершенного вида прочитывается стативно и выражает отношения одновременности. Во втором примере деепричастие совершенного вида сохраняет акциональное, динамическое значение в условиях репродуктивно-повествовательного регистра, в соединении с двумя последующими спрягаемыми формами акциональных глаголов совершенного вида, т.е. разновременность (следование).

(в) В осложненном предложении возможно и другое соотношение предикативных категорий: совпадение по субъекту, но несовпадение в плане модальности. Таким соотношением характеризуются конструкции с так называемым субъектным инфинитивом (термин А.М. Пешковского): ***Пошел** по по базару **Посмотреть** кой-какого товару; Испугался бесенок и к деду **Пошел рассказывать** про такую победу* (Пушкин). Инфинитив представляет положение дел не как реальное, а как потенциальное. Несовпадение по модальности автоматически исключает отношение во времени, поскольку ирреальная модальность и время – взаимоисключающие категории.

(1б) В сложном предложении соединяются самостоятельные предикативные единицы, т.е. такие, в которых предикативные категории выражены морфологически (в глагольных формах) или синтаксически

в рамках грамматической основы предложения. Предикативные единицы соотносятся друг с другом по категориям модальности, времени, лица. Например:

- (а)тогда
Княжна с постели **соскочила**,
Седого карлу за колтак
Рукою **быстрой ухватила**,
Дрожащий **занесла** кулак
И в страхе **завизжала** так,
Что всех арапов **оглушила**. (Пушкин, Руслан и Людмила);
- (б) (.....- и вот
Толпа **валят** в пустых равнинах.)
Ослы в перекидных корзинах
Детей играющих **несут**;
Мужья и братья, жены, девы,
И стар и млад вослед **идут**;
Крик, шум, цыганские припевы,
Медведя рев, его цепей
Нетерпеливое бряцанье,
Лохмотьев ярких пестрота,
Детей и старцев нагота,
Собак и лай и завыванье,
Волянки говор, скрип телег... (Пушкин, Цыганы)

В первом примере речь идет о действиях одного субъекта, предикативные единицы соединяются по принципу односубъектности – субъектная синтаксема (*княжна*) дается один раз, и при ней так называемые однородные сказуемые. Все предикаты – глаголы совершенного вида,двигающие сюжет вперед. Поскольку все происходит в наблюдаемом времени (актуальном, сюжетном), постольку все предикативные единицы характеризуются одной модальностью – реальной, но разновременностью, несовпадением во времени – предикаты находятся в отношениях временного следования, один следует за другим – как в речи, так и в сюжетной последовательности.

Во втором примере предикативные единицы относятся к разным субъектам (полисубъектность), но к одному времени (одновременность), поскольку фрагмент представляет собой репродуктивное описание движущегося табора. Во втором фрагменте глаголы несовершенного вида соседствуют с именными предикатами (*крик, шум, рев, пестрота, нагота*). Разные субъектные сферы представлены синтаксемами И. п. и синтаксемами Р. п.

- (в) Приподняв голову, опустив безжизненно-повисшие руки, **как это делают танцовщицы**, Наташа, энергичным движением переступая с каблучка на цыпочку, **пошла** по середине комнаты и **остановилась**. (Толстой, Война и мир)

В примере (в) в рамках одного сложного предложения соединяются предикативные единицы, принадлежащие разным регистрам.

Подчеркнутое придаточное принадлежит информативному регистру, а все остальное предложение – репродуктивному. Таким образом, в рамках одного сложного предложения соединяются разные модусы (перцептивный и ментальный).

(2) В одном регистровом композитиве соединяются предложения, которые могут совпадать или не совпадать по субъекту и по времени. См., например:

(а) *Три двери прогремели, и глухо на лестнице прозвучал Николкин удивленный голос. Голос в ответ. За голосами по лестнице стали переваливаться кованные сапоги и приклад. Дверь в переднюю впустила холод, и перед Алексеем и Еленой очутилась высокая, широкоплечая фигура в шинели до пят и в защитных погонах с тремя поручичьими звездами химическим карандашом. Башилык заиндевел, а тяжелая винтовка с коричневым штыком заняла всю переднюю.* (Булгаков, Белая гвардия);

(б) *За огромным письменным столом с массивной чернильницей сидел пустой костюм и не обмакнутым в чернила сухим пером водил по бумаге. Костюм был при галстуке, из кармашка костюма торчало самопишущее перо, но над воротником не было ни шеи, ни головы, равно как из манжеты не выглядывали кисти рук. Костюм был погружен в работу и совершенно не замечал той кутерьмы, что царила кругом.*

(Булгаков, Мастер и Маргарита)

В примере (а) несколько героев (полисубъектность) и их неодновременные (последовательные) действия, которые выражаются глаголами совершенного вида. Фрагмент состоит из двух регистровых блоков: репродуктивно-повествовательного и репродуктивно-описательного, к которому относится последнее сложное предложение. В рамках регистрового композитива предикативные единицы могут не совпадать по субъекту, но должны совпадать по модальности. Различие между двумя разновидностями репродуктивного регистра связано с временным параметром: совпадение по времени – репродуктивно-описательный, несовпадение – репродуктивно-повествовательный регистр.

В примере (б), принадлежащем репродуктивно-описательному типу, глаголы несовершенного вида относятся к одному субъекту (**односубъектность**) и совпадают по модальности и времени (**одновременность**).

Понятие таксиса в КГ включает в себя, как видно из приведенных примеров, не только значение одновременности/ разновременности, но и совпадение/ несовпадение по двум остальным предикативным категориям – модальности и лицу, что отличает теорию КГ от ТФГ.

Таксис предполагает два варианта соотношения по каждой из трех предикативных категорий – совпадение/ несовпадение по модальности, времени и лицу. Техника выражения этих вариантов одинакова: при совпадении используется один показатель каждой конкретной предикативной категории, обычно в составе основного предиката,

несовпадение должно обнаруживаться – появляется показатель модальности, времени и лица в составе зависимого предиката.

4. Изучение вариантов соотношения семантики глагольной формы и условий его функционирования дало текстовую интерпретацию видо-временных форм глагола. В рамках коммуникативной грамматики было сформулировано понятие текстовой функции видо-временной формы. Такими функциями стали **имперфектив** (в двух разновидностях), **аористив**, **перфектив**.

Аорист, перфект и имперфект из морфологических граммем переместились в область синтаксической семантики, то есть стали функциями глагольных форм.

Аористив – это функция акционального глагола совершенного вида в репродуктивном и информативном регистрах; наличие аористива указывает на динамическую разновидность регистра – репродуктивно-повествовательную или информативно-повествовательную. Пример репродуктивно-повествовательного регистра:

...Лизавета Ивановна **встала** из-за пьальцев, **вышла** в залу, **отворила** форточку и **бросила** письмо на улицу... /.../ Герман **подбежал**, **поднял** его и **вошел** в кондитерскую лавку (Пушкин, Пиковая дама).

Чтобы осуществилась аористивная (повествовательная) функция акциональных глаголов совершенного вида, обязателен событийный контекст, т.е. повествование организуется употреблением не менее двух глаголов (или отглагольных форм). Это значит, что в тексте сосуществуют 1) два самостоятельных простых предложения, 2) два простых в составе сложного предложения или 3) две предикативные единицы в составе осложненного предложения: а) две спрягаемые формы – однородные сказуемые или б) одна спрягаемая, другая неспрягаемая). Например:

1) Бутафор **выкатил** на сцену старенький велосипед с облупленной рамой.

Патрикеев **поглядел** на него плаксиво.

2) Кот сполз с занавески, распоров ее донизу, и выскочил из комнаты, а Пряхина зарыдала громовым голосом и, закрыв глаза руками, скричала...

3а) Он (кот) **шарахнулся** мимо меня к тюлевой занавеске, **вцепился** в нее и **полез** вверх.

3б) **Добежав** до середины комнаты, она **опустилась** на одно колено, **наклонила** голову и **протянула** руку вперед...(Булгаков, Театральный роман).

Перфектив соединяет динамику предшествующего положения дел и статику последующего, что возможно для активных и пассивных форм совершенного вида. См., например, в условиях репродуктивно-повествовательного регистра серию из трех или четырех глагольных предикатов совершенного вида: начинается аористивами и завершается перфективом:

Она села за письменный столик, взяла перо, бумагу – и **задумалась**;

...она побежала в свою комнату, вынула из-за перчатки письмо: оно **было не запечатано**;

Она встала, начала убирать свои пальцы и, взглянув нечаянно на улицу, опять **увидела** офицера (Пушкин, Пиковая дама).

Глагол совершенного вида прочитывается перфективно (статически), если речь пойдет об изменении состояния:

Но капор **обветшал**, быстро и странно, в один последний год, и сборки **ссеклись** и **потускнели**, и **потерлись** ленты (Булгаков, Белая гвардия).

Говоря о том, как изменилась вещь, автор употребляет глаголы совершенного вида, но их последовательность не обозначает последовательность изменений: все изменения одновременны.

Если совершенный вид употреблен в перфективной (описательной) функции, то одно изменение не влечет за собой другого изменения: *Стены потрескались и заросли паутиной*. Перфективы не предполагают обязательного наличия второго глагола, их также можно переставлять местами, поскольку нет временной последовательности: *Стены потрескались. Стены заросли паутиной и потрескались. Стены потрескались и заросли паутиной*.

Аористивы двигают действие, перфектив его тормозит.

Имперфектив – функция глаголов несовершенного вида, заключающаяся не только в замедлении повествования (репродуктивно-повествовательный регистр) – имперфектив процессуальный:

...поэт / **Роняет** молча пистолет, / На грудь **кладет** тихонько руку /

И падает – Пушкин, «Евгений Онегин»), но и особом представлении положения дел – вне событийного контекста (репродуктивно-описательный регистр – имперфектив статуальный:

Смеркалось; на столе, **блистая**, **Шипел** вечерний самовар,

Китайский чайник **нагревая**; Под ним **клубился** легкий пар. – Пушкин, «Евгений Онегин).

Из приведенных примеров понятно, что функциональные характеристики применяются не только к самостоятельным предикатам, но и к таксисным.

Характер текстового времени	Совершенный вид	Несовершенный вид
Динамика	Повествовательная функция – аористив (действие предшествует другому действию)	Повествовательная функция – имперфектив процессуальный (действие предшествует другому действию)
Статика	Описательная функция – перфектив (характеристика, признак, состояние, одновременное другому признаку, действию, состоянию)	Описательная функция – имперфектив статуальный (характеристика, признак, состояние, одновременное другому признаку, действию, состоянию)

5. Коммуникативная грамматика предлагает комплексный грамматический анализ текста. В качестве примера проанализируем одно из «Нравоучительных четверостиший» Пушкина и Языкова. Речь пойдет о четверостишии «Непоколебимость»:

*"Познай, светлейший лев, смятения вину, –
Рек слон, – в народе бунт! Повсюду шум и клики!"
"Смирятся, – лев сказал, – лишь гривой я тряхну!"
Опасность не страшна для мощного владыки.*

В этом четверостишии, на первый взгляд, все построено по закону басни: текст делится на иносказательную часть, сценку, представленную с точки зрения прямого наблюдателя, и мораль, полностью выводимую из иносказания.

Каждая из частей оформлена соответствующими языковыми средствами: диалог слуги и господина начинается побудительной репликой слуги и его обращением к господину; слуга характеризует обстановку, при этом используются три предложения с номинативным предикатом (*В народе бунт; повсюду шум и клики*); господин спокойно и снисходительно отвечает; его ответ оформлен двумя глагольными предложениями, соединенными причинно-следственными (условными) отношениями; глаголы в обоих предложениях будущего времени соверш. вида. Иносказание представляет собой лишь завязку сюжета, нет ни развития действия, ни развязки, а значит, не может быть и морали, которая произносится обычно с внешней точки зрения (рассказчика). Однако текст завершается моралью, полностью соответствующей генеритивному высказыванию.

Рассматривая языковые средства организации иносказания и морали (ступени А, В), мы можем сказать, что выбор вполне соответствует законам жанра. Эффект же пародии рождается на ступенях С и D, на ступенях тактики и стратегии текста. На ступени С, при соединении с иносказанием, мораль оказывается двусмысленной: фраза *Опасность не страшна для мощного владыки* может прочитываться двумя способами: (а) мощный владыка всегда побеждает (всеобщее знание, что соответствовало бы генеритивному регистру) и (б) мощный владыка не испытывает страха, не рассматривает бунт как опасность (пересказ слов героя – Льва, информативный регистр). Первое прочтение возможно лишь после рассказа о победе, но действий не было и победы не было. При втором же прочтении рассматриваемая фраза перестает быть собственно моралью, поскольку является простой интерпретацией, пояснением чужого слова или просто повторением его. Соединяя иносказание с моралью, Пушкин и Языков актуализировали прямое значение предиката *не страшна* – „не пугает”.

Авторы обыграли именно двузначность данной морали (т.е. возможность прочтения ее с двух точек зрения): Пушкин и Языков „разрушили” басенную структуру изнутри, превратив „мощного владыку” в недалекого и хвастливого, тем самым создали пародию на аполог.

Авторская стратегия (ступень D) – пародировать жанр басни, тактика (ступень C) – следовать законам жанра и приспособить их к авторской задаче, т.е. незаметно нарушить их. Так как произошло нарушение в иносказательной (сюжетной) части, сюжет не развит, то последнее высказывание осмысливается на базе недостроенного сюжета не как истина, которая должна являться выводом из событий, а как цитатное слово; так мораль перестает быть моралью. В основе пародийного эффекта лежит осознанная игра на точках зрения, т.е. изменение субъектной перспективы высказывания.

Еще один пример: стихотворение в прозе «С кем спорить...» И.С. Тургенева:

Спорь с человеком умнее тебя: он тебя победит... но из самого твоего поражения ты можешь извлечь пользу для себя.

Спорь с человеком ума равного: за кем бы ни осталась победа - ты по крайней мере испытаешь удовольствие борьбы.

Спорь с человеком ума слабейшего... спорь не из желания победы; но ты можешь быть ему полезным.

Спорь даже с глупцом; ни славы, ни выгоды ты не добудешь; но отчего иногда и не позабавиться?

Не спорь только с Владимиром Стасовым!

Синтаксическая организация стихотворения представляет собой пятикратный повтор: четырежды повторяется побуждение-совет и его аргументация, в пятом побудительном предложении появляется частица НЕ и вроде бы отсутствует аргументация. Компонентный состав предложений также повторяется: в каждом из побудительных предложений есть или подразумевается ТЫ адресата; здесь же и предполагаемый оппонент, который представлен нереферентной именной группой (*человек умнее тебя, человек ума равного, человек ума слабейшего*) или признаковым именем (*глупец*). В последнем предложении предполагаемый оппонент выражен именем собственным, конкретно-референтным, единично-референтным именем – Владимир Стасов. Но в рамках этого текста, на фоне четырех предшествующих предложений, имя собственное получает добавочное признаковое прочтение: имя „Владимир Стасов” прочитывается как символ заядлого спорщика и превращается в своеобразный способ аргументации (*Не спорь только с Владимиром Стасовым, потому что это Владимир Стасов*). Сам В. Стасов писал: „Споры, т.е. обмен мнений и притом со специально нападательским характером, всегда были не только моей потребностью, но просто страстью” (И.С. Тургенев. Соч. в 12-ти томах, т. X. - М., „Наука”, 1982, с. 523).

В этом стихотворении расширяется и значение местоимения *Ты*: это *Ты* относится не только к читателю, но и к самому автору, который очень часто спорил со Стасовым. Таким образом, все предложения получают прочтение и на фоне отношений Стасова и Тургенева, и прочтение обобщенно-личное, а все стихотворение прочитывается и как поучение, и как дружеская шутка (не знающий или не понимающий этого читатель может воспринять текст как выступление против Вл. Стасова, как эпиграмму).

Этот эффект рождается не на уровне языковых моделей предложения (модель повторяется), а на уровне тактики и стратегии текста. Почему сегодня этот текст при чтении без комментария понимается как эпиграмма, в то время как современники Тургенева и сам Стасов принимали его как дружескую шутку? Потому, что автор опирался на знание читателя о свойстве Стасова – неисправимого спорщика, учитывал точку зрения, с которой этот текст должен пониматься. Сегодняшний читатель не входит в состав субъектов, обозначенных личным местоимением *Ты*, что разрушает заданную Тургеневым субъектную перспективу текста. По сути, этот текст сужает субъектную сферу адресата до авторского *Я* и дружеского круга Стасова.

Таким образом, коммуникативная грамматика – это одна из научных школ в рамках современной русистики, соединяющая системное представление грамматики с анализом текста (грамматика понимается широко, включая лексическую семантику). КГ является антропоцентрической и текстоцентрической объяснительной теорией: рассматривает значимые единицы языка в связи с коммуникативной деятельностью говорящего, признает основным объектом грамматики текст, ставит перед собой цель объяснить конкретный текст и каждую его составляющую, построить объяснительную модель грамматической системы, т.е. выявить функционально-семантические особенности каждой грамматической единицы, понять функционально-семантические принципы организации грамматической системы русского языка.

Литература

- Анненский И. (1987), *Избранное*. Москва.
- Бондарко А.В. (2001), *Основы функциональной грамматики: Языковая интерпретация идеи времени*, Санкт-Петербург.
- Бондарко А.В. (ред.), *Теория функциональной грамматики*. Т. 1: *Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис*, Ленинград, 1987; Т. 2: *Темпоральность. Модальность*, Ленинград, 1990; Т.3: *Персональность. Залоговость*, Ленинград, 1991; Т. 4: *Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания*.

Определенность/неопределенность, Санкт-Петербург; 1992; Т. 5: *Качественность. Количественность*, Санкт-Петербург, 1996; Т. 6: *Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность*, Санкт-Петербург, 1996.

Гак В.Г. (1998), *Языковые преобразования*, Москва.

Демьянков В.З. (1995), *Доминирующие лингвистические теории в конце XX века*. [In:] *Язык и наука конца 20 века*, Москва.

Золотова Г.А. (1973), *Очерк функционального синтаксиса русского языка*, Москва.

Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. (2004), *Коммуникативная грамматика русского языка*, Москва.

Кожевникова Н.А. (1994), *Типы повествования в русской литературе 19-20 вв.* Москва.

Сидорова М.Ю. (2000), *Грамматика художественного текста*, Москва.

Streszczenie

Problematyka podejścia do języka jako do zorganizowanego w czasie i przestrzeni kulturowej przekazu informacyjnego została podjęta po raz pierwszy w slawistyce przez wybitną rusycystkę, profesor Galinę A. Zołotową, która jeszcze w roku 1973 wydała rozprawę «Очерк функционального синтаксиса русского языка». Kontynuacją studiów poświęconych tej problematyce są liczne prace rosyjskich rusycystów, m.in. A.W. Bondarko, N.K. Onipenko, M. Ju. Sidorowej, M.W. Wsewołodowej. Niniejszy artykuł przedstawia poszczególne etapy badań nad gramatyką komunikacyjną oraz ich podstawowe założenia metodologiczne.

Александр В. Петров

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА *ЛЮБИТЬ* СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫМИ СРЕДСТВАМИ (на материале композитов русского языка)

В современной лексикологии и теории текста активно применяется когнитивно-дискурсивный подход. Однако менее всего новая научная парадигма отразилась в исследованиях по словообразованию, хотя «словообразовательно маркированная лексика позволяет выявить культурно-историческую специфику языка с учетом системных связей между единицами и культурно значимыми концептами» (Вендина 2002: 44).

По мысли О.Ю. Крючковой, «словообразованию принадлежит важнейшая роль в номинативном процессе, запечатлевающем особенности человеческого мировосприятия... В микросистемах производных слов подобная концептуальная информация выражена эксплицитно. Поэтому для концептологии производная лексика и способы ее системной организации являются благодатным материалом и должны представлять значительный интерес» (Крючкова 2004: 282).

Важной составляющей концептуального анализа, по мнению Е.Л. Березович, являются деривационные связи. Исследователь выстраивает «иерархию языковых носителей концептуальной информации: внутренняя форма; деривационные связи; концептуальное ядро значения; коннотация; типовая (узловая) сочетаемость; парадигматические связи; „свободная” текстовая сочетаемость; ассоциативные связи» (Березович 2000: 34).

Полнота деривационных связей и отношений достигается включением в исследование интернациональных знаменательных морфем, которые во многих отношениях сходны с русскими корневыми морфемами или целыми основами слов: «Так, можно говорить о синонимии морфем и основ *-фил* и *-люб*; *-фоб* и *-ненавистник*; *-графия* и *-пись*, *-писание*; *-граф* и *-писец*; *-метр* и *-мер* и т.д.» (Лопатин, Улуханов 1963:199). Н.Ф. Клименко отмечает, что некоторые из заимствованных основ «вступають в корелятивні стосунки з українськими відповідниками типу *-люб*-, *-мір*-, *-нос*-, *-пис*-... Таке порівняння дає змогу побачити структурну

і комбінаторну різницю аналізованих основ складних слів» (Клименко 1984: 63).

Цель статьи – определить роль композитов с исконной и заимствованной основами в реализации концепта *любить*.

Исследование проводится на основе поисковых систем Интернета, а также на материале справочных изданий «Новое в русской лексике» (НРЛ), словарей-справочников по материалам прессы и литературы 60-х, 70-х, 80-х годов «Новые слова и значения» (НСЗ).

Ядром концепта *любить* является одноименный глагол *любить*, который имеет 3 значения и оттенок¹. Русским компонентам *-люб-*, *-любие* соответствуют иноязычные основы *-фил*, *-филия* в составе сложных субстантивов².

Г.П. Півторак слова с компонентами *-фiл* и *-фiлiя* с точки зрения этимологического анализа разделила на три группы со значениями: 1) «від грецького слова *pgilos* – ‘який любить, улюблений, прихильник’ або зрідка *philéo* – ‘люблю’, 2) від грецького слова *phýllon* – ‘листок’, 3) від латинського слова *filum* – ‘нитка, пряжа’» (Півторак 1978: 90-91).

¹ Предикат *любить* тремя значениями входит в лексико-семантическую группу эмоционального и рационального отношения: 1. Чувствовать глубокую привязанность к кому-, чему-л., быть преданным кому-, чему-л. (*любить отца, любить свободу, любить Отчизну*). 2. Чувствовать сердечную склонность к лицу другого пола (*любить мужа, любить девушку*). 3. Чувствовать склонность, интерес, влечение, тяготение к чему-л. (*любить искусство, любить свою специальность*). // Иметь пристрастие к чему-л., отдавать предпочтение чему-л. (*любить чай, любить острую пищу*).

² Компонент *-фил* (от гр. *philéo люблю*) вносит в производные значение ‘любящий что-л., расположенный к чему-л.’ и, как правило, занимает постпозицию в слове: *библиофил* – *книголюб*, *славянофил* – *славянолюб*. Исключениями являются производные *филодендрон*, *филантропия*, *филармония*, *филокартия*, *филология*, *философия*, *филофония* и их производные, а также *филэллизм*, *филэллнство*, *филосемит* и др. (Півторак 1978; Карпіловська 2002; Кочан 2004).

Другая группа объединяет названия различных объектов научного, главным образом биологического и химического, исследования: *лимнофилы* ‘растения и животные, предпочитающие озера как среду обитания’, *термофилы* ‘организмы, могущие жить при относительно высоких температурах’.

Компонент *-филия* является второй составной частью сложных слов, обозначающей ‘расположение, склонность, любовь к чему-л.’ В Обратном словаре русского языка зафиксировано только одно слово со вторым компонентом *-филия* – *гемофилия* ‘кровоточивость’. В Словаре Е.А. Карпиловской представлено 14 единиц. Активность суффиксоида наблюдается в настоящее время: *некрофилия* (НСЗ 80-х), *биофилия*, *конкурсофилия* (НРЛ-88) и др.

Основа *-фил* противопоставлена основе *-филия* с позиции морфотактики, ср.: ...фил+-к(а) (*славянофилка*), ...фил+-ств(о) (*полонофильство*), ...фильств(о)+-ова(ть) (*славянофильствовать*), ...фил+-ск(ий) (*германофильский*), ...фил+-ствующ(ий) (*американофильствующий*), ...фильск(ий)+-и (*германофильски*), ...филия+-н(ый) (*гидрофильный*), ...фильн+-ость (*гидрофильность*). В то же время выделены лексемы на ...фильный (*гелиофильный*) и ...фильство (*родофильство*).

В то же время І.Кочан пишет, что, «як засвідчує наведений матеріал, компонент *-філія* має швидше значення ‘листок’, а не ‘прихильник’, «любов до ч.-небудь», як подають тлумачні словники» (Кочан 2004: 438). К такому выводу ученый пришел на основании того, что фактический материал был ограничен лексикографическими источниками и не был подкреплен фактами разговорной речи и публицистики.

Концепт *любить* вербализуется посредством композитов, входящих в словообразовательное гнездо с вершиной *любить*, составляющих смешанное гнездо с вершиной *-филия*; через сложения с опорными компонентами *-ед-*, *-ежка* (гнездо с вершиной *есть*) и *-пийца*, *-пивец* (гнездо с вершиной *пить*), передающими значение ‘иметь пристрастие к чему-л.’; посредством отдельных субстантивов, развивающих значение ‘тот, кто любит то, что названо производящей основой’.

Субстантивный потенциал глагола *любить* I ‘чувствовать глубокую привязанность к кому-, чему-л., быть преданным кому-, чему-л.’

Субстантивный блок формируют

а) композиты со значением лица, оформленные нулевым суффиксом (*европолюб*, *иранолюб*, *мужиколоб*, *татаролоб*) или суффиксом *-ец-* (*народолюбец*, *свободолюбец*, *человеколюбец*, *христолюбец*). Часть композитов является словами-дублетами: *жизнелюб* и *жизнелюбец*, *славянолюб* и *славянолюбец*, но только *англолюб*, *германолюб*, *китаелюб*, *франколюб*.

Небольшую группу составляют производные с суффиксом *-иц(а)* со значением женского пола, мотивированные композитами на *-ец*: *властолюбец* – *властолюбца*, *миролюбец* – *миролюбца*, *христолюбец* – *христолюбца*.

В поисковых системах были зафиксированы производные от имен собственных – известных политиков, спортсменов, писателей, поэтов: *бушелюб*, *кличколюб*, *ющенколюб*, *шевченколюб*, *шекспиролоб*; однако функционирование отдельных производных ограничено, что подтверждается незначительным количеством контекстов их употребления. Ср.: *гоголелюб* (14 контекстов), *достоевсколюб* (12), *гринолюб* (7), *рерихолоб* (7), *наполеонолюб* (5), *кантолюб* (4), *евтушенколюб* (3), *бунинолюб* (3), *пушкинолюб* – *пушкинолюбец* (5), *блоколюб* (9) – *блоколюбец* (1) и др.

Производные с основами *-люб-* и отчасти *-любец-* имеют параллельные образования с *-фил*, аналогичное явление наблюдается и в украинском языке: «Слова з другими компонентами *-люб-*, *-любець-* ... вступають у корелятивні стосунки з основою *-філ-*» (Клименко 1984: 108).

Последовательно параллелизм композитов наблюдается при сочетании основ с первыми компонентами, называющими страну или национальность: *греколюб* – *грекофил*, *болгаролоб* – *болгарофил*,

китаелюб – *китаефил*; *славянолюб*, *славянолюбец* – *славянофил*, *украинолюб* – *украинофил*, *французолуб* – *французофил* и др.

В коррелятивные отношения вступают производные с основами имен собственных, а также отдельные композиты с основами-топонимами: *обамолуб* – *обамофил*; *пушкинолюб* – *пушкинофил*, *кавказолуб* – *кавказофил*, *крымолуб* – *крымофил* и др.

С суффиксоидом *-фил-* преимущественно сочетаются препозитивные основы-урбонимы, например: *киевофил*, *лондонофил*, *парижефил*, *римофил*. Ср.: «Публицист Илья Эренбург был известен как *франкофил*, **парижефил**» //www.belousenko.com=Rambler 20.10.09; «За киевскими пейзажами Корсуня охотятся **киевофилы**: натурная точность там соседствует с почти ушедшей романтической» //www.timeout.ua/text=Rambler 20.10.09.

Как отмечает Н.Ф. Клименко, «до складних основ афікси приєднуються в обмежений кількості» (Клименко 1998: 77). Это проявляется и в анализируемых композитах, которые сочетаются с суффиксом *-к(а)* со значением лица женского пола. В то же время морфемная валентность композитов с исконной и заимствованной основами имеет свои особенности.

Так, в Словообразовательном словаре А.Н. Тихонова в гнезде с вершиной *любить* зафиксировано незначительное количество имен с суффиксом *-к(а)*: *властолуб* – *властолубка*, *жизнелуб* – *жизнелубка*, *правдолуб* – *правдолубка*. В поисковых системах не отмечены производные от большинства композитов с препозитивной основой-топонимом или именем собственным: *болгаролуб*, *германолюб*, *китаелюб*, *рерихолуб*, *японолюб* и др. Напротив, основы производных на *-фил* свободнее сочетаются с суффиксом *-к(а)*: *англофил-ка*, *германофил-ка*, *испанофил-ка*, *полонофил-ка*, *туркофил-ка*, *славянофил-ка*, *франкофил-ка*, *японофил-ка* и др., однако ограничения на сочетаемость наблюдаются и в этой группе основ, что обусловлено не структурными факторами, а причинами экстралингвистического характера. В поисковых системах не зафиксированы единицы *британофилка*, *китаефилка*, *монголофилка*, *норвегофилка*, *парижефилка*, *крестьянофилка* от соответствующих имен мужского пола. Несколькими контекстами сопровождаются производные *румынофилка* (2), *тюркофилка* (3).

Композиты с заимствованной основой сочетаются с аффиксами *-ств(о)* и *-ск(ий)* (*славянофил* → *славянофильство*, *славянофильский*) и продлевают словообразовательные цепочки за счет последующего образования глаголов и наречий: *германофил* → *германофильство* → *германофильствовать*, *германофил* → *германофильский* → *германофильски*; производным же с исконной основой это не свойственно;

б) композиты с абстрактным значением, оформленные при помощи суффикса *-иѣ-*: *братолюбие, детолюбие, жизнелюбие, народолюбие, крестьянолюбие, мужиколубие, германолюбие, славянолюбие, французолубие (франколюбие, галлолюбие)* и др. Отмечены композиты с препозитивной основой именем собственным: *ельцинолюбие, сталинолюбие, обамолюбие*. В коррелятивные отношения с основой *-любие* вступает основа *-филия* в составе композитов. Интернет-источники свидетельствуют о продуктивности второго компонента композитов: *американофилия, англофилия, германофилия, испанофилия, италофилия, китаефилия, пруссофилия, туркофилия, шведофилия* и др.

В отдельных случаях наблюдается параллелизм производных с первым компонентом топонимом, образованных на основе различных моделей: *греколюбие – грекофилия – грекофильство, славянолюбие – славянофильство, французолубие – французофилия – французофильство* и др.

Основы *-филия* и *-фильство*, о чем свидетельствуют Интернет-источники, обладают большими комбинаторными возможностями. В то же время в языке наблюдается конкуренция моделей на *-филия* и *-фильство*. Ср.: *болгарофильство – болгарофилия, германофильство – германофилия, украинофильство – украинофилия* и др.

Производным на *-фильство* свойственна многозначность. Отдельные лексемы, такие, как *грекофильство, эллинофильство, славянофильство, украинофильство*, развивают значение, несвойственное единицам с опорным компонентом *-филия*, связанное с тем или иным идеологическим течением. Аналогичное значение имеют производные *мужикофильство* и *крестьянофильство*, которые соответствуют по значению субстантиву *народничество* ‘общественно-политическое движение в России во второй половине 19 в., отражавшее идеологию крестьянской демократии’.

Адъективный потенциал глагола *любить* I

На I ступени гнезда образуются композиты с суффиксом *-ив-*: *вольнoлюбивый, детoлюбивый, мирoлюбивый, свободoлюбивый, христoлюбивый*, а также не зафиксированные словарями *американолюбивый* (реже *америкoлюбивый*), *славянолюбивый, франколюбивый* (не отмечено *французoлюбивый*) и др.

На II ступени смешанного гнезда образуются адъективы на *-ский*: *англофилия → англофил → англофильский* (а. направление в политике), *туркофилия → туркофил → туркофильский* (т. настроения).

Словообразовательная цепочка может завершаться наречным звеном: *англофилия → англофил → англофильский → англофильски, грекофилия → грекофил → грекофильский → грекофильски* и др.

Вербальный блок в смешанном словообразовательном гнезде с компонентом -филия

В толковых словарях русского языка зафиксированы производные *русофильствовать* и *славянофильствовать* и мотивированные ими имена на *-ние*. В поисковых системах отмечены также предикаты *германофильствовать* и *юдофильствовать*. Единичными являются контексты с глаголами и/или однокоренными причастиями *румынофильствовать*, *болгарофильствовать*, *португалофильствовать*, *чеченофильствовать*, *австрофильствующий*, *европофильствующий*, *палестинофильствующий*, *татарофильствующий*, *христианофильствующий* и др.

В Интернет-источниках на соответствующие предикаты приводятся преимущественно причастия действительного залога настоящего времени, которые употребляются как имена прилагательные, соотносимые непосредственно с существительными на *-фил*. Адъективированные образования, минуя стадию глагола, оформляются при помощи сложного суффикса *-ствующ-*: *американофильствующий обыватель*, *англофильствующая аристократия*, *франкофильствующие* или *германофильствующие либералы*, *грекофильствующие поборники реформы* и др. Однако не отмечены образования *британофильствующий*, *итальянофильствующий*. Как отмечает Н.М. Козулин, образования типа *американствующий* имеют экспрессивно-отрицательную окраску (Козулин 1960: 67).

Наблюдения свидетельствуют о том, что двухкомпонентные образования на *-фильствовать*, *-фильствующий* сближаются по значению с однокоренными простыми по структуре производными на *-ствовать*, *-ствующий*. Простые по структуре предикаты восполняют лакуны, существующие среди композитов: отсутствует лексема *британофильствовать**, но функционирует адъектив *британствующий*; аналогично (*итальянофильствующий**), *итальянствующий*; (*грузинофильствовать**), *грузинствовать*, *грузинствующий*; (*испанофильствовать**), *испанствовать*, *испанствующий* и др.

Субстантивный потенциал глагола *любить* 2 ‘чувствовать сердечную склонность к лицу другого пола’.

Субстантивный блок составляют композиты I степени с абстрактным значением и со значением лица, а также юкстапозиты II степени *любовь-жalousь*, *любовь-ненависть*, *любовь-страсть*. В композитах с абстрактным значением основа *люб-* занимает начальную, а основа *-любие* конечную позицию: *любодеяние* и *любострастие*; *женолюбие*, *мужелюбие*, *сластолубие*.

Композиты со значением лица имеют дублеты: *однолюб* и *однолюбец*, *женолюб* и *женолюбец*, но только *сластолубец*.

Адъективный блок глагола любить 2 представлен композитами с основами *люб-*, *любовн-* в препозиции и основой *-любив* в постпозиции, образованными на I (*любострастный*, *женолюбивый* и *сластолюбивый*), на II (*любвеобильный*) и III ступенях: *любовно-бытовой сюжет*, *любовно-исторический роман*, *любовно-драматическая история*, *любовно-лирическое содержание* и др.

Субстантивный потенциал глагола любить 3 ‘чувствовать склонность, интерес, влечение, тяготение к чему-л.’

В **субстантивный блок** входят **а)** композиты с абстрактным значением, образованные на II и на III ступенях: *властолюбие*, *златолюбие*, *празднолюбие*, *славолюбие*, *сребролюбие*, *книголюбие* (НРЛ-78) и *книголюбительство* (НРЛ-78), *автолюбительство*, *радиолубительство*, *фотолюбительство*;

б) композиты со значением лица, образованные на I ступени: *цветолюб*, *балетлюб*, *театролюб*, *автолюб* (НРЛ-78), *кинолюб* (НРЛ-80), *технолюб* (НРЛ-82) и др.; на II ступени представлены субстантивы со значением лица женского пола: *самолюб* – *самолюбка*, *златолюбец* – *златолюбца*, *сребролюбец* – *сребролюбца*.

Основа *-люб-* может занимать конечную и начальную позиции в слове. Композиты с начальной позицией основы *люб-* являются устаревшими: *любомудр*, *любослов*, *любостязатель* и *любомудрие*, *любоначалие* ‘устар. властолюбие’, *любочестие* ‘устар. честолюбие’. Компонент *любо-* в начальной позиции закрепился в мужских славянских именах *Любодар*, *Любозар*, *Любомир*, *Любомудр*, *Любомысл*, *Люборост*, *Любочад*, *Любояр* и др.;

в) аббревиатуры II ступени: *велолюбитель* (НРЛ-83), *ДОК* – добровольное общество книголюбов (НРЛ-88), *авиалюбитель*, *аэролюбитель*, *автолюбитель*, *автомотолюбитель*, *радиолюбитель*, *телелюбитель*, *фотолюбитель* и др.

Производные имеют параллели с *-фил*: *велолюбитель* – *велофил*, *видеолюбитель* – *видеофил*, *аудиолюбитель* – *аудиофил*;

г) юкстапозиты II ступени с определяемым компонентом *-любитель*: *любитель-конструктор* (НРЛ-82), *водолаз-любитель*, *конник-любитель* (НРЛ-88), *пианист-любитель*, *переводчик-любитель*, *художник-любитель*, *шофер-любитель*, *астроном-любитель* и *любитель-астроном* и др.

В производных с опорным компонентом *-вод*, входящих в состав юкстапозитов, нейтрализуется сема ‘профессиональная деятельность’: *садовод-любитель*, *овощевод-любитель*, *любитель-цветовод* и др.

Субстантивный потенциал глагола любить 3 // ‘иметь пристрастие к чему-л., отдавать предпочтение чему-л.’

Субстантивный блок образуют композиты со значением лица и фитонимов (*гипсолюб*, *песколюб*), а также производные с абстрактным значением *винолюбие*, *мясолюбие* и др.

Композиты со значением лица активно функционируют в разговорной речи, к ним относятся: а) производные с опорным компонентом *-люб*, которые реализуют частные словообразовательные значения ‘тот, кто любит то, что названо основой первого компонента’ (*ирисолюб*, *кактусолюб*, *розолюб*, *сиренелюб*, *черепахолуб* и др.) и ‘тот, кто любит есть / пить то, что названо основой первого компонента’: *чаелюб* (НСЗ 70-х), *кофелюб* – *кофелюбка*, *пиволюб*, *винолюб*, *салолуб*, *рыболюб* и др.

В отдельных случаях наблюдаются соответствия с производными на *-фил* (*картошколюб* – *картошкофил*) и с субстантивами на *-ник*: *кошколюб* – *кошатник*, *собаколюб* – *собачник*, *чаелюб* – *чаевник*;

б) производные с опорным компонентом *-любитель*: *овощелюбитель*, *тортоллюбитель*, *фруктолюбитель*, *шоколадоллюбитель* и др. Количество единиц данной структуры ограничено, поскольку в языке для наименования лиц в этом аспекте широко используются словосочетания со словом *любитель*.

Частное словообразовательное значение ‘тот, кто любит есть / пить то, что названо основой первого компонента’ реализуют также отдельные композиты, входящие в гнезда с вершинами *есть* и *пить*.

В Словообразовательном словаре А.Н. Тихонова отражено несколько производных с этим значением: *мясоед*, *сладкоежка*, *сласноежка*. Однако гнездо пополняют сложения с корневыми алломорфами *ед* и *еж*, активно функционирующие в разговорной речи. Продуктивны композиты и в украинском гнезде с вершиной *їсти*. «В живомовній стихії українського народу побутували слова, які давали достатню характеристику індивідам щодо споживання певних страв (*ракоїд*), харчових уподобань (*крейдоїд*, *куроїд*) чи їх несприйняття (*неїжмак*, *неїжхліб*)» (Поповський 2002: 112).

Производные с компонентом *-ед* могут вступать в соответствие с однокоренными единицами на *-люб*, *-любитель*: *мороженоед* – *мороженолюб*, *тортоед* – *тортоллюб* – *тортоллюбитель*; *хлебоед* – *хлеболуб* и др.

Композиты на *-ед* представлены на I ступени (*мясоед*, *овощеед*, *тортоед*, *фруктоед*, *шоколадоед*), на II ступени появляются производные с суффиксом *-к(а)* со значением лица женского пола *мясоедка*, *хлебоедка*, *тортоедка*.

Композиты с корневым алломорфом *еж* имеют значение общего рода и образуются на I ступени; в качестве препозитивных выступают субстантивные (*булкоежка*, *мороженоежка*, *мясоежка*, *рыбоежка*,

тестоежка, хлебоежка) и адъективные основы: *горькоежка, остроежка, соленоежка, сытоежка*.

Между композитами устанавливаются родо-видовые отношения: *сладкоежка, сластоежка (конфетоежка, медоежка, сахароежка, шоколадоежка), фруктоежка (апельсиноежка, яблокоежка), овощеёжка (арбузоежка, помидороежка, тыквоежка)*.

Таким образом, в языке функционируют разномодельные производные типа *тортоедка* (от *тортоед*) и *тортоежка* (от словосочетания *есть торт*).

Лексико-грамматическое значение общего рода в производных на *-ежка* обуславливает корреляции типа *молокоежка* (*м. р.*) – *молоколюб* и *хлебоежка* (*ж. р.*) – *хлебоедка*. В ряду однокоренных производных на *-любка, -едка* и *-ежка* предпочтительными являются последние.

В Словообразовательном словаре А.Н. Тихонова в гнезде с вершиной *пить* отражено производное *чаепийца*. По этой же модели построены композиты *кофепийца, кефиропийца, пивопийца*, являющиеся принадлежностью разговорной речи: «В Англии, к слову сказать, три школы: одна приучена начинать день с чая, вторая с молока, и недавно появилась третья – **"кофепийцы"**» // biblioteka.org.ua=Rambler 21.10.09; «Немцы известные **пивопийцы**» // www.rupivo.ru=Rambler 21.10.09. В разговорной речи также функционируют композиты с корневым алломорфом *-пив*: *водопивец, винопивец, пивопивец, кофепивец*.

Частное словообразовательное значение ‘тот, кто любит есть / пить то, что названо мотивирующим’ реализуют и простые по структуре субстантивы с суффиксом *-ник* (*сластник, чаевник*, а также производные, функционирующие в разговорной речи: *арбузник, кофейник, макаронник, малинник* и др.), с суффиксом *-ница* (*конфетница, кофейница, сахарница, сухарница* и единицы разговорного характера *вафельница, клубничница, шоколадница* и др.).

Частное словообразовательное значение ‘любитель/любительница животных’ имеют немногочисленные производные с суффиксами *-ник* и *-ниц(а)*: *голубятник, кошатник, лошаадник, собачник (собачатник)* и *кошатница, лошаадница, собачница*, а также устаревшие *собачарь* и *собачей*.

Отметим, что сема ‘любитель’ актуализируется также в наименованиях лица по действию с суффиксом *-ун*: *игрун, говорун, певун, плясун, свистун, хохотун* и в отыменном образовании *твистун* ‘о любителе танцевать твист’ (НРЛ-82).

В современном русском языке наряду с рассматриваемыми моделями образования композитов активно развивается модель со вторым компонентом *-голик*, вычленившимся из состава слова *алкоголик* (см. Земская 1992; Карпіловська 1999). Таким образом появился новый

строительный элемент со сформировавшимся словообразовательным значением 'тот, кто любит то, что названо основой первого компонента'. Аффиксид способен сочетаться с широким кругом исконных (*вещеголик* (НРЛ-85), *пивооголик*, *письмоголик*, *покупкоголик*) и заимствованных основ (*акваоголик*, *геймоголик*, *интернетоголик*, *телеоголик*), а также с основами имен собственных (*дюмаоголик*).

Литература

- Березович Е.Л. (2000), *Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте*, Екатеринбург.
- Вендина Т.И. (2002), *Словообразование как источник реконструкции языкового сознания*. [In:] «Вопросы языкознания», № 4, с. 42–72.
- Карпіловська Є.А. (2002), *Кореневий гніздовий словник української мови: Гнізда слів з вершинами – омографічними коренями*, Видавництво „Українська енциклопедія” імені М.П. Бажана, Київ.
- Карпіловська Є.А. (1999), *Суфіксальна підсистема сучасної української літературної мови: будова та реалізація*, Київ.
- Клименко Н.Ф. (1998), *Основи морфеміки сучасної української мови*, Київ.
- Клименко Н.Ф. (1984), *Словотворча структура і семантика складних слів у сучасній українській мові*, Київ.
- Козулин Н.М. (1960), *Русские отыменные образования причастного типа*. [In:] «Вопросы языкознания», № 1, Москва, с. 65–67.
- Кочан І. (2004), *Динаміка і кодифікація термінів з міжнародними компонентами у сучасній українській мові*, Видавничий центр ЛНУ імені Івана Франка, Львів.
- Крючкова О.Ю. (2004), *Деривационные подсистемы как носители концептуальной информации*. [In:] «Русский язык: исторические судьбы и современность», МГУ, Москва, с. 282.
- Лопатин В.В., Улуханов И.С. (1963), *О некоторых принципах морфемного анализа слов (К определению понятия сложного слова в современном русском языке)*. [In:] «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», т. XX11, вып. 3, с. 190–203.
- Півторак Г.П. (1978), *Іншомовна лексика з компонентом -філ в українській мові*. [In:] «Українська мова і література в школі», 7, № 257, Київ, с. 89–91.
- Поповський А.М. (2002), *Українські прізвища з компонентом -їд-(-їж-)*. [In:] «Культура народів Причорномор'я», № 32, Симферополь, с. 11–113.
- Тихонов А.Н. (1985), *Словообразовательный словарь русского языка: В 2-х т.*, Москва.

Summary

The investigation describes that the concept "любить" is verbalized: by means of composites, which are the members of word-formative nest with the top element "любить" and are the members of the nest with the root *-фил*; by means of composition using components *-ед-*, *-ежка* (the nest with the top element *есть*) and components *-пийца*, *-пиец* (the nest with the top element *пить*), which have the meaning "to have a liking for something"; and also by means of some substantive derivatives comprising different word-formative types and having the meaning "someone, who loves something, which is named by a productive stem". In the course of the investigation there was revealed the difference in the morphemic valency of the composites with the original and borrowed stems.

Татьяна В. Попова

СОВРЕМЕННАЯ МАССОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ: ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА КРЕОЛИЗАЦИИ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ

Современные СМИ, максимально быстро реагирующие на все изменения в жизни общества, обнаруживают яркую тенденцию к креолизации текстов и используемых в них языковых средств. Обвальный рост передаваемой информации порождает попытки ее «распределения» между разными каналами восприятия, что обуславливает постоянное преобразование собственно речевой коммуникации в видеовербальную (Анисимова 2003: 10). В теории журналистики сформировалось особое направление – инфографика, которое изучает особенности сочетания вербального и изобразительно-иконического текста в современных СМИ, закономерности создания и восприятия креолизованного текста.

Визуализация коммуникации привлекает особое внимание к графодериватам и к креолизованным текстам, т.к. оба явления представляют собой некие гибриды, образования вербально-иконической природы. Определение креолизованного текста очень близко определению графодеривата. «**Креолизованные тексты** (КТ) – это тексты, фактура которых состоит из двух негомогенных частей: вербальной (языковой / речевой) и невербальной (принадлежащей другим знаковым системам, нежели естественный язык)» (Сорокин, Тарасов 1990:180; Анисимова 2003: 10-12). Ср.: **графиксация** – это «такой способ образования слов, при котором в качестве словообразовательного оператора выступают графические и орфографические средства (графические выделения, знаки препинания и т.п.)» (Изотов 1998: 76)¹. Поэтому и графодериваты можно считать креолизованными производными.

¹ Графиксация как новый способ русского словообразования был выделен в качестве самостоятельного способа русской деривации В.П. Изотовым (1998), хотя словообразовательный и художественно-экспрессивный потенциал графики и орфографии отмечался в лингвистической литературе и раньше.

Креолизация разных языковых средств приводит к стиранию границ между словом и текстом, что подтверждает идею М. Эпштейна о том, что в современной коммуникации слово целесообразно рассматривать как особый тип художественного произведения; по его мнению, окказионализмы, обладающие значительным художественным, экспрессивным, семантическим и эмоционально-оценочным потенциалом, можно выделять в качестве особого жанра – жанра однословия (Эпштейн 2004: 254).

Креолизация русского производного слова может создаваться разными средствами – сочетанием в рамках слова:

- ✓ элементов одного языка, но разных хронологических пластов: *Коммерсантъ* – сочетание современной и дореволюционной (до 1917 г.) кириллицы;

- ✓ разнофункциональных элементов одного языка: «*Аз’арт*» (название рубрики об азах искусства в «Огоньке»); «*СТРОЙ!МАТЕРИАЛЫ*» (сеть магазинов строительных материалов); «*ЖЕЛЕЗНО!дорожные перевозки*» (фирма грузоперевозок) – сочетание букв и апострофа или знаков препинания в иной, нетрадиционной функции;

- ✓ элементов разных языков, в основном сочетанием латиницы и кириллицы: «*Web-издания*», «*PR-компания*», «*Re:акция*», «*STARость – не радость*», *КАСИНО*, «*ИскRENнее телевидение*» (реклама REN-TV);

- ✓ элементов языка и цифр: *7%-сезон скидок в новом магазине; за пли7кой, сан7ехникой и ски7ками* (реклама нового строительного магазина «Дом»);

- ✓ элементов языка и идеограмм: значков Интернета, знаков валюты и т. п.: *\$пецины* (специальные цены); *€окна* (европейские окна); *Ч@T* «Дебют перв©курсник@: Ч@Тное_мнение_» («ТЭФтонский орден», 09.12.2005);

- ✓ элементов нескольких систем: «*Re:Акция*»: *re:форма*, *re:актив*, *re:Зина*, *Стань re:активней!* (названия разделов газеты «*Re:Акция*») – сочетание кириллицы, латиницы и знаков препинания; *Все НовоЕ*, *ЖеNский дЕень*, *НЕмного истории*, *ЖеNскиЕ штучки*, *НЕобходимые знания*, *ПрикладNныЕ науки* (названия рубрик в молодежном журнале «*НЕгазета*») – сочетание кириллицы, латиницы и неузального употребления прописных и строчных букв. Ср. также названия книг: повесть М. Свешниковой «*Fuck’ты*» /М., 2007/; роман В. Маканина «*И\$пуг*» (*Сатирмэн* и лунные женщины) /М., 2008/; ГидонКремер «*Ин@родный артист*» /М., 2008/; повесть С. Вебер «*LOVELESS: Повесть о НЕнастоЯщей ЖеницинЕ*» /М., 2007/ – сочетание кириллицы, латиницы, неузального чередования строчных и прописных букв и их цветового оформления.

Учет средств создания производных-«кентавров» позволяет выделить **несколько типов графодеривации (графиксации)**. При этом целесообразно учитывать такие виды материальных средств, используемых при создании дериватов, как знаки языка / знаки других кодовых систем (цифровых, компьютерных и др.), элементы одного / нескольких языков, сегментные / суперсегментные средства графо-орфографического оформления слова. Это позволяет выделить внутри графодеривации моно-, поли-, кодо- и типографиксацию.

1. Монографиксация – это создание неолексем графическими средствами одного языка: *до-история*, *(бес)порядок*, «ФБР ФаБРикует», *БУШечное мясо* (АиФ, 2004, № 37), «Победила СПеСь» (Известия. 6.04.2000).

2. Полиграфиксация (графогибридизация) – создание новообразований с помощью графических средств разных языков «*STARость – не радость*», «*Концерт Земфиры*». Название команды журнала «Cosmopolitan» – *Cosmическая команда* (Cosmopolitan № 9, 2005) – намекает на ее «звездность» – “команда, избранных, лучших в своем деле”.

3. Кодографиксация – создание неолексем с помощью сегментных средств разных кодовых систем, одна из которых не является естественно-языковой: «*На100ящие сейфы*», «*Кур\$ валют*», *€окна*, «*Ин@родный артист*» (нумеро-, инето-, пиктографиксация).

4. Типографиксация – создание неолексем с помощью суперсегментного средства, не являющегося собственно языковым, напр., выделение курсивом / полужирным / подчеркиванием или другим способом какой-либо части деривата, что приводит к актуализации некоторых смыслов, к перераспределению сем: «А я забыл, кто я. / Звук злата все звончей. / Казна – известно чья? / А я – чей казначей?» (В. Высоцкий).

5. Комбинированная графодеривация – создание неолексем с помощью сочетания средств вышеприведенных разновидностей графодеривации: «*Web-издания*» (полиграфиксация + типографиксация / дакографиксация “выделение полужирным”/), «*PR-компания*» (полиграфиксация + дакографиксация), «*Re:акция*» (монографиксация / бипунктуализация/ + полиграфиксация + дакографиксация).

В настоящее время графодериваты встречаются повсеместно: в СМИ, в Интернет-общении, в SMS-ках, в рекламе, в названиях городских объектов, в номинациях кафе, магазинов, банков и т.п.: бистро «*СТОПКА*», магазины «*CLASSIC-мебель*», «*DISKO-город*», «*TOYOTA-центр*»; торговый дом «*SIBсервис*», предприятие по авторемонту «*АвтоZONA*»; программа на MTV о жизни знаменитостей «*Starmрек*»; рок-группа «*Deadушки*»; надпись на аудиокассете «*Newвинка*»; «*RECORDные*

новости»; парфюмерный магазин и журнал «Дивино» (Григорьева Т.М., 2009); реклама «*вАшемУ КоМпьютерУ не НуГны ПиРа"Ц"кие DuSki*» и под. В учебных и научных технических текстах, в деловой речи, связанной с современными Интернет-, IT- и медиатехнологиями, широко употребляются графодериваты с чисто номинативной функцией: *Web-издания, PR-компания, PR-технология, PR-ход, DVD-плеер, IBM-подобный, flash-баннеры, CD-ROMный, CD-диск, CD-плеер, CD-плеер, CD-проигрыватель, CD-чейнджер* и т. п.

Сформировались и новые области распространения креолизованных производных – книги разных жанров и содержания: художественные, научно-популярные, научно-учебные и др. – и их обложки. При обращении к названиям книг, предлагаемым читателю начала XXI в., обращает на себя внимание наличие многочисленных окказионализмов, построенных на обыгрывании их графо-орфографического оформления: *Духless* (С. Минаев. *Духless*. Повесть о ненастоящем человеке. М., 2001), *любоff/on* (О. Робски. *Про любоff/on*. М., 2003), *Общага-на-Крови* (Иванов А. *Общага-на-Крови*. М., 2007), *разБУШевалась* (Воннегут К. *Человек без страны, или Америка разБУШевалась*. М., 2007), *Литпром.ru* (Минаев С., Багиров Э. *Литпром.ru*. М., 2007), *\$то* (Нарышкин М. *\$то причин убить босса*. М., 2007), *Вдохнуть! и! не! ды!шать!* (Кетро М. *Вдохнуть! и! не! ды!шать!* М., 2008). Издаются целые серии книг, названных с помощью таких новообразований, например серия издательства «Эксмо» *Духnews*; в числе издательств, публикующих такие тексты, есть и те, что ориентированы, судя по их названию, на пропаганду не столько массовой, сколько элитарной культуры: например, издательство «Ультра-Культура».

Следует отметить, что графодеривация и креолизация языковых средств и текстов свойственны не только русскому языку: ее наличие и развитие отмечено и в английском, и в славянских языках.

Л.П. Амири анализирует многочисленные случаи графических игр в американской и английской рекламах: «*REVOLUTION*» (“Volvo” – название рекламируемой марки машины + удовольствие); «*FORDiesel ranger 2003*» (реклама автомобиля марки “Ford”); «*aRMadillo An Internet First Mover*» (реклама компании “RM”) (Амири 2007: 12–15).

В Белоруссии в одном из магазинов во время поста продавался хлеб с надписью «*ПОСТный продукт*», в магазине часов «Луч» висела реклама «*“Луч” – ЛУЧший магазин часов “Луч”*» (2009).

В польской газете в названии турагентства «Almatour» (г. Гданьск) петелька первой буквы *a* заменена на значок глобуса, в названии агентства «Alltravels» латинская *V* заменена значком галочки (птички), выступающей над основной строчкой, что метафоризирует это название: «Путешествуй с нами так же легко, как летают птички!» или «Возьми на заметку, запомни!» (знак галочки).

Таким образом, креолизация текстов и языковых средств – это универсальная тенденция развития языков XXI в. и современной коммуникации, а появление графодериватов в русской речи рубежа XX–XI вв. не случайно.

Во-первых, оно связано с качественно новым этапом развития современной коммуникации, который характеризуется демократизацией и относительной нестабильностью языковых (шире – коммуникативных) норм, что способствует их нарушению, языковой игре, основанной на нарушении стереотипов восприятия, в том числе стереотипов восприятия графической формы слова. Это приводит к постоянному преобразованию собственно речевой коммуникации в видеовербальную, что позволяет воспринимать информацию двумя полушариями одновременно: вербальная составляющая текста обычно воспринимается левым полушарием и поэлементно, а иконическая – правым полушарием и целостно, холистически. Графодериваты – яркий пример визуализации коммуникации.

Во-вторых, распространению креолизованных дериватов способствуют и такие особенности сознания современного человека, как клиповое мышление, требующее краткости, лаконичности, максимальной экспрессивности и визуализации текста. По мнению Н.Д. Голева (2009), это приводит к усилению холистичности восприятия письменного текста, к опоре на его визуальную, идеографическую составляющую.

В-третьих, визуализация информации обусловлена усилением лингвомаркетологической функции современного текста: графодериваты первоначально появились в технических текстах, в конце XX в. – рекламе, СМИ и художественных текстах. Распространение графодериватов свидетельствует о том, что в настоящее время «усиливается прагматическая функция языка в ее крайнем проявлении, которую можно назвать лингвомаркетологической функцией, проявляющейся тогда, когда язык становится объектом или средством купли-продажи ... Востребованным оказывается лишь то, что реально воздействует на сознание адресата, побуждая его к тем действиям, ради которых ... текст создается. Этим потребностям в рекламном тексте в большей мере отвечает параграфемика» (Голев 2009).

В-четвертых, появление и активизация графодериватов соответствует современному движению русской культуры (и сознания современного человека) от закрытого типа к открытому. Тип культуры, названный условно «закрытым», относится к культуре культовой, соборной. Границы такой культуры обычно тщательно охраняются, притом не только официальной культурной политикой, но и самой культурой, которая оберегает свою целостность и традиции. Такой культуре не требуется подпитка извне; она только мешает ей развиваться по своим законам,

которые не предполагают взаимодействия с соседними культурами и по которым на свою территорию чужое не допускается. В самоописании культуры этого типа обязательно развивается идея самодостаточности и полноты. Культура закрытого типа оглядывается на свои истоки, уверенная в том, что они остаются неизменными, но не на другие культуры. Чужой опыт ей противопоказан.

Второй тип культуры – «открытый» – характеризует культуру, стремящуюся освободиться от единообразия мысли, направленную на эстетическую самоидентификацию творческой личности и потому активно взаимодействующую с разными типами окружающих ее культур.

Распространение культуры и сознания второго типа связано с тенденцией к глобализации, обуславливающей совмещение в одном слове элементов кириллицы и латиницы, а также вызывающей новые попытки создания на базе латиницы мирового языка. Вопрос о переходе на латиницу активно обсуждается в Казахстане, Татарстане, Узбекистане, других странах СНГ и рассматривается как способ развития, синхронного с крупными капиталистическими странами, а приверженность кириллице – как признак стагнации или регресса.

«Известно, что в Беларуси создание текста средствами латинской графики для националистически настроенной интеллигенции считается признаком элитарности, знаком оппозиции, противостоящей официальной кириллице» (Нарлох 2006: 152).

В-пятых, графодеривация возникает под влиянием современной **постмодернисткой** культуры и связана с представлениями постмодернизма о сущности мира, языка и текста: с идеями равноправности и неиерархизованности разных кодов при создании текста, смерти автора, неизбежности языковой игры, вариативности и неопределенности окружающих человека миров и под.

Экспрессивно-игровые графодериваты обладают такой яркой характеристикой, как полисеманτικότητα и размытость лексического значения. Например, существительное *(не)бытие* (пример заимствован из: Гугунава Д.В., 2003: 12) потенциально имеет несколько мотиваторов и соответственно несколько результатов словообразовательного процесса: *бытие* → *небытие*, *небытие* → *бытие*, *бытие* + *небытие* → *бытие-небытие*. Значит, *(не)бытие* – это одновременно “бытие”, “небытие” и промежуточное состояние “бытие-небытие”; сосуществование в одном деривате этих взаимоисключающих фаз бытия и создает размытость, многослойность, неоднозначность его лексического значения. Контекст не позволяет выбрать один из смыслов в качестве доминирующего.

Еще примеры – названия книг: «*Мужчина моей мечТЫ*» (это “мужчина моей мечты – ты, взявший книгу в руки, ее потенциальный читатель или покупатель”), «*LOVELESS: Повесть о НЕнастоЯщей*

ЖенщинЕ» (“любовь – это состояние настоящей женщины, ее отсутствие – ненастоящей; прочтение выделенных прописных букв актуализирует смысл “Не я же ненастоящая женщина в отсутствии любви”); названия передач *«ОЧ.УМЕЛЫЕ РУЧКИ»* (“очумелые ручки + очень умелые ручки”) и *«ДОстояние РЕспублики»* (передача о музыкальных традициях и талантах России: “старые и новые исполнители, а также сами песни и их создатели – это достояние России- республики”).

В-шестых, графикация, порождающая неоднозначность истолкования деривата, его некоторую виртуальность, соответствует такой тенденции развития современной художественной речи, как культивирование «поэтики полуслова» (Зубова 2001), поэтики недоговоренности, что создает эффект многомерности окружающих человека миров. Отказ от определенности значений и закрепленных в слове смыслов приводит к тому, что читатель воспринимает прежде всего не реалии и явления, изображаемые в тексте, а авторские интенции, «существование на ... мерцающих, пульсирующих границах» (Бавильский 2000: 182).

Создание приведенных выше графодериватов эксплицирует и такие новые тенденции современного словотворчества, как активное развитие инкорпорирующего сращения, размывание границ между морфемами, отдельными словами и классами слов, между словом и предложением. Усиление неопределенности языкового знака, в том числе в сфере словообразования (Николина 2003: 386), отражает «катастрофический распад реальности» (Эпштейн 2000: 138), окружающей современного человека и воспринимаемой им, а также диффузность, нестабильность, текучесть его картины мира.

Литература

- Амири Л.П. (2007), *Языковая игра в российской и американской рекламе*, Автореферат диссертации кандидата филол. наук, Ростов-на-Дону.
- Анисимова Е.Е. (2003), *Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов)*, Москва.
- Бавильский Д. (2000), *Из глубины*. [In:] «Знамя», № 2, Москва.
- Голев Н.Д. (2009), *Массовое письменное сознание: о некоторых проблемах его изучения и возможных путях их решения*. [In:] Интернет-конференция «Кириллица – латиница – гражданница», 15 марта – 15 апреля 2009 г. Новгородский МИОН. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.mion.novsu.ac.ru/gev/projects/cur/cur_1. – Дата доступа: 12.04.2009.
- Григорьева Т.М. (2009), *Латиница против кириллицы и vice versa*. [In:] Интернет-конференция «Кириллица – латиница – гражданница», 15 марта – 15 апреля 2009 г. Новгородский МИОН. [Электронный

- ресурс]. Режим доступа: http://www.mion.novsu.ac.ru/gev/projects/cur/cug_1. – Дата доступа: 12.04.2009.
- Гугунава Д.В. (2003), *Специфика словопроизводства в литературной критике произведений постмодернизма*. Автореферат диссертации кандидата филол. наук, Нижний Новгород.
- Зубова Л. В. (2001), *Поэтическая орфография в конце XX века*. [In:] «Текст. Интертекст. Культура», Материалы международной конференции (4–7 апреля 2001 года). Москва.
- Изотов В.П. (1998), *Параметры описания системы способов русского словообразования*, Орел.
- Костюков В.М. (1986), *Об одной разновидности индивидуально-авторских слов*. [In:] «Русский язык в школе», № 4.
- Нарлох О.А. (2006), *Латиница в белорусском письме*. [In:] Письменность славян: прошлое, настоящее, будущее, Gdansk – Красноярск.
- Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. (1990), *Креолизованные тексты и их коммуникативная функция*. [In:] *Оптимизация речевого воздействия*, Москва.
- Николина Н.А. (2003), *Новые тенденции в современном русском словотворчестве*. [In:] «Русский язык сегодня», вып. 2, Москва.
- Эпштейн М. (2000), *Постмодерн в России. Литература и теория*, Москва.
- Эпштейн М. (2004), *Слово как произведение. О жанре однослова*. [In:] Эпштейн М. (2004), *Знак пробела: О будущем гуманитарных наук*, Москва.

Summary

The article deals with graphoderivative, which is occasional game lexeme with expressive, estimative and aesthetic functions. Activation of graphoderivative is the universal trend in development of European languages and contemporary communication. Graphoderivative classification, analysis of communicative, speech, cultural and psychological causes of graphoderivative appearance are investigated.

Елена Г. Соболева

СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ КАТЕГОРИИ РЕКЛАМНОГО ТЕКСТА КАК ОСНОВА ДЛЯ СОПОСТАВИТЕЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ (на материале русской рекламы)

В условиях глобализации, стирания границ между странами и культурами лингвистам приходится решать всё новые и новые задачи, например, создание эффективных рекламных сообщений, которые были бы приняты иной культурой. Реклама – это прежде всего текст, и существует она только как текст. Поэтому знание механизмов порождения рекламного текста, механизмов привлечения внимания, механизмов и средств увещевания оказывается очень важным для филологических исследований. Мы вправе задать себе вопрос: какова специфика создания рекламных текстов, предназначенных для иноземной целевой аудитории? Сразу напрашивается ответ, что это знание культурных концептов, транслирующих ценностные установки, стереотипы, архетипы чужой культуры. Несомненно, это так. Однако не менее важно знать требования к речевой деятельности, которые необходимо соблюдать при построении рекламного текста для иноязычных его реципиентов. Хотя качества правильной речи являются универсальными, конкретные нормы задаются системой конкретного языка. В этой связи особую значимость имеет проблема выявления и описания механизмов организации смыслов и средств их выражения в конкретном типе текста, иными словами, проблема описания текстовых категорий.

Одна из главных особенностей нового тысячелетия заключается в том, что «нематериальная ценность будет определять ценность материальную. (...) Мир конкретики менее ценен и интересен. Именно дополнительная культура, порция знания, “вложенная” в продукты, наделяет их ценностью и смыслом. (...) Коммуникация – не просто характеристика продукта. Это неотъемлемая часть его структуры. Она не сводится к сообщению потребителям о продукте. Она становится его осязаемой культурной ценностью» (Дрю 2002: 267).

Реклама – один из видов интегрированных массовых коммуникаций, который создает символический капитал продукта. В условиях глобализации мира именно рекламе принадлежит роль проводника как общих, универсальных смыслов, объединяющих народы, так и конкретных смыслов, того, что отличает одну культуру от другой. Для эффективной рекламной коммуникации важно учитывать не только весь спектр маркетинговых, социальных, культурных и других факторов, но и особенности собственно текстовых показателей.

Лингвистическое изучение рекламного текста в России насчитывает чуть более двух десятилетий. В советское время из-за отсутствия рыночных отношений рекламы в строгом смысле не было. Последовавший в пореформенное время взрыв интереса к рекламной продукции стимулировал повышенное внимание в первую очередь к маркетинговым аспектам рекламы. Исследователи столкнулись со сложностью определения предмета изучения, «которое отразило бы все характеристики рекламы как сообщения, служащего установлению контакта между производителем и потребителями, проявляющегося, с одной стороны, нематериально, в силу вербально-невербальной информации, заключенной в рекламе, а с другой, – сугубо материально – в условиях товарно-денежного обмена» (Медведева 2004: 5).

Реклама как объект лингвистического исследования в силу своего междисциплинарного характера предопределила несколько актуальных направлений. Прежде всего это широкая палитра исследований прагматики рекламного текста. Это различные исследования лингвокреативных стратегий, различных текстовых приемов и языковых средств создания эффективного рекламного продукта (*Рекламный текст: семиотика и лингвистика* 2000).

Не менее значимы для повышения оптимизации рекламного воздействия выявление и классификация типичных погрешностей в рекламе. Несомненно, для копирайтера очень важно создать текст ясный, понятный, соответствующий всем нормам данного языкового сообщества. Поэтому предметом анализа могут служить тексты с различными видами речевых погрешностей. В стремлении нарушить тем или иным образом автоматизм восприятия создатели рекламного текста часто допускают множество ошибок:

Легчайшие кремы с натуральными фруктовыми экстрактами и сахарным тростником превращают вашу кожу в оазис экзотических снов, морковное масло и воск на основе карамели, кофе и какао сделают ваш загар экстремально эффективным!

В приведенном рекламном объявлении допущено несколько погрешностей – неясность рекламного образа (*кожа как оазис экзотических снов*) и языковая неправильность на лексическом уровне: нарушена семантическая сочетаемость в словосочетании *экстремально*

эффективный. Дважды нарушаются правила операций с понятиями в следующем рекламном тексте:

С пылу с жару прямо в присутствии покупателей готовятся вкусные ароматные блинчики. Вы сами можете выбирать сладкие (варенье, сгущенка, орешки, шоколад, клубника с взбитыми сливками) либо сытные (грибочки в сливочном соусе, мясо по-старорусски, цыпленок по-домашнему и др.) начинки.

Из понятия *сладкий* исключен признак “сытости”, не по одному основанию произведено деление блинов. К тому же в данном высказывании нарушена смысловая сочетаемость из-за неверного употребления фразеологизма *с пылу с жару готовятся*.

С другой стороны, рекламный текст, будучи элементом экономических отношений, подпадает под действие различных юридических регламентаций. В рамках ортологического направления особую значимость приобретают юрислингвистические аспекты исследования рекламы. Как показывает практика, текст может полностью отвечать критериям языковой правильности, но не соответствовать тем или иным статьям закона о рекламе (Иншакова 2005; Соболева 2006). Так, в декабре 2008 года в г. Екатеринбурге острый общественный резонанс вызвало рекламное сообщение одного из коммерческих банков: *Очкуешь, товарищ? С наличкой тревожно? Сделай же вклад ты в банке надежном!* Справедливое возмущение горожан вызвало включение в рекламный текст слова из уголовного жаргона: “*очковать – угол., мол. Испытывать страх, бояться*” (*Большой словарь русского жаргона* 2001: 414). Составители «Большого словаря русского жаргона» отмечают резко пейоративную окраску этого глагола, который «образован на основе оборотов *Очко играет; очко жим-жим*» (Там же: 414).

Текст рекламного объявления может быть не столь «криминальным», но, тем не менее, не соответствовать положениям Закона, и, как следствие, фирма и составители рекламы могут навлечь на себя штрафные санкции. Скажем, в российском законодательстве накладывается вето на использование фраз с семантикой превосходства, если это не отвечает требованиям достоверности, которые в законе о рекламе оговорены особо: год основания фирмы, фиксирующий длительность существования организации; территория и общее количество торговых точек, характеризующее степень охвата рынка. Именно эти требования были нарушены в слогане ООО «Бананамама»: *Бананамама. Сеть магазинов для детей № 1 в России*. При рассмотрении иска Федеральная антимонопольная комиссия при сравнении сети магазинов «Бананамама» с другими участниками рынка в этой сфере не выявила фактов превосходства фирмы. Таким образом, имело место нарушение закона о рекламе, так как ООО «Бананамама» в ролике предоставило заведомо ложные сведения.

Итак, российская лингвистика имеет широкие, правда, недостаточно систематизированные знания о стилистике ресурсов рекламы. Вместе с тем реклама в аспекте функциональной стилистики исследована еще недостаточно. Появились смежные работы, посвященные анализу дискурса рекламы. Дискурсивный анализ позволил выявить двойственную природу рекламного текста – принадлежность его одновременно сфере экономики и сфере социально-культурно-психологической жизни людей. Уяснение природы рекламного дискурса дает возможность выстроить содержательно-структурную совокупность элементов рекламного текста, которая включает в себя облигаторные маркетинговые компоненты (рекламируемый товар/услуга, имя фирмы, адрес) и убеждающие, экспрессивно-суггестивные элементы (аргументы, слоган, рекламный образ, тональность).

Активно обсуждаются вопросы, связанные со стилевой природой рекламных текстов, их принадлежностью к определенному функциональному стилю речи. И это проблема имеет отнюдь не спекулятивный, умозрительный характер. Встроенность текстов в систему координат функциональных стилей дает возможность более глубокого осознания содержательно-прагматических и языковых особенностей речевых произведений. Если в начале изучения рекламу безоговорочно включали в газетно-публицистический стиль, представляли его неотъемлемой частью, то в настоящее время чаша весов в споре о стилевой принадлежности рекламы склоняется в пользу аргументов, доказывающих существование самостоятельного рекламного стиля. Наиболее вескими доказательствами наличия рекламного стиля выступают следующие утверждения. Во-первых, реклама обладает особым денотативным пространством, которое организуется рекламируемым товаром/услугой. Рекламные тексты конструируют особую «вещную» картину мира (в отличие от общественно-социальной картины мира публицистических текстов, включающей в себя и политику, и экономику, и культуру, и спорт, и другие аспекты жизни социума). Во-вторых, особая прагматика рекламных текстов – побудить адресата к покупке товара/услуги – обуславливает такие особенности рекламы, как повышенная оценочность и повышенная степень экспрессивности (Кара-Мурза 2000: 24–27). Оба этих признака связаны со спецификой метареферентного плана рекламной коммуникации: автор рекламного сообщения прибегает к стилю смысловой экзальтации, преувеличения, поскольку «значительно отдален от адресата своей речи. Чтобы завладеть чужим сознанием, слово должно многократно увеличить свой семантический потенциал по сравнению со словом, которым обмениваются единомышленники или с которым говорящий обращается к себе» (Эпштейн 1988: 34).

Именно стремление создателей рекламного сообщения к тому, чтобы сфокусировать внимание адресата на предлагаемом товаре/услуге, обуславливает избыточную, по сравнению с усредненной, оценочность (заметим, всегда положительную, что может служить еще одним отличительным признаком именно рекламного стиля) и экспрессивность.

Многими исследователями, наряду с содержательными особенностями («вещная» картина мира, гипероценочность и повышенная экспрессивность), выделяется еще одна характерная черта текстов рекламного стиля – полисемантизм (Толкунова 1998: 55). На наш взгляд, точнее будет говорить не о полисемантизме, а о гиперплеонастичности рекламного текста. Любой текст многозначен (кроме отдельных жанров официально-делового стиля – и то с известными оговорками), допускает множество толкований, интерпретаций. Рекламный текст не исключение. В зависимости от уровней, глубины восприятия, степени креолизованности он допускает множество трактовок. Однако эта смысловая множественность имеет свои границы, которые изначально заданы рекламируемым товаром/услугой, основным товарным предложением и, зачастую, особенностями целевой аудитории. Речь должна идти о другом – о системном характере информационной избыточности рекламного сообщения, то есть рекламный текст изначально ориентирован на то, что одна и та же информация в нем будет дублироваться, повторяться. Рекламные тексты в подавляющем большинстве – тексты особой семиотической природы: это креолизованные тексты, «фактура которых состоит из двух негомогенных частей: вербальной (языковой/речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» (Сорокин, Тарасов 1990: 180-181). Эти гетерогенные по семиотической природе знаки транслируют примерно одни и те же смыслы, которые, накладываясь друг на друга, усиливают воздействие на адресата.

Гиперплеонастичность рекламного текста может создаваться несколькими способами. Наиболее распространенными являются тексты с полной креолизацией, в которых знаки разных семиотических систем дублируют одну и ту же информацию. Так, в рекламном модуле электронной почты вербальная часть содержит утверждение: *Размер почтового ящика на mail.ru теперь неограничен*. Это заявление вступает в языковую игру с визуальным рядом, совмещающим в себе иконические и символические знаки: такса (порода собак, известная своим длинным вытянутым туловищем) изображена как знак бесконечности. Таким образом обыгрывается смысл «неограниченность», который репрезентируется в тексте дважды – словом и математическим символом – знаком бесконечности, и каламбурно обыгрывается знак электронной почты – «собака» @ – с помощью приема буквализации.

Второй способ создания смысловой избыточности – чисто языковой, при котором дублирование смысла осуществляется исключительно языковыми средствами: *Настоящая немецкая обувь из Германии*. Почти буквальный повтор служит цели подчеркнуть качественность, подлинность продукции, ее не контрафактное происхождение.

Итак, рекламные тексты как тексты определенного функционального стиля характеризуются определенной количественной избыточностью – оценочной, экспрессивной, смысловой. Это предопределено, как отмечалось выше, особенностями метареферентного плана (организацией общения с адресатом) и особенностями бытования рекламы – прежде всего кратковременностью предъявления рекламного текста, ведь известно, что в среднем рекламное объявление просматривается в течение 3–5 секунд.

В пользу того, что рекламный стиль – это полноправный элемент системы функциональных стилей, свидетельствует и жанровый реестр рекламных текстов, который разительно отличается от сложившейся системы журналистских жанров.

Обобщая, можно утверждать, что рекламная коммуникация – это отдельный вид информационного обмена, который формирует самостоятельный функциональный стиль. Экстралингвистическими факторами, предопределяющими своеобразие этого стиля и дифференцирующими его от других функциональных систем языка, являются как особенности маркетинговых коммуникаций, интегрированным элементом которых является реклама, так и особенности социальной, психологической, культурно-символической сферы, к которой обращен рекламный текст и в которой он бытует.

Двойственная природа рекламы своеобразно преломляется в смысловых категориях рекламного текста. Смысловая категория может пониматься как механизм организации определенных смыслов и средств их репрезентации. «Категория представляет собой совокупность единиц различных языковых уровней, объединенных общностью семантики и текстовой функцией, а также способом организации языковых составляющих» (Матвеева 1990:17). Для адекватного описания текстовых категорий важно выделить доминирующий смысловой признак, ядерные и периферийные средства его репрезентации, способы их связи и функциональную нагрузку в составе целого. Набор текстовых категорий для текстов разных функциональных стилей определяется исследователями по-разному, но для рекламного текста особую значимость имеют категории связности, темпоральности (времени), локальности (пространства), тональности, оценки – количественной, качественной, модальной.

Чтобы показать своеобразие содержательных категорий рекламного текста, обратимся в категории локальности (пространства). Если пространство – это выражение соположения материальных объектов, то для описания этого атрибута бытия важна прежде всего организация этих объектов, выстроенная по определенным параметрам: центр/периферия; верх/низ; справа/слева; далеко/близко; открытость/замкнутость; охват и т.д. Важна семантика расстояний между предметами и точка зрения на объекты, то есть их восприятие (Гак 1998: 670).

К анализу категории пространства в рекламном тексте приложимо объяснение специфики пространства в русском языковом сознании: «Пространство не является простым вместилищем объектов, а скорее наоборот – конструируется ими, и в этом смысле оно вторично по отношению к объектам» (Яковлева 1994: 20-21).

Поскольку в рекламном тексте моделируется особая «вещная» картина мира, то центр локального континуума занимает рекламируемый товар/услуга и остальное пространство организуется именно вокруг него.

В зависимости от того, формируется референтный план рекламного сообщения только денотативным пространством или же денотативный континуум определенным образом сочетается с символическим пространством, можно выделить три типа рекламных текстов. Следует заметить, что схема пространства рекламных текстов оказывается жестко привязанной к жанровому типу рекламного сообщения: является ли оно информационным объявлением, или же это воздействующее рекламное сообщение. Информационное рекламное объявление содержит только облигаторные элементы, наделенные особой маркетинговой значимостью: имя товара/услуги, адрес/телефон фирмы, имя фирмы. В референтной ситуации, отражаемой в информационном объявлении, товар имеет четкую пространственную индексацию – локус, точку, в которой размещаются фирма/учреждение, распространяющее товар/услугу: *Ремонт телевизоров. Телефон... Пластиковые окна, двери. Входные группы. Адресный блок...* Как и в публицистических, в рекламных информационных текстах на роль основных средств организации поля пространства «выдвигаются различные собственные имена, поскольку пространственная привязка отображаемого факта максимально конкретна» (Матвеева 1990: 107). Поэтому первый тип рекламных пространств – с референтным планом, формируемым денотативным пространством, по сути, связан с конкретной денотативной ситуацией бытования рекламируемого товара/услуги.

Пространственная картина усложняется, когда в текст рекламного сообщения вводятся различные убеждающие и экспрессивно-суггестивные элементы – аргументы, рекламный образ, обращения к адресату, тональные средства, организующие общение с адресатом. Референтный

план включает в себя денотативную локализацию, которая фиксируется определителями-локусами фирмы/предприятия, и символическое пространство. Символическое пространство формируется словами, которые своими значениями рожают вторую реальность. Так, в символическом референтном мире рекламы гостиничных и ресторанных услуг пространство города неоднородно. Давно уже замечено, что символическая карта города имеет ядерную часть («центр») и «окраины», причем границы «центра» размыты, не сфокусированы. «Периферия» на этой «карте» предстает как неопределенная, размытая часть городского пространства, которая в оценочном плане имеет широкий спектр коннотаций – от «безразлично» до «плохо».

Для города «центр» наделен шлейфом коннотаций, делающих этот локус привлекательным для обывателя, потенциального покупателя, пользователя услуг:

Единственный камерный ресторан с экологической кухней на Плотинке (Плотинка – исторический центр г. Екатеринбург – Е.С.);

Новый шотландский паб в центре города; Если вы хотите, не покидая центра города, оказаться в Сербии, тогда добро пожаловать в ресторан «Сербский дворик»; Добро пожаловать в кафе «Ромашка»! Удобно: центр города. Уютно; Отель класса люкс расположен в тихом центре города Екатеринбурга.

Локатив «центр города» выступает в роли эмоционального аргумента в пользу выбора товара/услуги. На первый план, по Ж. Лакану, выходит «не информирование, а вызывание представлений» (Лакан 1995: 69). С другой стороны, поскольку символическое пространство формируется словами, имеет умозрительный характер, в другом виде текстов те же самые слова приобретают противоположное значение и «центр» из престижного, притягательного места наделяется чертами отрицательными. То же самое происходит и со словом *город*, который в символическом пространстве имеет амбивалентное значение – от положительных до отрицательных коннотаций, означает как место, которое надо покинуть: *Устали от городской суеты, пробок? Ждем вас на берегу тихого озера. Адрес...*

Третий класс текстов составляют рекламные сообщения, в которых референтный план состоит исключительно из символического пространства. Как правило, это имиджевая реклама мировых брендов:

Утро Нового года. За окном идет снег... Еще ничего не произошло и всё можно начать сначала. В доме уютно и чисто, воздух свеж... С кухни растекается аромат свежемолотого кофе и поджаренных гренок... Едва слышен звук работающего миксера и тихое причмокивание кофеварки...

Вся семья в сборе. Первый завтрак в Новом году!

Отличное начало, не правда ли? Но можно ли себе представить подобную картину наяву без помощи Сименс?

СИМЕНС. МЫ НУЖНЫ КАЖДОЙ СЕМЬЕ.

Изображенное в тексте пространство мы можем квалифицировать как секторное, когда «автор, исходя из своей установки, особое внимание

обращает не на всё, а лишь на часть пространства. Он намеренно выделяет лишь тот фрагмент, сектор, где происходит событие (...) Секторному изображению свойственно не просто сужение пространства, но выделение как бы крупным планом наиболее значимого из общей полной картины» (Папина 2002: 235-236).

Пространство референтной ситуации ограничено рамками дома и конкретно – локализовано кухней, местом единения домочадцев. Пространство заполнено лишь рекламируемыми предметами – продукцией фирмы Сименс, причем в основном они представлены метонимически – за счет своих действий, не нарушающих тишины и спокойствия волшебного новогоднего утра. Семантику обновления (Новый год), уюта поддерживает и намеренное не именование людей: в тексте они также даны метонимически с помощью слов с семантикой звукового, обонятельного восприятия: *аромат, свежемолотый, кофе, поджаренный, гренки, тихое причмокивание* (имитирует звук тихо работающей кофеварки). Рекламируемые продукты выступают в функции аксессуаров обжитости, уюта. Как пишет Ю.С. Степанов, «“понятие «уют» для нас всегда ассоциируется со “своим”, только себе принадлежащим небольшим пространством, как-то отгороженным, отграниченным от внешнего мира и, в противоположность последнему, защищенным “уголком”, где тепло, где покой и не снуют посторонние люди» (Степанов 2001: 806-807).

В заключение подчеркнем, что детальное изучение смысловых категорий рекламного текста еще ждет своего часа. Это исследование, несомненно, значимо и актуально, так как дает возможность выявить и описать основные механизмы организации доминирующих смыслов текста и их манифестации. Подобное исследование важно и в прагматическом плане, поскольку позволяет выработать технологии создания эффективных рекламных обращений. Это исследование интересно и в сопоставительном плане, формирует основу для сравнительного анализа текстов разных культур.

Литература

- Гак В.Г. (1998), *Пространство вне пространства*. [In:] Гак В.Г. *Языковые преобразования*, Москва.
- Дрю Ж.-М. (2002), *Ломая стереотипы*, Санкт-Петербург.
- Иншакова Н.Г. (2005), *Помощник рекламиста, или Редактор рекламных текстов*, Москва.
- Кара-Мурза Е.С. (2000), *Рекламный стиль и функционально-стилистическая дифференциация современного русского языка*. [In:]

- Журналистика в 1999 году. Тезисы научно-практической конференции*, ч. 5, Москва.
- Лакан Ж. (1995), *Функция и поле речи и языка в психоанализе*, Москва.
- Матвеева Т.В. (1990), *Функциональные стили в аспекте текстовых категорий: Синхронно-сопоставительный очерк*, Свердловск.
- Медведева Е.В. (2004), *Рекламная коммуникация*, Москва.
- Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. (2001), *Большой словарь русского жаргона*, Санкт-Петербург.
- Папина А.Ф. (2002), *Текст: его единицы и глобальные категории*, Москва.
- Рекламный текст: семиотика и лингвистика* (2000), Сост. Ю.К. Пирогова, П.Б. Паршин, Москва.
- Соболева Е.Г. (2006), *Лингвистическая экспертиза: методики, ограничения в применении*. [In:] *Экспертиза в современном мире: от знания к деятельности* / Под ред. Г.В. Иванченко, Д.Л. Леонтьева, Москва.
- Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. (1990), *Креолизованные тексты и их коммуникативная функция*. [In:] *Оптимизация речевого воздействия*, Москва.
- Степанов Ю.С. (2001), *Константы: Словарь русской культуры*, Москва.
- Толкунова Е.Г. (1998), *Суггестологическое описание современных русских рекламных текстов*. Диссерт. канд. наук. Барнаул.
- Эпштейн М.Н. (1988), *Парадоксы новизны: О литературном развитии XIX–XX веков*, Москва.
- Яковлева Е.С. (1994), *Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия)*, Москва.

Summary

The article gives an overview of the existing linguistic trends in studying advertising texts, namely: linguopragmatic, linguocultural and nominative. It is pointed out that an advertising text has not been investigated enough in the aspect of text categories. The peculiarity of the text category of an advertising message named locativity (space) is analyzed. The author reveals three groups of texts in regard to content structural features of space. These are the following: texts with a referent plan formed by the denotative and symbolic space, texts with a referent plan formed exclusively by the symbolic space. The research of content categories of an advertising text is of much importance in theoretical as well as in applied plans, that is in comparative and pragmatic ones.

INFORMACJA O AUTORACH I RECENZENTACH

AUTORZY

Natalia Avina – dr, docent, Katedra Filologii Rosyjskiej i Dydaktyki, Uniwersytet Pedagogiczny w Wilnie (Wilno, Litwa)

Cvetanka Avramova – dr, główny asystent Katedry Językoznawstwa Słowiańskiego, Sofijski Uniwersytet im. Św. Klemensa Ohrydzkiego; członkini Komisji Słowotwórczej przy Międzynarodowym Komitecie Sławistów (Sofia, Bułgaria)

Anna I. Bowsunowskaja – mgr, doktorant, asystent Katedry Historii Języka Rosyjskiego i Językoznawstwa, Wydział Filologiczny, Kazański Uniwersytet Państwowy (Kazan, Rosja)

Katarzyna Czarnecka – dr, Pracownia Polszczyzny Kresowej Instytutu Języka Polskiego Polskiej Akademii Nauk (Kraków, Polska)

Jaroslava Celerová – PhDr. CSc., Kierownik Oddzielenia Sławistyki Katedry Bohemistyki i Sławistyki Wydziału Pedagogicznego Uniwersytetu Jana Evangelisty Purkyně (Ústí nad Labem, Czechy)

Natalia B. Demianenko – dr, docent Katedry Polonistyki Instytutu Filologii Uniwersytetu Narodowego imienia Tarasa Szewczenki (Kijów, Ukraina)

Inna Kalita – Mgr. Ph.D, Oddzielenie Sławistyki Katedry Bohemistyki i Sławistyki Wydziału Pedagogicznego Uniwersytetu Jana Evangelisty Purkyně (Ústí nad Labem, Czechy)

Gulzuchra K. Kasimowa – dr, docent Katedry Języka Rosyjskiego i Metodyki Nauczania Państwowego Uniwersytetu Pedagogicznego im. W.G. Bielinskiego (Pienza, Rosja)

Elena I. Koriakowcewa – dr hab., profesor nzw. UPH, Kierownik Zakładu Lingwistyki Stosowanej i Logopedii Instytutu Filologii Polskiej i Lingwistyki Stosowanej Uniwersytetu Przyrodniczo-Humanistycznego w Siedlcach; sekretarz naukowy Komisji Słowotwórstwa przy Międzynarodowym Komitecie Sławistów (Siedlce, Polska)

Aleksander A. Łukaszaniec – dr hab., profesor, członek korespondent Narodowej Akademii Nauk Białorusi, Dyrektor Instytutu Języka i Literatury im. Ja-

kuba Kołasa Nacjonalnej Akademii Nauk Białorusi; Przewodniczący Międzynarodowego Komitetu Sławistów, Przewodniczący Komisji Słowotwórczej przy Międzynarodowym Komitecie Sławistów (Mińsk, Białoruś)

Galina P. Nieszczymenko – dr hab., profesor, główny pracownik naukowy Instytutu Słowianoznawstwa Rosyjskiej Akademii Nauk; członkini Komisji Słowotwórczej przy Międzynarodowym Komitecie Sławistów (Moskwa, Rosja)

Gennadij A. Nikołajew – dr hab., profesor, Katedra Historii Języka Rosyjskiego i Językoznawstwa, Wydział Filologiczny, Kazański Uniwersytet Państwowy (Kazan, Rosja); członek Komisji Słowotwórczej przy Międzynarodowym Komitecie Sławistów

Natalia G. Nikołajewa – dr hab., docent, Katedra Filologii Romanogermńskiej, Wydział Filologiczny, Kazański Uniwersytet Państwowy

Ingeborg Ohnheiser – dr hab., profesor, Institut für Slavistik Universität Innsbruck (Innsbruck, Austria); członkini Komisji Słowotwórczej przy Międzynarodowym Komitecie Sławistów

Nadieżda K. Onipenko – dr, docent Katedry Współczesnego Języka Rosyjskiego Wydziału Filologicznego Moskiewskiego Uniwersytetu Państwowego im. M.W. Łomonosowa; starszy pracownik naukowy Instytutu Języka Rosyjskiego im. W.W. Winogradowa Rosyjskiej Akademii Nauk (Moskwa, Rosja)

Aleksander W. Pietrow – dr, docent Katedry Językoznawstwa Rosyjskiego, Słowiańskiego i Ogólnego Taurydzkiego Uniwersytetu Państwowego im. W.I. Wernadzkiego (Symferopol, Ukraina)

Tatiana W. Popowa – dr hab., profesor Katedry Języków Obcych Uralskiego Technicznego Uniwersytetu Państwowego-UPI im. Pierwszego Prezydenta Rosji Borisa N. Jelcyna (Jekaterynburg, Rosja)

Larisa V. Racyburskaja – dr hab., profesor, Kierownik Katedry Współczesnego Języka Rosyjskiego, Państwowy Uniwersytet im. N.I. Łobaczewskiego (Niżny Nowgorod, Rosja)

Jelena G. Sobolewa – dr, docent, Kierownik Katedry Języków Komunikacji Masowej Wydziału Public Relation i Reklamy Uralskiego Uniwersytetu Państwowego im. A.M. Gorkiego (Jekaterynburg, Rosja)

Anastazja Timofiejewa – mgr, doktorant Katedry Współczesnego Języka Rosyjskiego, Państwowy Uniwersytet im. N.I. Łobaczewskiego (Niżny Nowgorod, Rosja)

Olga S. Żestkowa – mgr, doktorant Katedry Języka Rosyjskiego i Metodyki Nauczania Państwowego Uniwersytetu Pedagogicznego im. W.G. Bielinskiego (Pienza, Rosja)

RECENZENCI

Krystyna Kleszczowa – profesor zw. dr hab., Zastępca Przewodniczącego Komitetu Językoznawstwa Polskiej Akademii Nauk, Kierownik Zakładu Leksykologii i Semantyki Instytutu Języka Polskiego, Wydział Filologiczny Uniwersytetu Śląskiego; członkini Komisji Słotwórstwa przy Międzynarodowym Komitecie Sławistów, (Katowice, Polska).

Ludwig Selimski – dr hab., profesor, Kierownik Zakładu Językoznawstwa Historycznego i Porównawczego Instytutu Filologii Słowiańskiej Wydziału Filologicznego Uniwersytetu Śląskiego (Katowice, Polska).

Jadwiga Stawnicka – profesor zw., dr hab., Kierownik Zakładu Rosyjskiego Języka Biznesu Instytutu Filologii Wschodniosłowiańskiej, prodziekan Wydziału Filologicznego Uniwersytetu Śląskiego (Katowice, Polska).

